

А. ВЕТЛУГИНЪ

ГЕРОИ

И

ВООБРАЖАЕМЫЕ ПОРТРЕТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО
БЕРЛИНЪ

1922

А. ВЕТЛУГИНЪ

Г Е Р О И

И

ВООБРАЖАЕМЫЕ ПОРТРЕТЫ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО»
БЕРЛИНЪ*

1 9 2 2

ІЕРИХОНСКІЕ ТРУБАЧИ.

... И смерти голосъ трубный!

I.

... А Пиппа все пляшетъ — обезумѣвшая фантастическая Пиппа. И они все трубятъ, трубятъ и топаютъ ногами.

... Мнѣ уже казалось, что я начинаю засыпать подъ гулъ этихъ побѣжденных, не унывающихъ трубъ. По утрамъ въ солнечной пыли надъ Триумфальной Аркой, въ ясныхъ даляхъ Елисейскихъ полей, днемъ въ засасывающемъ потокѣ большихъ бульваровъ, въ сумеркахъ на отраженных Сеной, притаившихся набережныхъ мерещилась все та-же русская скука, порочная, бессмертная, безполая, пошлая, какъ пятьдесятъ тысячъ лакеевъ, вмѣстѣ взятыхъ.

... Давно это было, много раньше Рождества Христова. Лѣтомъ 1917 года, вотъ тѣмъ самымъ огневымъ лѣтомъ, когда нѣкто за нѣчто «Россію разлюбилъ». Четверо въ сѣрыхъ гимнастеркахъ везли съ Кавказа царскаго генерала. Везутъ день, везутъ второй, везутъ третій. Охаетъ паровозъ на подъемахъ, матомъ всеобъемлющимъ ре-

вуть разъѣзды, полустанки, узловыя. Корридоры заплеваны, купэ прокурены, къ сортирамъ не протолпиться. И нѣтъ конца-края поѣздкѣ ненужной, омерзительной. Подумаешь, большое дѣло за тридевять земель въ Питеръ старика возить. Будто въ Тифлисъ, въ Баладжарахъ, въ Грозномъ не убиваетъ пуля, не колетъ штыкъ? И нѣтъ конца-края остервенѣнію къ кому-то Третьему — отъ жары, духоты, вонищи — и ежесекундно возрастаетъ гадливая жалость къ сморщенному, небритому, дрожащему старику. Вся жизнь его керенки не стоитъ, а тутъ, поодишь, четверо молодыхъ страдаютъ скучаютъ, скучаютъ. Ползеть, ползеть, гудить, гудить. Въ Тифлисъ, въ Верійскихъ садахъ сейчасъ музыка играетъ, пахнетъ карачаевскимъ барашкомъ и киснетъ козій сыръ. Дѣвки покрашенные, грудастыя, черноглазыя прыгають на колѣни и просятъ угостить ихъ грушой-дюшесъ.

... Старикъ со сна что-то говорить; пованивается отъ него, охъ пованивается! И по щетинистому подбородку слюна растекается... Еще часъ, другой, отъ тоски надо окна прикладомъ расшибать, головой внизъ на полотно кидаться.

Четверо сѣрыхъ молчаливыхъ, безъ сговора, безъ знака, хватаются за винтовки — и въ дикомъ отчаяніи, все въ той-же гадли-

вой жалости закалываютъ царскаго генерала !

...И другой случай — въ Кіевѣ. Дѣло подь вечерь. Приходятъ съ обыскомъ, все по хорошему, мандать въ порядкѣ. «И берутъ они человѣчка и ведутъ его прямо въ ве-че-ка». Человѣчекъ идетъ впереди, пять мандатовъ позади. Человѣчекъ попался смѣтливый. Чуетъ, что въ душахъ мандатскихъ буря поднимается и губы подрагиваютъ и какой-то разговоръ неясный. Будто жалѣютъ, будто... похуже окончится. Человѣчекъ обдумываетъ: пропаль я, *пожалъли* они меня, значить отъ *жалости* до ве-че-ка не доведутъ, мучать не захотятъ и (въ спину трах-та-ра-рахъ... Человѣчекъ искаженную свою рожицу къ мандатамъ поворачиваетъ и на полный ходъ, по военно - морскому уставу — «Сволочи, христопродавцы, мать вашу такъ и сякъ, за руку и за ногу»... И пошелъ, и — пошелъ, пошелъ. Чистить на чемъ свѣтъ стоитъ, а въ душѣ именины. Потому что видить — лица багровѣютъ, губы сжимаются и въ глазахъ грязь бездонныхъ колодцовъ: жалость проходить, такого и помучить не мѣшаетъ...

«Слышь ты, курва, такъ и такъ, иди и не матюкайся. Какіе мы ни есть, въ ве-че-ка разберутъ»...

Спасся смѣтливый человѣчекъ!..

... Цвѣточки, цвѣточки, ягодки были впереди. Въ городѣ-свѣточѣ, на авеню зарѣзаннаго Клебера, въ Мажестикъ-отелѣ, выстроенномъ для удобства и быстрыхъ тратъ заѣзжихъ американцевъ, въ подвальномъ концертномъ залѣ, я самъ себѣ чуть-чуть горло перочиннымъ ножикомъ не перерѣзалъ. Отъ революціонной гадливой жалости, отъ Русской Скуки, отъ омерзѣнія предъ гуломъ Іерихонскихъ Трубачей. То ли Съѣздъ Національный, то ли Съѣздъ Торговопромышленный. Развѣ разберешь? По рядамъ отъ перваго до послѣдняго полированная лысина: Молодая Россія. На эстрадѣ, за столомъ и столикомъ — пенснэ, очки, черепаховые лорнеты: провидцы русскихъ судебъ. То ли Павелъ Рябушинскій земли крестьянству отдаетъ, то ли Карташовъ, профессоръ и теургъ, съ закрытыми глазами речеть о свѣтлыхъ Галлипольскихъ юношахъ...

Вѣрите же: Вѣчная Женственность
нынѣ

Въ тѣлѣ нетлѣнномъ на землю
идеть...

Вѣчная Женственность — Врангель; тѣло нетлѣнное — Кутеповскіе батальоны...

И трубятъ, трубятъ, и топаютъ ногами. Всему Парижу (русскому крохотному Парижу) извѣстная хромая женщина, служа-

щая въ Surété Generale отъ вдохновенія костью стучить. Вѣрите же, Вѣчная Женственность!

А стѣны все не падаютъ, и управляющій Мажестика чрезвычайно волнуется, скоро ли окончится засѣданіе.

На 8½ вечера въ подвальномъ концертномъ залѣ назначенъ концертъ цыганки Ани, и публика уже съѣзжается, а юни еще только-только вторую привѣтственную телеграмму обсуждаютъ...

Бѣжимъ, дорогой, бѣжимъ. Лучше въ нужникѣ утопиться, чѣмъ въ Трубы Іерихонскія гудѣть. „Дорогой“ открываетъ осоловѣвшіе глаза — и я у меня — спрашиваю:

Но куда-же? Дослушаемъ до резолюціи... Брось, плюнь, поѣдемъ къ женщинамъ. Тамъ Трубы не гудятъ.

Были женщины, сорокъ пять женщинъ, цѣлый парадъ. Была купля-продажа. И піанола (пріобрѣтена въ разсрочку) играла Шопеновскій вальсъ. Но Трубы молчали, гадливая жалость проходила, душа просыпалась.

Господь Богъ Трубачей простить? Его дѣло, можетъ быть и простить. А я не могу и не хочу...

II.

Ъхаль въ поѣздѣ — изъ Парижа въ Берлинъ. Вопилъ вагонъ международнаго о-ва спальныхъ вагоновъ. Англичанинъ яростно дымилъ, дергалъ сѣрую, шелковую кепку: по ship, по business!.. Французъ кусаль выхоленные усы: pas des affaires, pas des affaires! Голландецъ что-то по своему плакаль, очень сильно плакаль, не довелось, жаль, голландца понять. Рестораторъ подымаль кверху руки, горящія перстнями: Какой ужась, какой ужась, міровая исторія свихнулась, за обѣдомъ въ вагонѣ-ресторанѣ никто уже не требуетъ ликеровъ и sleeping-car наполовину пусть...

Мчались по сѣверу Франціи. Въ окна глядѣли ночь, кресты братскихъ могилъ, триста верстъ фугасами вспаханнаго поля. Городъ Верденъ: 14.000 жителей и 400.000 мертвыхъ...

Pas des affaires, pas des affaires!

O, yes, o, yes, no ship, no business.

Со мной рядомъ сидѣль бородатый Иерихонскій Трубачъ и доказываль, что Радекъ въ молодости часы свиснулъ и потому Россію спасеть генераль Кутеповъ...

O, yes, o, yes!!

Въ дорогѣ межъ Парижемъ и Берлиномъ персчитываль „Les dieux Ont soif“ и вспо-

миналь Версальскій памятникъ генералу Носче, подавителю Вандеи... Что жъ потрубите еще годикъ — на Красной Площади узримъ памятникъ русскому Носче — полковнику Каменеву... Вы не согласны? Не надо, не соглашайтесь, только ради Бога, не топайте ногами. Будете топать — никогда не доживемъ до финала — «Les dieux ont soif»: вечеромъ 9 термидора вмѣсто кровавой Са-іга весь Парижъ поеть — „Peuple français, peuple de frères“

Пріѣхалъ въ Берлинъ, пошелъ гулять, конечно на Курфюрстендаммъ. Встрѣтилъ знакомую. Въ давно прошедшемъ заводы, конюшни, особняки, зимній садъ, въ настоящемъ — то, что — дамы съ Курфюрстендамма и Іерихонскіе Трубачи съ авеню Клеберъ — называютъ: «большевичка»... Рассказывала долго; рассказала всѣ четыре года. Кровь, кровь. Не убивать нельзя. Такъ надо, такъ будетъ хорошо. Голось маньяка, жесты фанатика. Потомъ посмотрѣла и сказала: «Только мы съ вами на разныхъ языкахъ говоримъ, вы не поймете»... Я вспомнилъ революціонную жалость, Особый отдѣлъ генеральнаго штаба, взятіе Царицына, Кіевскую «пытку страхомъ» — и твердо — съ неожиданной, въ мигъ вырастающей твердостью — отвѣтилъ: «Нѣтъ, мы говоримъ на одномъ и томъ-же

языкъ. Я все понялъ. Я тоже больше не запугиваю стѣнъ трубами»!..

Боги жаждутъ, Боги требуютъ — но... „Peuple français, peuple de frères“! . .

И, если даже слишкомъ много крови нужно жаждущимъ богамъ, то и тогда — на пятый годъ, видѣвъ все, пройдя Корнилова и Деникина, Врангеля и Отель Мажестикъ, на пятый годъ, продолжая спать со сжатыми кулаками, я прислушиваюсь къ немолкающимъ Иерихонскимъ Трубамъ и говорю: „Лучше ли Троцкій? Не лучше, не хуже; для одной шестой части суши нужны другія категоріи. Цѣлесообразнѣе!..“

III.

Интеллигенція и революція?

Умирающій Розановъ отвѣчалъ: «Насладившись вдоволь этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ, мы собрались одѣть шубы и идти домой. Но оказалось, что шубы украдены, а дома заняты» ...

А у васъ въ Россіи тоже попадаются Иерихонскіе Трубачи?

Пріѣзжій, настоящій, стоящій, талантливый, все перетерпѣвшій человѣкъ съ грустью отвѣчаетъ: «Въ этомъ-то и состоитъ нашъ самый большой ужасъ. У васъ трубятъ — Врангель, Кутеповъ, царь, учредилка — это смѣшно и жалко. У насъ инья

трубныя пѣсни: «край родной долготерпѣнья, особенная статья, небывалый умственный расцвѣтъ, свѣтъ съ Востока» и пр. и пр. Пока не поймутъ, что столько разъ оплеванные совбуръ и мѣщеникъ болѣе шевелятъ и возрождаютъ Россію, чѣмъ музыканты-самохвалы — настоящая жизнь не придетъ. Правительство пусть остается, но... Кто же подумаетъ о Туркестанскомъ хлопкѣ, о бакинской нефти, о донецкомъ углѣ, объ Уральскомъ желѣзѣ?! Вотъ наша подлинная статья. Поменьше «любви къ родинѣ» и долготерпѣнья, побольше колонизаціи, если хотите даже эксплуатаціи»!..

... О, если бы поняли, если-бы перестали «жалѣть»!.. Будутъ жалѣть, будутъ о долготерпѣньи трубить — не «доведутъ» Россію, убьютъ Россію... Перестанутъ жалѣть, начнутъ мучить, эксплуатировать, колонизировать — спасена Россія.

Жизнь Россіи — смерть Иерихонскихъ трубачей. Смерть Россіи — жизнь Иерихонскихъ трубачей. Пока послѣдній не вымретъ, не войдемъ въ землю обѣтованную.

Меньше жалости, больше сжатыхъ кулаковъ, замороженной ненависти!..

... А Пиппа все пляшетъ — обезумѣвшая, фантастическая Пиппа. И они все трубятъ, трубятъ, и топаютъ ногами!

Берлинъ, 27 марта 1922.

РАСПОРЯДИТЕЛИ ИГРЫ.

I.

Они не пишутъ мудрыхъ книгъ; они не знаютъ мудренаго уклада. Опіумъ запада —библіотека — не имѣетъ на нихъ ни малѣйшаго вліянія.

Жизнь — сонъ; жизнь — игра. Не старайтесь проснуться, добивайтесь выигрыша. Въсто эпоса, драмы, лирики, они творятъ послушные парламенты, перепродаютъ контрольные пакеты на цѣлые материки, опредѣляютъ биржевыми сдѣлками содержаніе десятилѣтій... Они, конечно, мечтатели, но они золотые мечтатели; они, конечно, режиссеры, но ихъ труппа—все человѣчество. Энженю-драматикъ, эпизодическіе персонажи, первые любовники: коммунизмъ, монархизмъ, радикализмъ...

Не все ли равно?

Каждый долженъ сыграть ту роль, какую они ему укажутъ. За отказомъ послѣдуетъ уничтоженіе. Игрокъ, не подчиняющійся правиламъ, удаляется изъ клуба. Если даже для Наполеона Вольфгангъ Ге-

те, Voilà l'homme, то для современных учителей жизни Гете — великій миѡъ. Гуго Стиннесу не нуженъ Гете, Гуго Стиннесъ способенъ устроить Вальпургіеву ночь и въ мѣщанское утро кислосладкой Версальской Германіи.

Директора Royal Dutch'а обойдутся и безъ Шекспира: кто хоть разъ испыталъ священную радость борьбы за нефть, для того геній трехъ стѣнъ лишенъ всякой изюминки. Въ мірѣ нѣтъ ничего кромѣ нефти: великую войну по признанію раздосадованнаго политика выиграла нефтяная волна.... Въ мірѣ нѣтъ никого кромѣ Рокфеллера съ его Standart Oil Co и Гюльбенкьяна съ его Royal Dutch'емъ. Всѣ остальные — статисты. Одни съ правомъ реплики: Ллойджъ-Джорджъ, Бріанъ, Гардингъ, другіе только для массовыхъ сценъ. Народы существуютъ единственно для приданія нефтяному revue грандіознаго характера..

Не говорите о разоруженіи, можете построить шестнадцать сверхдредноутовъ, можете не строить ни одного. И у домашней прислуги бываютъ вечеринки: пусть они развлекаются въ Вашингтонѣ, Версалѣ, Парижѣ... Все равно: міровая гегемонія останется за тѣмъ, кто захватитъ гегемонію нефтяную.

Гюльбенкьянъ... Да здравствуетъ Англія!
Рокфеллеръ... Слава Америкѣ!

Франція выиграла войну, у нея есть шесть маршаловъ, но только одинъ Лущеръ; увы, и у Лущера минуты жизни не выражаются въ тоннахъ нефти бьющихъ фонтановъ. Слѣдствія понятны. Сумерки латинской культуры — вздыхаютъ статисты лирическіе; ужасающая политическая изоляція — блѣднѣютъ статисты политическіе.

II.

Когда-то Гоголь совѣтовалъ проѣхать по Россіи. Теперь его совѣтъ потерялъ остроту для русскихъ и приобрѣлъ для иностранцевъ. Уэлльсу надо видѣть Петербургъ, Москву; петербуржцу, если онъ хочетъ пройти курсъ новаго ученія о жизни, надо проѣхать по Европѣ и Америкѣ.

Русскій, не бывшій въ Лондонѣ, Парижѣ, Нью-Йоркѣ и т. д. послѣ армистиса, знаетъ о мірѣ значительно меньше, чѣмъ европеецъ, не бывшій съ 1914 въ Петербургѣ, знаетъ о Россіи. Отсюда туда чрезъ китайскую стѣну еще можно кое-что увидѣть, оттуда сюда — ничего и никогда.

У европейца могутъ быть превратныя понятія: одинъ вѣритъ въ рай, другой вѣритъ въ супъ изъ человѣческихъ пальцевъ,

какая-то равнодѣйствующая правды о Россіи все-же опредѣляется.

Русскій живетъ исключительно миражами: одинъ ждетъ англійскаго флота, другой сообщаетъ объ имѣющемъ завтра утромъ начаться міровомъ пожарѣ. Новый паѳосъ Европы и Америки невѣдомъ никому изъ ста пятидесяти милліоновъ. Центръ не въ происшедшихъ **внѣшнихъ** измѣненіяхъ; дѣло не въ томъ, что за десять долларовъ вы получите въ Нью-Йоркѣ чернорабочаго на день, а въ Вѣнѣ Эрцгерцогиню на ночь, что Парижъ сталъ серьезнѣе, а Лондонъ легкомысленнѣй, что Берлинская полиція начала брать взятки, а Парижская продолжаетъ избивать арестованныхъ... Лицо Европы и Америки гладко выбрито и загадочно, развѣ чуть-чуть подернуто печалью. Не по лицу, не по его морщинамъ судить тотъ, кто успѣлъ «проѣхаться»...

Появились новые учителя жизни. Война научила вѣрить только въ силу во первыхъ и только въ истинныхъ обладателей силы во вторыхъ. Война уничтожила право, остался правовой пессимизмъ. Война не замкнула своего вліянія въ рамкахъ четырехъ лѣтъ. Она наложила руку и на послѣдующіе акты revue. Четверо Андерсеновыхъ королей, въ окруженіи моноклей, эполетъ, многодумныхъ экспертныхъ лбовъ, длин-

ные мѣсяцы совѣщались, спорили, чертили какія-то карты. И получился Версальскій договоръ: проигранная побѣда триумфаторовъ, звѣриное озлобленіе побѣжденныхъ.

Два тихихъ любезныхъ господина нѣсколько часовъ провели въ номерѣ Висбаденской гостинницы — и побѣдитель увидѣлъ реальные плоды побѣды и побѣжденный узналъ возможность изжить поражение. Одного господина звали Луи Лушеръ, другого Ратенау. Оба они — главные персонажи, настоящіе распорядители франко-германской игры, истинные обладатели силы. Нужды нѣтъ, что Клемансо при жизни ставятъ памятникъ, а Лушеру и въ гробъ загоняютъ осиноый колъ.

Не перевоспитывайте чернь, удовлетворяйтесь намордникомъ, разрѣшите фаворитамъ черни, сидя въ каретѣ, дергать за шнурочки, вожжи все равно въ рукахъ хозяина. Такова первая заповѣдь новыхъ учителей жизни.

Умные статисты, дорожащіе своимъ мѣстомъ, стараются не зарываться и не употреблять во зло довѣріе хозяина. Умень Ллойдъ-Джорджъ, котораго во всей Британской имперіи интересуеть лишь Филиппъ Сассунъ. Въ трудную минуту премьеръ ѣдетъ къ распорядителю игры и получаетъ отъ него мудрый совѣтъ. Поэтому

Ллойдъ-Джорджу не страшна никакая оппозиція, поэтому Ллойдъ-Джоржъ способенъ предпринять то, что свалило бы любого премьера. Жизнь по Филиппу Сасуну — это звучитъ лучше, чѣмъ довѣріе, вотированное парламентскимъ большинствомъ...

Поэтому то Матиасъ Эрцбергеръ человекъ, имѣвшій всѣ шансы стать учителемъ жизни, но рискнувшій на борьбу съ распорядителями игры, потерялъ и роль и жизнь.

III.

Эрцбергеръ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ жизнь начинается завтра. Сегодня они наступаютъ на ногу всѣмъ современникамъ, сегодня имъ трудно гарантировать даже личную безопасность. Новый человекъ въ полномъ смыслѣ слова, Эрцбергеръ былъ и чистокровнымъ искушеннымъ патриотомъ: значить жизнь его не могла не стать цѣпью неизбежныхъ компромиссовъ — этихъ роковыхъ апельсиновыхъ корокъ, которыми демагоги пользуются для сокрушенія столповъ и безъ которыхъ искусство управленія превратилось бы въ жалкую диллетантщину чугуновыхъ, но честныхъ генераловъ...

Его здоровая тевтонская голова такъ презирала всяческое ханжество, офіціальную мистерію, офіціозный клерикализмъ... Но непогрѣшимое чутье подсказывало ему, что пока основой современнаго государства остаются восторженные дураки, спайка католицизма есть и будетъ лучшимъ изъ патентованныхъ средствъ предвыборнаго околпачиванья... И двадцативосьмилѣтній Эрцбергеръ, въ отвращеніи зажимая носъ отъ запаха ладана, рясы, богомольной толпы, проходитъ въ Рейхстагъ представителемъ католической партіи, въ самый короткій срокъ становится лидеромъ чернокраснаго движенія, чуть ли не германскимъ Ламеннэ...

Отъ А до Z... Послѣдніе предвоенные годы застаютъ Эрцбергера въ авангардѣ неистоваго непримиримаго алармизма. Война — сплошной идиотизмъ, война — разореніе прежде всего именно побѣдителя; въ борьбѣ народовъ побѣжденная сторона лишается всего благосостоянія и никакіе трактаты не въ состояніи заставить нищихъ «неудачниковъ» заплатить миллиарды... нищимъ «счастливымъ». Въ результатѣ легендарно-удачной войны побѣдитель не сможетъ вернуть своего прежняго благосостоянія, прочности быта, налаженности соотношеній. Да, да, все это такъ. И для

Эрцбергера все это «ясно, какъ простая гамма». Но... что подѣлаешь, если только красный платокъ, дурацкій деревенскій крашенный платокъ, способенъ поддерживать быка въ состояніи перманентнаго активизма и безумія... Если нѣмецкій народъ ради миража побѣды способенъ на чудеса, если германскій пролетаріатъ становится въ мигъ вѣрноподданнымъ и по совѣту императора идетъ молиться въ свои храмы? Подавляя вспышки клокочущаго сарказма, стараясь не слышать собственныхъ словъ, Эрцбергеръ въ 1913 году произноситъ рѣчь на тему о пятидесяти миллиардахъ. „Рано или поздно — Седанъ повторится. Франція намъ заплатитъ не пять, а пятьдесятъ миллиардовъ“...

Еще весной 1914 онъ проповѣдуетъ сближеніе съ Англіей, «единственный разумный союзъ, союзъ не наперекоръ стихіямъ, а въ духѣ реальной политики»... Но разъ война уже начата, она должна быть выиграна. Нужно разжечь мстительность тамъ, гдѣ можетъ изсякнуть энергія. Только ненависть даетъ побѣду, любовь... любовь жертвуетъ десять пфениговъ. Любовь это лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ (двѣ порванныхъ сорочки и одни сапоги) и невредимымъ...

Эрцбергеръ воспѣваетъ ненависть къ

Англии. Всѣ способы хороши. «Лучше разрушить весь Лондонъ, чѣмъ потерять одного германскаго солдата. Не жалѣйте дѣтей, до конца войны они вырастутъ и могутъ дать лишнихъ солдатъ Антантѣ»...

Одновременно съ берлинскими статьями, въ Лугано Эрцбергеръ образуетъ центръ германскаго шпіонажа для Италіи. На учетъ взяты итальянское самолюбіе, итальянское чванство, итальянское миролюбіе, итальянская коррупція. Подкупъ редакторовъ и покушенія на депутатовъ, скупка контрольных пакетовъ заводовъ, способныхъ выработать снаряженіе и немедленное ихъ переустройство, организациі Черной Руки и соглашенія съ полиціей, флиртъ съ социалистами и посулы правительству всяческихъ компенсацій за нейтралитетъ...

Еслибъ не brutальная политика Бюлова, кто знаетъ какими результатами увѣнчалась бы ювелирная работа Эрцбергера?..

Тщетны усилія трехлѣтней легендарной борьбы со всѣмъ міромъ. Чуткое ухо улавливаетъ частые перебои въ пульсѣ изнемогающей Германіи; новыя возможности для непредвидѣннаго хода раскрываетъ русская революція. Съ подводной войной, съ адмираломъ Тирпицемъ покончено. Нужно воздѣйствовать на римскаго папу, интриговать противъ Людендорфа и воз-

будить надежду. Лѣтомъ 1917 года Эрцбергеръ выступаетъ съ обширной рѣчью о главныхъ предпосылкахъ мира: миръ долженъ быть заключенъ безъ аннексій и контрибуцій...

Отнынѣ философскій камень найденъ! Слово произнесено. Пусть оно безсодержательно, пошло, бездарно, пусть оно подходитъ подъ Кантовское опредѣленіе: „Zweckmässigkeit ohne Zweck“ ...

Ахъ обмануть того не трудно,
Кто самъ обманываться радъ...

Эрцбергеръ — самый популярный человекъ въ это лѣто. Онъ — кумиръ осиротѣвшихъ дѣтей, дрожащихъ женъ и матерей, подростающихъ юношей. Человекъ, который знаетъ, какъ прекратить бойню!

Ступень за ступеню, украинская авантюра, бѣшенство конца — берты громятъ Парижъ, а онъ все твердитъ: «Миръ, миръ, миръ во что бы то ни стало»...

Переворотъ произведенъ, какъ бы специально для него. Максъ Баденскій сразу стушевывается предъ этимъ любимцемъ вышедшей на улицу толпы. Только Эрцбергеру по силамъ свиданіе съ триумфаторомъ Фошемъ — и онъ ѣдетъ въ Компьенскій лѣсъ, переступаетъ порогъ отнынѣ историческаго салонъ-вагона.

Въ день армистиса мы сидѣли компаніей русско-нѣмецкихъ журналистовъ въ «Адлонъ-Отелъ». Городъ былъ, какъ адъ, почуявшій возможность спасенія. Наэлектризованное ожиданіе, истерики, слезы... Мы — русскіе — отъ души сочувствовали вздохамъ милліоннаго Берлина. Годъ назадъ, когда еще не все пропало, какъ мечтала, какъ тосковала о мирѣ потрясенная Россія...

Мальчишки ворвались съ экстреннымъ прибавленіемъ: Эрцбергеръ телеграфировалъ о заключеніи перемирія. Побѣжденный Берлинъ ликовалъ вечеромъ 11 ноября не меньше побѣдоноснаго Парижа. Незнакомые люди обнимались, старики танцовали на улицахъ...

На слѣдующее утро въ столовой нашего пансіона съ рѣчами, съ помпой былъ водруженъ портретъ Эрцбергера. Новый человекъ переживалъ свою кульминацію...

Любить умѣютъ только мертвыхъ. И когда первые восторги прошли, когда чувство спасенной жизни потеряло остроту, заговорили, заработали тѣ, кто вечеромъ 11-го ноября предпочитали таиться.

Человѣкъ, заключившаго перемиріе, человекъ, осмѣлившагося создать въ Веймарѣ (лѣтомъ 1919) большинство для ратификаціи Версальскаго договора, жгучей не-

навистью возненавидѣла вся старая «добрая» Германія. Юнкера, не расстающіеся съ корсетомъ, пивовары не призывнаго возраста, перекрасившіеся генералы, организаторы маскарадовъ, именующихся «вольными пожарными обществами», представители нуворишей-враговъ сильнаго обложенія, соединившіеся въ общемъ чувствѣ мести друзья Коппа и Каппа; Эрцбергеръ дерзаль говорить острыя слова, надъ Эрцбергеромъ уже были занесены карающіе мечи. А онъ не смущается и предпринимаетъ настоящій крестовый походъ: «Германіи не нуженъ реваншъ. Она должна работать и платить по Версальскимъ обязательствамъ. Намъ не нужны ни Виттельсбахи, ни Гогенцоллерны, намъ нужно, чтобъ Стиннесы не увиливали отъ несенія Версальской ноши. Стиннесы платятъ слишкомъ мало. Они должны принести жертвы или ихъ заставятъ быть патриотами»...

Дорогой цѣной поплатится Эрцбергеръ за эту попытку сокрушить распорядителей германской игры: заключайте перемирія, но не трогайте королей стали...

Сперва его смѣшаютъ съ грязью: дѣло въ томъ, что самъ Эрцбергеръ, конечно не любитъ платить налоговъ и тщательно скрываетъ отъ фиска точную цифру своихъ доходовъ. Такіе люди, какъ онъ, слишкомъ

цѣнять радость жизни, чтобъ распростра-
нять правила своей морали на свой соб-
ственный обиходъ. Эрцбергеръ считалъ,
что его рѣчи достаточно искусный ersatz
уплаты налоговъ...

Потомъ, когда политикъ убить Моабит-
скимъ процессомъ (1920), приходитъ че-
редь человѣка. Но и тутъ онъ остается не-
зауряденъ: для него потребовалось цѣлыхъ
двѣнадцать пуль...

Не всѣ мертвы, кто похороненъ. Зав-
трашняя Германія будетъ Германіей Эрц-
бергера. Ему поставятъ памятникъ тогда,
когда новые люди дождутся своего поколѣ-
нія. Это поколѣніе пойметъ, что изъ Ком-
пъенскаго позора вырастаютъ цвѣты много
лучше Седанскихъ, триумфальныхъ. Все
дѣло въ искусствѣ садовника. Все искус-
ство въ умѣніи плыть по теченію распоря-
дителя игры.

Трагедія жизни Эрцбергера въ томъ, что
онъ не ощутилъ своего сродства со Стин-
несомъ, что онъ, обладая всѣми компро-
миссами Ллойда-Джорджа, не захотѣлъ
пойти на главный компромиссъ. Какъ ис-
тинный Предтеча, самъ онъ не могъ создать
Новаго Завѣта и умеръ на порогѣ желан-
наго эона...

IV.

Есть громадная разница межъ европейскими и американскими распорядителями игры. Въ Америкѣ традиція и давность; въ Европѣ полное отсутствіе прошлаго — предки начинаются съ 1914... Въ Америкѣ «Standart Oil», за спиной котораго изумительная полувѣковая работа Рокфеллера старшаго, начавшаго свою коммерческую дѣятельность въ возрастѣ одиннадцати лѣтъ разводкой племенной птицы. Въ Америкѣ желѣзнодорожный король Гэрриманъ, уже отецъ котораго нажилъ и кредитоспособную славу и миллионы долларовъ постройкой великаго трансатлантическаго пути. Нынѣшнему Гэрриману неполныхъ тридцать лѣтъ. Онъ любитъ, умѣетъ, стремится рисковать, но въ корнѣ испорченъ американскими условіями, неповторимыми нигдѣ въ мірѣ. Онъ хочетъ возстановить русскую желѣзнодорожную сѣть и, чтобы застраховаться на всѣ возможные случаи, поручаетъ своимъ инженерамъ заручиться согласіемъ не только совѣтской власти, но и всѣхъ остальныхъ правдоподобныхъ комбинацій...

По американски звучитъ остроумно, но переведите этотъ желѣзнодорожный планъ на языкъ Тютюника, Агела, Петлюры!..

Различіе европейскихъ и американскихъ распорядителей наиболѣе ярко выявилось въ борьбѣ за міровую гегемонію — въ войнѣ за нефть.

У Рокфеллера мудрая осторожность. «А старость ходить осторожно и подозрительно глядитъ». Каждая вещь стоитъ въ его глазахъ ровно столько, за сколько ее можно въ данный моментъ продать: онъ не фетишируетъ свою нефть. Начало всѣхъ началъ дѣятельности его Standart Oil — захватъ рынковъ. Лишь бы были покупатели, лишь бы каждую тонну нефти можно было превратить въ мѣшочекъ золота. Ради новаго рынка допустимы любыя затраты. Завоеваніе Рокфеллеромъ китайскаго рынка — изумительнѣйшая страница въ исторіи англо-саксонской расы; по блеску и по упорству она оспариваетъ лавры завоевателей Индіи.

Въ девятисотыхъ годахъ вниманіе Рокфеллера было привлечено слѣдующимъ недопустимымъ явленіемъ: четыреста милліоновъ сыновъ поднебесной имперіи не платятъ никакой дани Standart Oil... Въ чемъ же дѣло? Быть можетъ у нихъ густая сѣть электрическихъ станцій? Нѣтъ, они попрежнему довольствуются лучинами. Но вѣдь керосиновая лампа и ярче и дешевле лучины. Они не привыкнуть къ керосину,

у нихъ тысячелѣтняя традиція... Абсурдъ, Рокфеллеръ не останавливается передъ тысячелѣтіями, онъ способенъ скупить годъ за годомъ всѣ времена вплоть до первичнаго катаклизма.

Агентами Рокфеллера становятся... учителя буддѣйской мудрости. Миллиарды плакатовъ, исполненныхъ въ духѣ запросовъ китайской массы, наполненныхъ цитатами изъ священныхъ книгъ, легендъ, преданій, доказываютъ съ ясностью золотого обращенія, что уже великій Будда зналъ о существованіи керосина, презиралъ лучиновое освѣщеніе и завѣщаль всѣмъ вѣрующимъ преодолѣть косность.

Въ концѣ плаката указывалось, что Standart Oil Co, будучи не въ силахъ наблюдать дальнѣйшее пограние Заповѣдей Учителя и дальнѣйшую погибель душъ, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ безгрѣшныхъ, рѣшила каждому сыну Поднебесной Имперіи подарить по отличной керосиновой лампѣ и въ теченіе полугодія совершенно бесплатно снабжать ее священной жидкостью для поддержанія неугасимаго пламени во славу Будды. Одновременно, въ городахъ, мѣстечкахъ, поселеніяхъ, на площадяхъ предъ храмами и на базарахъ, проповѣдники принялись разъяснять своей паствѣ, что самъ Будда, разочаровавшись

въ китайцахъ, рѣшилъ посредствомъ чужеземцевъ добиться изгнанія позорныхъ лучинъ...

Первый періодъ войны съ китайской косностью продолжался пять лѣтъ. За это время наиболѣе подозрительные старики согласились принять отъ Рокфеллера его данайскій даръ. Совершенно ясно, что за полгода керосинового освѣщенія вся Поднебесная Имперія успѣла оцѣнить достоинства нововведенія и, когда окончился срокъ бесплатной раздачи керосина, владельцы лампъ втянулись въ покупку керосина. Чтобъ не обезкуражить четыреста милліоновъ потребителей, на керосинъ была назначена самая ничтожная цѣна — почти въ убытокъ. Въ теченіе пяти лѣтъ цѣна эта возростала каждые три мѣсяца, возростала, хотя и въ гомеопатическихъ дозахъ, но неуклонно и прогрессивно. Къ концу перваго періода, на исходѣ пятого года, Standart Oil Co обезпечила себѣ продажу гигантскаго количества керосина по цѣнѣ, въ нѣсколько разъ превышающей цѣны, существующія въ Америкѣ и Европѣ. Расходы по изготовленію лампъ и льготному полугодію были покрыты сполна и въ послѣдующіе годы Китайскій рынокъ превратился въ богатѣйшаго данника семьи Рокфеллеровъ...

Что въ Китаѣ, то и въ остальномъ мірѣ. И до войны и во время войны и послѣ войны Рокфеллеръ остался вѣренъ своей теоріи: на первомъ планѣ новые и новые рынки. Старый распорядитель игры не захотѣлъ включать въ свою концепцію того, что ему казалось романтикой и что было выдвинуто расцвѣтшимъ за войну англійскимъ обществомъ Шелля, въ соединеніи съ голландскимъ Royal Dutch Co, образовавшимъ второй великій нефтяной трестъ.

Европейскіе распорядители игры съ презрѣніемъ отвергають самую мысль о необходимости завоеванія рынковъ. Нефтяная волна выиграла войну. Нефть единственный продуктъ въ мірѣ, производство котораго никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ стать чрезмѣрнымъ. Скорѣе хлѣбъ сгніетъ въ амбарахъ: хлѣбъ можно только ѣсть, а нефть... нефть своимъ появленіемъ вызываетъ зарожденіе новыхъ и новыхъ предпріятій, которыя съ увеличеніемъ работы увеличиваютъ потребленіе нефти.

Міръ оплетается сложной системой сосудовъ, получающихъ питаніе отъ нефти и дающихъ питаніе владѣльцамъ нефти. Гдѣ нефть — тамъ святая земля. Гдѣ бьетъ фонтанъ — тамъ по сосѣдству банки, фабрики, заводы... Надо думать не о завоеваніи рын-

ковъ, а объ обезпеченіи себя гигантскими количествами нефти. Игру выиграетъ тотъ, кто захватитъ большее количество мѣстъ нефтерожденія. Надо скупать все: и доказанныя нефтеносныя земли съ бьющими фонтанами и подозрительныя по присутствію нефти мѣста, гдѣ буреніе не дало ярко отрицательныхъ результатовъ. Лучше скупить тысячу десятинъ безъ нефти, чѣмъ проворонить одну десятину фонтановъ...

Изъ кабинета Рокфеллера, по всѣмъ океанскимъ кабелямъ, летятъ приказы агентамъ о цѣнахъ на продуктъ, о льготныхъ условіяхъ продажи, о новыхъ хитростяхъ, о новой рекламѣ. А изъ кабинета Гюльбенкьяна по тѣмъ же кабелямъ летятъ иные приказы: къ чорту цѣны, плюйте на рекламу, скупайте акціи существующихъ предпріятій, акціонируйте, рыщите по островамъ и материкамъ въ поискѣ новыхъ нефтяныхъ источниковъ.

Характерна встрѣча, оказанная заграницей эмигрировавшимъ русскимъ нефтевладѣльцамъ. Американцы очень холодно отнеслись къ ихъ предположеніямъ. Покупать новую нефть? Зачѣмъ? Баку не работаетъ? очень хорошо. Еще годъ и мы будемъ питать Россію американской нефтью. Англичане съ энтузіазмомъ набросились на возможность стать владѣльцами Баку: Royal-

Dutch'емъ было скуплено все то серьезное и большое, что ему смогли предложить...

Англійскіе распорядители игры переносятъ военные методы въ атмосферу полнѣйшаго мира. Они не вѣрятъ въ то, что война окончилась. Окончились военныя дѣйствія, но полностью для ихъ нефти сохраняется военная обстановка.

За четыре года войны, за три года мира Royal - Dutch Co, работая на деньги англійскаго правительства, скупила нефтяныя предпріятія на островахъ Великаго Океана, на европейскомъ континентѣ, въ Мексикѣ, во французскихъ, голландскихъ и, конечно, всѣхъ англійскихъ колоніяхъ, въ Персіи, на Кавказѣ и т. д. Нюхомъ стараго хищника англійское правительство почуяло невиданныя возможности замаскированныхъ захватовъ: вывѣска Royal-Dutch'a придаетъ французскому городу болѣе англійскій видъ, чѣмъ если-бы на крѣпости развѣвались великобританскія полоски... И поведеніе Ллойдъ-Джорджа на Версальской конференціи продиктуется нефтяными соображеніями: „Мессопотамія должна отойти подъ англійское покровительство“, любой цѣной нужно удалить французовъ отъ Моссульскихъ нефтяныхъ рожденій... Въ цѣляхъ парирования какихъ бы то ни было французскихъ попытокъ, одновременно съ

дипломатическими ловушками Royal-Dutch скупаютъ весь французскій нефтяной тоннажъ: отнынѣ побѣдители Германіи обречены на мерсі Гюльбенкьяна... Или помилуется, или съѣстъ.

Рокфеллеръ боится кризиса. Royal-Dutch съ хладнокровіемъ Муція Сцеволлы взираетъ на всѣ ухудшенія сбыта. Замедлится покупка, ослабнутъ денежныя поступления? Ну, что-жь придется еще разъ надавить на великолѣпныхъ статистовъ и заставить англійское казначейство порыться въ его глубокихъ подвалахъ. Royal-Dutch Со прекратитъ свои платежи лишь на слѣдующій день послѣ банкротства Британской Имперіи!

Рокфеллеръ не можетъ похвалиться такой же силой. Его вліяніе на Американское казначейство не доходитъ до подобныхъ размѣровъ. Рарвену, юноши (какими представляются Рокфеллеру лондонскіе распорядители) не даромъ прошли сквозь войну, не даромъ помогли Имперіи выиграть войну. Однажды поступивъ на содержаніе къ казнѣ, они сумѣли использовать свое обаяніе и создали государство въ государствѣ. Содержанка подчинила Имперію, суверенный народъ превратился въ «великолѣпнаго рогоносца». Безъ трескучихъ рѣчей, безъ разрушенія Бастилій, присутствіе

которыхъ лишь улучшаетъ нравы, безъ измѣненія конституціи, Royal Dutch Co сокрушила пресловутое англійское обычное право.

За три года мира, въ результатѣ умѣлой работы гордый англійскій парламентъ выродился въ консультаціонное бюро при распорядителяхъ міровой игры. 20 -го мая 1921 года членъ англійскаго парламента Пембертонъ Биллингъ обратился къ спикеру со слѣдующимъ, небывалымъ въ исторіи Англій, письмомъ:

«Я не считаю совмѣстнымъ съ честью и достоинствомъ независимаго политическаго дѣятеля продолжать состоять членомъ собранія, лишеннаго чувства справедливости и развращеннаго до такой степени, какую являетъ собой нынѣ нѣкогда свободный и независимый англійскій парламентъ. Развращенный премьеромъ, являющимся простымъ орудіемъ въ рукахъ нѣкоторыхъ дѣльцовъ, нашъ парламентъ дѣйствуетъ въ интересахъ камарильи финансистовъ, которую онъ къ тому же тѣсно отождествляетъ съ правительствомъ Его Величества и всѣ приказы которой онъ слѣпо исполняетъ...

Вы меня очень бы обязали, господинъ спикеръ, сообщивъ мнѣ, какія мѣры я долженъ принять для немедленнаго освобожденія себя отъ оскорбительной для джентль-

мена обязанности быть членомъ парламента, гдѣ я первоначально долженъ былъ представлять интересы Восточнаго Гертфордшира»...

Пембертонъ Биллингъ добился желаемого, но письмо его прошло незамѣченнымъ. Въ странѣ ничто не шелохнулось. Ллойдъ-Джорджъ брезгливо усмѣхнулся, а хозяева даже не поморщились.

Въ результатѣ борьбы за нефть свершилось то, что нѣкогда предсказывалъ Георгъ Іеллинекъ: окончились парламенты. Комедія парламентаризма перестала удовлетворять самага невзыскательнаго слушателя. Тогда режиссеръ измѣнилъ ее въ соотвѣтствующемъ духѣ...

V.

Когда въ январѣ 1921 во вновь сформированный кабинетъ Бриана въ качествѣ министра возстановленія вошелъ Луи Лушеръ, сатирической листокъ «Canard Enchaîné» сообщилъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Aristide Briand — président du Conseil et affaires étrangères, Louis Loucheur, régions libérées et affaires personnelles»...

«Лушеръ, Лушеръ» загудѣлъ Парижъ, вновь услышавъ пресловутое одіозное имя. Монмартрскіе шансоньеры въ тысячный

разъ спѣли куплеты о знаменитомъ нуворишѣ роялистская пресса возобновила весь свой разоблачительный репертуаръ и снова сдѣлала остроумную догадку: не жидъ-ли? На большихъ бульварахъ, въ витринѣ шаржей появилась грузная фигура усатаго челоуѣка: Лушеръ, только что прибывъ въ разрушенный Реймсъ, въ изумленіи всплескиваетъ руками и восклицаетъ: «*Quel malheur, ah, quel malheur!*»... И наконецъ шефъ французскаго бульварнаго остроумія Морисъ Шевалье для новаго revue въ театрѣ Амбассадэръ составилъ финалъ, въ которомъ каждый куплетъ, описывающій нищету, голодъ, разрушенія, финансовый крахъ Франціи, сопровождался рефреномъ: «*Loucheur est toujours ministre, tout va bien, tout va bien*»...

...Въ 1913 въ самыхъ освѣдомленныхъ банковскихъ кругахъ имя Лушера звучало какъ тридцать пять милліоновъ именъ остальныхъ французскихъ гражданъ. Понадобилось бы перелистать десятки справочниковъ, чтобъ выискать: Луи Лушеръ, инженеръ, 43 лѣтъ, состоитъ членомъ правленія нѣсколькихъ небольшихъ компаній...

Въ 1919 черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ армистиса, на вопросъ, какимъ образомъ разбогатѣли такіе-то и такіе-то,

вы слышали бы фатальный отвѣтъ: «Mais il est très bien louchérisé»... что по русски звучитъ: «но у него отличный ходъ къ Лушеру»...

Этотъ французскій каниферштанъ за шесть лѣтъ успѣлъ сдѣлаться владѣльцемъ Сѣвера Франціи и однимъ изъ главныхъ — едва ли не самымъ главнымъ — руководителей игры.

Почему повышается Rio tinto? Лушеръ покупаетъ...

Почему падаетъ марка? Лушеръ сказалъ своему кузену, что онъ не вѣритъ въ успѣхъ Висбаденскаго свиданія.

Почему артистка N N попала въ Grande Opéra? Она встрѣтилась на океанѣ съ Лушеромъ.

Удастся ли Вивіани заключить заемъ въ Нью-Йоркѣ? Да, если фактическое руководство дѣлами и всѣ переговоры съ нѣмцами перейдутъ въ вѣдѣнье Лушера...

Самое удивительное, что изъ всѣхъ клемансистскихъ министровъ, пользующихся ненавистью, презрѣніемъ, всеобщимъ бойкотомъ, удержаться у власти сумѣлъ лишь одинъ — Луи Лушеръ т. е. именно тотъ, кто вызывалъ наибольшія нападки, чье имя еще въ 1916 рождало взрывы черной злобы, лютой зависти. И онъ же сталъ причиной нарушенія священ-

ной традиції третьей республики: на постъ министра снабженія былъ приглашенъ человекъ, не дѣлавшій политики, не состоявшій ни членомъ парламента, ни сенаторомъ, ни виднымъ дѣятелемъ какой бы то ни было партіи... Тогда въ 1916, въ широкихъ кругахъ, назначеніе Лушера вызвало недоумѣніе, подобное тому, которое годъ спустя въ Россіи вызвалъ Терещенко въ роли министра финансовъ перваго временнаго правительства. Въ 1916 «Луи Лушеръ» звучало лишь для военныхъ *brasseurs des affaires*.

· Полный веселый человекъ съ густыми усами, съ необычайнымъ спокойствіемъ и необычайной живостью въ глазахъ, всегда увѣренный въ себѣ, въ своихъ жестахъ, въ правдѣ всей своей жизни. Въ послѣдніе мѣсяцы режима Клемансо онъ подвергся особеннымъ нападкамъ въ прессѣ и въ политическихъ кругахъ. Клевета превзошла всѣ предѣлы. Тогда Лушеръ, взойдя на трибуну парламента, повторилъ знаменитый пріемъ Прудона (къ этому пріему, къ слову сказать, прибѣгнулъ въ апрѣлѣ 1917, въ полемикѣ съ Ленинымъ, и Г. В. Плехановъ).

«Я — сказалъ онъ — шагъ за шагомъ расскажу свою жизнь, расскажу франкъ за франкомъ, какъ я пріобрѣлъ свое богатство.

Если я что-либо утаю, Вы можете меня дополнить и исправить. Я ставлю одно условие: послѣ меня на эту-же трибуну должны подняться мои враги и сдѣлать тоже самое»... Наступило молчаніе, въ средѣ членовъ парламента не оказалось желающихъ выдержать столь опасное состязаніе. И враги и друзья предпочли отдѣлаться бѣшеной оваціей...

Лушеръ честенъ. Самые яростные его противники отдѣлываются пошлой фразой: «онъ балансируетъ на рубежѣ гражданскаго и уголовнаго права»...

Лушеръ далеко не геніаленъ. Самые неутомимые его партизаны вынуждены признать: «C'est un eminent brasseur des affaires, mais au fond c'est un homme très ordinaire»...

Очень ординаренъ... а за нѣсколько часовъ исправляетъ ошибки трехъ лѣтъ и въ нѣсколькихъ сжатыхъ параграфахъ соглашенія съ Ратенау даетъ Франціи безконечно больше Версаля, Севра, Трианона, Сень-Жермена, Нейи, вмѣстѣ взятыхъ...

Очень ординаренъ... но сумѣлъ подойти вплотную къ дѣлу возстановленія и внѣ всякаго сомнѣнія обстроить сѣверъ Франціи...

Очень ординаренъ, но все-же фактъ остается фактомъ: быстрыми ударами, немногими комбинаціями составилъ исклю-

чительное богатство, опередивъ вѣковыхъ милліонеровъ — Ротшильдовъ и пр.

Въ Лушерѣ есть талантливое упорство его смѣшанной крови. Дѣдъ и бабка Лушера съ материнской стороны простые фламандцы, дѣдъ служилъ машинистомъ на бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ, бабка — работающая неутомимая крестьянка въ стилѣ персонажей художниковъ XVI столѣтія. Мать бельгійскаго народнаго героя Уленспигеля крестьянка Сооткинъ должна была напоминать бабуку Лушера. Недаромъ въ Лушерѣ сумасшедшая энергія и веселый нравъ — совсѣмъ подъ стать пѣвцу Гезовъ...

Отецъ Лушера — на половину бельгіецъ, на половину французъ — занималъ очень скромный постъ на сѣверной французской дорогѣ и смогъ дать сыну высшее образованіе лишь цѣной колоссальныхъ жертвъ.

За первые пятнадцать лѣтъ своей жизни Лушеръ достигъ степеней извѣстныхъ, заработалъ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, но и только: сотнями милліоновъ и не пахло. Война во всемъ мірѣ искала и находила избранныхъ, дѣтей и баловней ея необычайнаго быта. Война произвела стройжайшую провѣрку. «Голые» финансовые короли въ лучшемъ случаѣ могли лишь

удержать свое довоенное богатство, фиктивно увеличивъ его въ степени паденія бумажныхъ денегъ и увеличенія цѣнъ на недвижимость, стоки товаровъ, инвентарь. Сопротивляться атакѣ новыхъ, богомъ войны отмѣченныхъ королей не смогъ никто изъ прежнихъ голыхъ королей. Появились настоящіе короли... Въ Россіи — Батолинъ, сынъ крестьянина Вятской губерніи, до 15 лѣтъ ходившій въ лаптяхъ, отъ конторскаго мальчика дошедшій до обладанія всѣми гигантскими Стахѣвскими предпріятіями (банки, текстиль, хлопокъ, ж. д., уголь, лѣсъ и пр.) исключительно при помощи своего изумительно остраго и точнаго ума; въ Англіи Сассунъ и его Ко, Гюльбенкьянъ, изъ политиковъ — Робертъ Горнъ, въ Германіи, — Стиннесъ, въ Италіи — братья Перронэ и т. д.

Во Франціи человѣкомъ съ головой, рожденной для военныхъ операцій, оказался Луи Лушеръ. Въ парижскомъ инженерѣ заговорилъ зовъ предковъ, суровыхъ желѣзныхъ людей, выкованныхъ въ горнилахъ непрекращающихся битвъ, приспособленныхъ къ самому худшему — къ борьбѣ съ истребительнымъ, заливающимъ моремъ, къ схваткамъ съ разбойниками, къ защитѣ отъ солдатъ инквизиціи...

Война любитъ Лусера, но и Лушеръ чув-

ствуеть войну. Его искусство—предупреждение событий. Онъ съ точностью непогрѣшимой опредѣляетъ запросы послѣзавтрашнягѣ дня и соотвѣтственно съ этимъ уже сегодня подготавливаетъ потребное, переводитъ заводы, фабрики, конторы, стоки, банковскій аппаратъ на иную линію. Естественно, что съ нимъ нельзя конкурировать. Его продуктъ, его работа исполнены по прежнимъ цѣнамъ, изъ прежняго матеріала... «Лушеръ — дьяволь... Не успѣеть правительство или страна о чемъ-либо подумать, онъ тутъ, какъ тутъ»...

Основанное Лушеромъ акціонерное общество въ круги своей дѣятельности захватываетъ всѣ запросы и фронта и тыла, на путяхъ разростанія проводитъ идею, которую одновременно съ нимъ въ Германіи примѣняетъ Стиннесъ: трестированіе промышленности и по вертикали и по горизонтали, приобрѣтеніе не только орудій производства, но и способовъ распространенія. Межъ Лушеромъ и потребителемъ нѣтъ посредниковъ. Онъ хозяинъ и на заводѣ и на складѣ и въ конторѣ... Онъ снимаетъ всѣ пѣнки... Конечно, въ этой идеѣ нѣтъ ничего геніальнаго, конечно, специалисты со скучающей улыбкой выискиваютъ аналогичныя идеи еще въ до-христіанской древности и т. д. Суть не въ оригиналь-

ности, а въ качествѣ исполненія. Лушеръ— первый, кто сумѣлъ во Франціи блестяще осуществить эту идею и въ условіяхъ войны и въ хаосѣ послѣ перемирія. Быть можетъ въ мирной обстановкѣ его планъ и не удался бы. Паруса праздно болтаются въ штиль, но въ бурю мчатъ къ желанной цѣли. Веніаминъ войны прозябаютъ въ отсутствіи матери.

Отъ политическаго вліянія къ финансовымъ барышамъ—таковъ обычный путь западныхъ дѣятелей: депутатовъ, сенаторовъ, выдающихся журналистовъ. Колесо фортуны захватываетъ ихъ лишь въ зенитѣ славы.

Отъ милліоновъ — къ политическому вліянію — такова карьера Лусера и его международныхъ братьевъ. Если однако въ довоенные годы банкиры лишь открывали газеты и предпочитали лишь негласно вліять на политику, то Лушеръ слишкомъ сангвиникъ для того, чтобы слѣдовать примѣру Ротшильдовъ, и слишкомъ французъ, чтобы подражать таинственному Сассуну. Ему мало руководить игрой издалека; въ пятьдесятъ лѣтъ хочется свѣта ramпы, остатокъ жизни онъ намѣренъ фигурировать, разговаривать, заключать договоры, устраивать парламентскія сраженія, международныя осложненія...

Травля, клевета, насмѣшки? Je m'en fous par exemple. Онъ достаточно парижанинъ, чтобъ не забывать мудраго изреченія: Франціей можетъ управлять любое правительство и любыми способами, лишь бы оно позволяло надъ собой смѣяться.

Лушеръ прочно сидитъ на креслѣ банкмета, не хочетъ встать и не встанетъ. Если въ толпѣ понтеровъ раздаются временами плачь или рѣзкое слово, то... надо же имѣть состраданіе къ бѣднымъ статистамъ, надо же и имъ изъ всей деклараціи правъ предоставить хотя бы единственное право эмоціи...

VI.

Рокфеллеръ, дирекція Royal Dutch'a, Гуго Стиннесъ и Луи Лушеръ уже дошли до той степени вліянія на человѣчество, до тѣхъ граней прозрѣнія силы, послѣ которыхъ можно писать Новый Завѣтъ. Евангеліе отъ Рокфеллера, Евангеліе отъ Royal Dutch'a, Евангеліе отъ Стиннеса, Евангеліе отъ Лушера... При міровомъ провалѣ христіанства они съ успѣхомъ замѣнятъ Матфея, Луку, Марка, Іоанна. Если оставаться въ руслѣ Галилеянина, ихъ мудрость будетъ Евангеліемъ отъ Θомы, написаннымъ послѣ того, какъ Θома пересталъ довѣрять и ребру.

Со времени крушенія языческой культуры не происходило еще въ исторіи человѣчества событія равнаго Великой Войнѣ по значительности ея послѣдствій. Поколѣніе, вошедшее въ жизнь между 1914—18 и входящее послѣ перемирія, жестоко ошибется, попытавшись искать своихъ предковъ въ галереѣ славныхъ ликовъ христіанской культуры. Еще не язычество, уже не христіанство, проще апокалиптического звѣря, сложнѣе золотого тельца.

Во всѣ вѣка покупная способность золота сохраняла свои размѣры. Но никогда еще самое страшное изъ трехъ искушеній—искушеніе властью не пожинало такого успѣха. Никогда еще власть не попадала въ такія вѣрныя, въ такія сильныя руки.

Распорядители игры творятъ совершенно новую форму государства. Конечно, не монархія: въ силу какихъ причинъ невѣжественный человѣкъ въ военной формѣ долженъ пользоваться особыми прерогативами, особымъ почетомъ, особенной любовью?.. Если нужно представительство, среди клерковъ, при главной дирекціи, всегда найдется высокій красивый мужчина, умѣющій съ очаровательной улыбкой говорить невѣроятныя пошлости, мягкими жестами сопровождающій слова, блаженствующій въ цилиндрѣ и въ хорошо сши-

томъ фракѣ. Обставьте его соотвѣтствующимъ внѣшнимъ піэтетомъ и у него будетъ престижъ англійскаго короля съ тѣмъ преимуществомъ, что на клерка можно топтать ногами и угрожать расчетомъ!

Распорядители игры предпочитаютъ республику, но республику, развращенную до предѣловъ мечты. Чтобъ депутаты воровали до отказа: о всемъ парламентскомъ большинствѣ можно имѣть тогда исчерпывающее досѣе — лучшая предосторожность отъ возможныхъ капризовъ голосованія.

Чтобъ рабочіе имѣли всѣ политическія права, какія они только могутъ захотѣть. Побольше крупныхъ объединеній, поменьше разрозненныхъ группъ: съ любыми представителями не трудно столкнуться, любой рабочій, выходя изъ массы, становясь избранникомъ, отрывается отъ своихъ довѣрителей и охотно ихъ продаетъ — за деньги или возможность фигурировать.

Чтобъ министры набирались изъ краснобаевъ, развратниковъ, пьяницъ, казнокрадовъ и, переложивъ дѣла на попеченія секретарей, сами предавались любымъ порокамъ, дорожили бы мѣстомъ и опасались разоблаченій...

Новый Завѣтъ имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ, ибо въ немъ жива величайшая демократичность. Въ мірѣ комбинацій позво-

лено все. Пролитіе крови, правда, запрещается, но убійство репутацій... но *cours de grace* на биржѣ, но слухи о банкротствѣ и т. д. Каждый, въ чьей головѣ роется золотородящая мысль, можетъ стать распорядителемъ игры. Ему уже не надо любить ближнихъ. Но ближніе его полюбятъ, если только онъ сумѣетъ ихъ обмануть. Ему уже не надо растрчивать драгоцѣнной энергіи на преодоленіе безконечныхъ стѣнъ, настроенныхъ королями, феодалами, довоенной кичливой буржуазіей: Европа послѣ армистиса въ дѣлѣ наживанія денегъ придерживается политики открытыхъ дверей. Вчерашній официантъ сегодня, выигравъ въ карты или какимъ инымъ способомъ добывъ полагающееся количество милліоновъ, будетъ принять, какъ равный, какъ славный собратъ. На портикѣ каждаго биржевого зданія по прежнему чертятся слова — *Liberté, Egalité, Fraternité*, но они уже не остаются только словами: если борьба за распорядительство игрой будетъ поставлена въ условіяхъ равенства для всѣхъ, свободы во всемъ — отъ необнаруженнаго убійства до недоказанной поддѣлки векселей, тогда и тираннія выигравшаго не нарушитъ принципа братства. Онъ оказался самымъ способнымъ изъ братьевъ, онъ разгадалъ пентаграмму...

Ежегодно неторопливая статистика двухъ материковъ вноситъ на своихъ листахъ имена застрѣлившихся банкротовъ, разоблаченныхъ и отправленныхъ на каторгу фальшивомонетчиковъ, неудачныхъ прожектеровъ, запутавшихся специалистовъ по акціонированью. Новый Завѣтъ понялъ, что въ этихъ записяхъ статистики не нужно искать ни матерьяла для морали, ни вдохновенья для обличенья. Строй, дарованный войной, психологія, рожденная въ окопахъ, всѣмъ живущимъ въ подлунномъ мірѣ подарили одинаковыя возможности и выигрыша и проигрыша. Fair play! — нѣтъ выраженія болѣе могучаго и болѣе сладкаго во всемъ англійскомъ лексиконѣ . . . Fair play — это поистинѣ Нагорная проповѣдь Новаго Завѣта.

Каждый человекъ имѣетъ возможность стать и миллиардеромъ Рокфеллеромъ и бандитомъ Сакко. Въ первомъ случаѣ его ожидаетъ кресло распорядителя міровой игры, во второмъ случаѣ — электрической стуль.

Спокойно примемъ правила Новаго Завѣта и не будемъ оплакивать пассажировъ, выброшенныхъ за бортъ... Вѣрьте въ покупную способность золота, надѣйтесь на чуму для моралистовъ и нытиковъ, любите...

ну, хотя-бы одинъ стаканъ горячаго поджигающаго коктейля...

«Его Величество Султанъ Турецкій, отправляя въ плаванье свои корабли, не совѣщается съ крысами, живущими въ трюмѣ, о желательномъ маршрутѣ».

Распорядители міровой игры, опредѣляя содержаніе ближайшихъ десятилѣтій, менѣе всего интересуются отношеніемъ къ ихъ дѣятельности и взглядами на добро и зло милліарда ихъ спесивыхъ статистовъ.

МЕКСИКА НА ДНЪПРЪ

I.

Для полного счастья нужно было такъ немного. Стоило челоѡѡку въ отлично выглаженныхъ брюкахъ, попавшему изъ собственной канцеляріи Его Императорскаго Величества прямо въ благородное сословіе крупье — провозгласить безразличнымъ, отчетливымъ голосомъ пять-шесть разъ подрядъ: «*bon roug la banque*»! и на-завтра можно было удивить весь Крещатикъ, волею судебъ превращенный въ Кузнецкій мость или Невскій проспектъ... Но челоѡѡкъ въ выглаженныхъ брюкахъ неумолимо констатировалъ провалъ — и одинъ за другимъ уплывали брилліанты, керенки, николаевскія, такимъ героическимъ усиліемъ перевезенные черезъ кордонъ.

Въ тихомъ, провинціальномъ Кіевѣ собрались обѡѡ столицы. «Уѡхали съ Брянскаго вокзала, вернемся на Курскій» — утѡшали себя банкиры, писатели, генералы, артисты, купцы. Стоитъ-ли затѡвать дѡла, становится твердой ногой, плакать о про-

игранныхъ деньгахъ и брилліантахъ, когда къ Рождеству обратно? Въ витринѣ на углу Лютеранской и Крещатика патріотическій фотографъ выставилъ колоссальный портретъ: гетманъ и Вильгельмъ на террасѣ замка императора. Рѣшительно держался за кинжалъ Скоропадскій; оскаломъ всѣхъ зубовъ благосклонно къ странѣ, дарящей хлѣбъ и сало, улыбался Вильгельмъ. И было такъ ясно, что радость все-таки будетъ, что рано или поздно смилостивится міровой крупье и зарвавшимся трехнедѣльнымъ удалцамъ — большевикамъ гордые бѣженцы откроютъ девятку. Въ августѣ, въ сентябрѣ, въ октябрѣ 1918 года вѣрили въ сейфы, въ саратовскіе дома, въ пензенскія имѣнія, въ партію пишущихъ машинъ, застрявшую межъ Читой и Байкаломъ.

«Нужно продержаться три мѣсяца!» — и вотъ держались: открыли клубъ домовладѣльцевъ, клубъ вільнаго казачества, клубъ помощи жертвамъ большевизма, жокей — клубъ и тысячу одно кафэ, напоминавшее о Москвѣ, о знакомыхъ именахъ и вкусахъ.

Ленинъ складываетъ чемоданы, Троцкій переводитъ деньги за-границу, все идетъ великолѣпно, изъ Кистяковского получится отличный Столыпинъ, самое важное — найти комнату въ этомъ городѣ, увеличившемъ свое населеніе за одинъ мѣсяць

въ три раза, приучить дурацкихъ провинціальныхъ портныхъ къ настоящей кройкѣ— и солнце еще засвѣтитъ!

Если-бы нашелся въ гетманскомъ Кіевѣ человекъ, который послѣ горы сдобныхъ булокъ, пряниковъ, колотаго сахара, осмѣлился-бы думать иначе, его-бы просто на просто перестали пускать въ клубы. Былъ одинъ типъ, который въ своемъ безпрестанно работавшемъ умѣ уже давно пожралъ и гетмана и всѣхъ его гостей — но его держали за семью замками: будущій украинскій фениксъ — Симонъ Петлюра сидѣлъ въ тюрьмѣ... Черезъ мѣсяцъ онъ воротится въ городъ съ толпами озвѣрѣлыхъ мужиковъ, оторветъ у вывѣсокъ твердые знаки, заставитъ «забалакать по-украински» петербургскихъ снѣтковъ, выведетъ въ расходъ сотни офицеровъ. Но пока еще воздухъ ясенъ послѣдней осенней ясностью. Въ царскомъ саду ласковое, обманчивое бабье лѣто. И замѣститель разорваннаго бомбой Эйхгорна пьетъ за здоровье «великихъ государственныхъ мужей Украйны», не желая вѣрить сообщеніямъ австрійскихъ властей Екатеринославской губерніи. Эти австрійцы — неисправимые паникеры. Они дрожатъ за линію Гинденбурга, которую не сломитъ никакая Америка, никакіе черти дьяволы, они не могутъ справиться съ ка-

кимъ-то мужикомъ Махно, котораго за вшивость нельзя даже пустить въ шнельцугъ!..

* * *

Махно — первый пророкъ, признанный прежде всего собственнымъ отечествомъ, осчастливленнымъ имъ Гуляй-Подемъ. Громадное промышленное село, богатое, бойкое, многотысячное, помнитъ батько Махно еще пятнадцать лѣтъ назадъ маленькимъ, широкоплечимъ блондинчикомъ, въ должности учителя низшей школы. Съ суковатой палкой, въ расшитой украинской рубашкѣ учитель сидѣлъ въ своей отдаленной хатѣ, выращивалъ вишни, неизвѣстно чему училъ бойкихъ молодыхъ хохлятъ и неожиданно для всѣхъ въ одинъ лѣтній день зарубилъ топоромъ пріѣхавшаго въ школу уѣзднаго предводителя дворянства. Какіе то сумбурные счеты, какія-то невыясненные обиды. Съ этого момента начинается легенда о Махно. Сперва его бьютъ жестоко, долго, упорно въ волостномъ присутствіи, потомъ осуждаютъ специальнымъ присутствіемъ судебной палаты, потомъ въ кандалахъ, изъ тюрьмы въ тюрьму, съ этапомъ въ телячьемъ вагонѣ швыряютъ въ Сибирь. Махно многократно пытается бѣжать; его ловятъ, бьютъ плетями, увеличиваютъ сроки, накопляютъ глыбы хохлацкой неумолимой

злости. Въ числѣ другихъ «керенокъ» онъ вырывается изъ Сибири весной 1917 года, прїѣзжаетъ въ родное село, организуетъ шайку съ быстротой, изумительной даже для тѣхъ благопрїятныхъ временъ, и, сведя счеты съ оставшимися въ живыхъ: волостнымъ старостой (онъ его зарубилъ по первоначальному рецепту), членами судебной палаты, дѣтми убитаго предводителя дворянства, переходитъ на роли народнаго героя. Махно облюбовываетъ усадьбы богатѣйшаго Мелитопольскаго уѣзда. Мебель, рояли, остатки посуды свозятся имъ для продажи въ ближайшіе 'крупные пункты, гдѣ мѣстная милиція' въ интересахъ безопасности старается не замѣчать Махно. Дома сжигаются, землю и скоть Махно дѣлитъ межъ крестьянами. Многорѣчивый, косноязычный, не находя словъ для своихъ кипящихъ злобой мыслей, онъ наполняетъ уѣздъ и губернію грозными прокламаціями, заранѣе предрекая гибель и грабежъ, просвѣщая населеніе въ аграрномъ вопросѣ. Приходъ нѣмцевъ на короткое время ослабляетъ его дѣятельность. При первыхъ же столкновеніяхъ съ нѣмецкими отрядами батько изобрѣтаетъ ту тактику, которая въ послѣдствіи сдѣлаетъ его неуязвимымъ для Деникина и большевиковъ. Махно не принимаетъ боя. Приближается мало -

мальски внушительная воинская часть — его мужики разбѣгаются по своимъ деревнямъ. Смущенные развѣдчики доносятъ, что непріятель исчезъ. Съ вечера онъ занималъ село, стрѣлялъ, разводилъ костры, къ утру пепель и никого нѣтъ...

Нѣмцы тщетно гонялись за Махно, натываясь на воздухъ. Сожгли нѣсколько деревень, потеряли время, сравнительно большое количество людей, обозы, — и уступили безпокойный хлѣбный районъ австрійцамъ. Между новыми господами положенія и батшкой установилось какъ-бы молчаливое соглашеніе. Съ обычной австрійской халатностью шикарные, нафабранные, затянутые майоры рѣшили не соваться въ дебри и стянули разбросанные гарнизоны къ большимъ пунктамъ. Въ распоряженіи Махно, кромѣ его колыбели — Гуляйпольскаго уѣзда (который, собственно говоря, уже съ этого времени и до нашихъ дней остается въ его рукахъ) — оказалась линія такъ называемой «второй Екатерининской дороги», соединяющая станцію Чаплино съ Бердянскомъ, т.-е. Донецкій бассейнъ съ Азовскимъ побережьемъ. Здѣсь, на узлахъ золотоносной (пшеница, уголь, соль, руда) артеріи Махно установилъ засады для поѣздовъ, переполненныхъ торговыми людьми, директорами заводовъ, для обозовъ, для

одиначныхъ экипажей и автомобилей. Рѣдкая недѣля проходила безъ грабежа. Люди предпочитали длинный объѣздъ и тряску по морю рискованнымъ сокращеніямъ Екатерининской дороги. Однажды, въ сентябрѣ 1918 г., при одной изъ очередныхъ остановокъ поѣзда въ руки батьки попали вагоны съ австрійскими пулеметами и небольшими двухколесными брѣчками (такъ называемыя «тачанки»). Махно посадилъ на каждую тачанку по одному дезертиру, снабдилъ его пулеметомъ и такъ выработался этотъ знаменитый типъ роковыхъ возницъ. Въ городъ Мелитополь въѣзжали на десяти, пятнадцати тачанкахъ съ капустой сонные хохлы: подъ капустой лежали пулеметы. Подъѣхавъ къ полицейскому управленію, они открывали изъ подъ капусты пальбу и... въ общей паникѣ, страхѣ, расплохѣ городъ попадалъ въ руки пѣшихъ махновцевъ, заполнившихъ базаръ. Пѣшіе, непостоянные махновцы — напоминаютъ армію Кемаля. И тѣ и другіе: недѣлю работаютъ, сѣютъ, пашутъ, а два дня ходятъ—одни по городамъ, другіе по армянскимъ деревнямъ и — грабятъ.

Когда австрійскій отрядъ, поѣхавшій для охраны состава, былъ обстрѣлянъ изъ австрійскихъ-же пулеметовъ, Екатеринославскій губернаторъ — самолюбивый, хвастли-

вый тиролецъ — заскрежеталъ зубами и запретилъ посылать австрійскіе патрули. Съ поѣздами стали ѣздить гайдамаки. Когда на крутомъ поворотѣ поѣздъ налеталъ на груду бревенъ и по вагонамъ разсыпались возницы тачанокъ, чубатые синіе жупаны безъ одинаго выстрѣла переходили на сторону Махно.

Но вотъ и совсѣмъ не стало австрійцевъ. Мы въ началѣ зимы 1918-19 года. Союзники уже въ Одессѣ, большевики еще не заняли Сѣверной Таври, у добровольцевъ и казаковъ нѣтъ силъ занимать такой огромный районъ.

Махно мѣняетъ масштабъ. Онъ въ Бердянскѣ, Мелитополѣ, Екатеринославѣ, въ Юзовкѣ (центръ донецкаго угля)... У него штабъ, въ составѣ котораго межъ прогнанными отъ большевиковъ матросами имѣется насильно захваченный полковникъ генеральнаго штаба. Въ Бердянскѣ батько печатаетъ: «Извѣстія революціонныхъ войскъ имени батьки Махно»... Въ сводкѣ, составляемой злосчастнымъ спецомъ по всѣмъ правиламъ искусства, имѣются такія выраженія, какъ: «на фронтѣ, занимаемомъ группой товарища Гаркуши», «при послѣднемъ объѣздѣ лѣваго сектора батькой замѣчено»... Бердянскіе поэты выражаютъ благодарность батькѣ за бумагу, пожертвован-

ную (!) для изданія журнала «Южно-Русская Муза»; въ воспоминаніяхъ-же товарища Гаркуши подробно повѣствуется о побѣдахъ, одержанныхъ этимъ славнымъ военачальникомъ надъ «арміями Людендорфа» (!)...

Отнынѣ батько развѣзжаетъ исключительно на тройкѣ, въ ковровыхъ саняхъ, съ подобраннымъ малиновымъ звономъ бубенцовъ. На слѣдующихъ за нимъ дровняхъ находятся: мука, сахаръ, полотно. Въѣздъ въ новое мѣсто начинается съ безплатной раздачи, какъ этихъ продуктовъ, такъ и всѣхъ запасовъ, оставленныхъ австрійцами.

На каждомъ махновцѣ поверхъ австрійской шинели (нерѣдко на одномъ двѣ шинели) мѣховыя шубы, бурки, дохи. И таковы ихъ настроеніе, счастливый видъ, увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, что нѣтъ отбоя отъ новыхъ и новыхъ махновцевъ. Уже не хватаетъ тачанокъ, уже Егорьевъ (командующій совѣтской арміей), наступая на Екатеринославъ, доноситъ Троцкому, что «округъ переполненъ бандами Махно; въ виду ихъ многочисленности, сытости и отличнаго вооруженія предпочтительно соглашеніе»... Троцкій одобряетъ докладъ, «группа Махно» переименовывается въ отдѣльную бригаду, а онъ самъ въ бригад-

наго командира съ награжденіемъ орденомъ красной звѣзды.

Соглашеніе заключено лишь подъ Новымъ—1919 годъ, а черезъ какихъ-нибудь три недѣли въ концѣ января харьковскій совдепъ жалуется на бригаднаго командира Махно, который не пропускаетъ вагоны съ углемъ для краснаго Харькова. Троцкій вызываетъ батьку къ тому же неизбежному прямому проводу. Слѣдуютъ обычные угрозы, на которыя Махно отвѣчаетъ знаменитой формулой: «за каждые пять вагоновъ угля хочу одинъ вагонъ жидовъ и коммунистовъ»!..

Несмотря на такую пропорцію, ссоры еще нѣтъ, ссора невыгодна другой сторонѣ: коса нашла на камень, любитель пользоваться всѣхъ и каждого Троцкій наткнулся на крѣпкую хохлацкую сметку! Деникинъ уже перебросилъ свои войска съ Сѣвернаго Кавказа въ Донецкій бассейнъ, безъ Махно не обойтись... И Махно хочетъ быть посредникъ, переговариваясь съ обѣими сторонами, вредя и помогая обѣимъ, чтобы въ рѣшительный моментъ сперва сгубить большевиковъ, а потомъ Деникина.

Сдѣлать Махно своимъ союзникомъ невозможно ни при какихъ уступкахъ: черезъ неполный годъ эту истину пойметъ Врангель. Когда Махно возьметъ за обѣщанія по-

мощи Врангелю, врангелевскихъ инструкторовъ, оружіе, деньги, жогда онъ почувствуетъ, что больше взять нечего, онъ измѣнитъ и Врангелю.

Въ Гуляйпольскомъ народномъ учителѣ необычайно сильна украинская историческая традиція...

Весной 1919 года между двумя фронтами добровольческимъ и большевистскимъ, Украина на ея громадныхъ не городскихъ пространствахъ является ничьей, жертвой безъ конца плодящихся атамановъ. Заразительный примѣръ Махно вызываетъ на благодарную сцену новый урожай главковерховъ, батекъ, мстителей. Всѣ они, подражая Махно, будутъ мечтать сидѣть межъ двухъ стульевъ, соблазнять добровольцевъ ненавистью къ коммунизму, большевиковъ мезтью «помѣщикамъ, спекулянтамъ, попамъ»...

Все больше и больше звенящихъ малиновымъ звономъ подборовъ, все чаще и чаще сшибаются коренниками тройки двухъ батекъ. И первый изъ нихъ — батько Махно — ревниво смотритъ, чтобъ не появился конкурентъ, могущій его съѣсть. Мелкота его не смущаетъ: Зеленый, Ангель, Балбачанъ даже пользуются его совѣтами и дарами; но завоеватель Одессы, «побѣдитель антанты» Григорьевъ, вызываетъ

самыя большія опасенія «побѣдителя» австрийцевъ. Наступаетъ чередъ ихъ борьбы, дружбы и счастливой для Махно развязки.

Все захватывающее дѣйствіе разыгрывается въ дымѣ и копоти Знаменки. Центру сахарной промышленности суждено живымъ факеломъ, суждено освѣтить украинскую ночь.

II.

Григорьевъ провелъ нормальную молодость: никого не зарубилъ топоромъ, не былъ на каторгѣ, не носилъ арестанскаго халата. Армейскій штабсъ-капитанъ къ концу войны, въ карпатскій періодъ онъ былъ лишь поручикомъ. Въ числѣ сотенъ тысячъ другихъ русскихъ офицеровъ революція и его вышвырнула изъ накатанной колеи производствъ, командировочныхъ денегъ, яростной желѣзки, злоупотребленія спиртомъ, предназначеннымъ для лазаретовъ. Такъ же, какъ онъ служилъ Царю и временному правительству, онъ началъ служить и гетману Скоропадскому. По счастливой случайности онъ оказался однимъ изъ тѣхъ офицеровъ, которыхъ Петлюра облюбовалъ для истребленія другихъ офицеровъ.

Украинская головоломка и урожай новыхъ главковерховъ открыли Григорьеву не

сложныя истины взаимоотношеній въ гражданской войнѣ. Если изъ помощника бухгалтеря получился гетманъ всей Украины, то изъ штабсъ-капитана могъ выйти великолѣпнѣйшій полководецъ. Генералы и главные боги авантюризма были въ разгонѣ: кто поставилъ на бѣлую лошадь и переметнулся на Юго-Востокъ, кто предпочелъ красную и оставался на Сѣверѣ. Судьба Келлера устрасила титулованныхъ любителей власти, и на Украинѣ оказался небывалый спросъ на самыхъ небольшихъ спецовъ. Недавняя надежда антибольшевистской Украины — Струкъ — совсѣмъ молодой офицеръ, Соколовскій, — фастовскій диктаторъ, — прапорщикъ, и т. д.

Не понадобилось много труда, чтобы стать во главѣ Заднѣпровской бригады. Значительно рискованнѣе было рѣшить — къ кому должна присоединиться эта нашумѣвшая бригада? Григорьевъ долго чесалъ свою капитанскую голову и отправилъ для информации — въ Одессу — своего будущаго политкома, студента Гиршмана.

Студентъ потолкался у Фанкони, побывалъ на пристани, понаблюдалъ на базарахъ, и вернулся въ Николаевъ съ готовымъ рѣшеніемъ — играть нужно на красную лошадь, всѣ другія лошади перегрызутъ другъ друга!..

Наступаютъ дни знаменитой Григорьевщины. Штабсь-капитанъ призналъ власть Троцкаго, получилъ оружіе, подкрѣпленія, подъ Херсономъ обратилъ въ бѣгство грековъ. Греческій генераль издалъ приказъ, въ которомъ сравнивалъ Херсонъ съ Термопилами, а своихъ солдатъ со спартанскими героями. Григорьевъ издалъ приказъ, въ которомъ извѣщалъ рабочихъ, крестьянъ и казаковъ, что ему удалось «набить морду антантѣ»... По части подобнаго краснорѣчія специалистомъ при Григорьевѣ оказался бывшій петлюровецъ, приведшій на помощь Григорьеву значительныя банды, дезертиръ Бондаренко. Онъ же являлся и начальникомъ штаба.

Послѣ Херсона—Одесса. Григорьевъ чувствовалъ близость своего торжества въ виду наличности въ городѣ нѣсколькихъ не признающихъ другъ друга властей: ставленникъ французовъ — Шварцъ, остатки петлюровцевъ — Луценко, доброволецъ Гришинъ-Алмазовъ, и мифическія правительства, составленныя изъ недорѣзанныхъ буфоновъ и доктринеровъ, уже запасшихся билетами на пароходъ!..

Считая наиболѣе подходящимъ для капитанскаго самолюбія генераль-маіора Гришина-Алмазова, Григорьевъ вызвалъ его адъютанта къ телефону (междугородный те-

лефонъ какимъ то чудомъ продолжалъ дѣйствовать) и заявилъ: «если городъ не будетъ сданъ безъ боя, перебыю всѣхъ бѣлогвардейцевъ; съ Гришина-Алмазова сниму шкуру и сдѣлаю турецкій барабанъ».

Судьба хранила «шкуру» генерала для матросовъ краснаго миноносца «Карль Либкнехтъ», поймавшихъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Гришина-Алмазова на Каспійскомъ морѣ при его попыткѣ пробраться къ Колчаку. Но городъ былъ сданъ почти что безъ боя. И рослые любимцы Григорьева — грабители «верблюжцы» — какъ-то изумительно плавно и незамѣтно смѣнили сенегальцевъ.

Ежедневная порція рѣчей дѣятелей всевозможныхъ центровъ была съ лихвой возмѣшена рѣчами Григорьева, Бондаренко, Гиршмана. Расклеенные плакаты воспѣвали подвиги доблестныхъ верблюжцевъ, которые, но увѣренію ихъ атамана, «выбили кресло изъ-подъ Клемансо».

Населеніе съ эпическимъ снокойствіемъ отнеслось къ приходу новаго начальства и на первыхъ порахъ пыталось создать иллюзію нормальной жизни. Профессоръ Щепкинъ, психопать, карьеристъ, членъ всѣхъ русскихъ партій одновременно, держалъ торжественную рѣчь, начатую словами: «О

юный (!), славный витязь, чьей силой растоплены сковавшія насъ льдины»...

Въ отношеніи нормальной жизни населеніе успокоилъ Гиршманъ: подтвердилъ уничтоженіе буржуазной прессы, націоналізацію домовъ и все остальное, вытекавшее изъ груды номеровъ совѣтскихъ извѣстій, комплектъ которыхъ красовался на столѣ политкома въ качествѣ свода законовъ. На рѣчь Щепкина отвѣтилъ рѣчью атаманъ. На балконъ гостиницы «Бристоль» онъ вывелъ голаго казака и, указывая на него, сказалъ: «Вотъ какъ ходятъ мои герои, солдаты самой славной арміи въ мірѣ»!

Одесситы все поняли. Въ теченіе двухъ дней склады, магазины, конторы, амбары были начисто ограблены. Для прикрытія наготы казака потребовались вагоны шелка, дамскихъ чулокъ, коньяка, туалетнаго мыла, кровельнаго желѣза, сахара, анилиновыхъ красокъ.

Выжавъ изъ города все, что въ немъ накопилось за мѣсяцы двухъ оккупацій, Григорьевъ заскучалъ. Отписки Москвѣ по поводу произведенныхъ «самочинныхъ актовъ» доставляли мало радости. Въ концѣ весны верблюжцы двинулись къ Раздѣльной и дальше въ глубь Украины, забирая остатки желѣзнодорожнаго имущества и хлѣба...

Официальный предлогъ ухода изъ Одессы — борьба съ петлюровцами. Истинная же причина — желаніе войти въ соглашеніе или съ петлюровцами или съ съ Деникинымъ.

Пораженія большевиковъ на Югѣ заставляли Григорьева спѣшить отгородиться. Въ концѣ мая на станціи «Знаменка» послѣ недѣльнаго погрома, сопровождавшагося окончательнымъ сожженіемъ мѣстечка, Григорьевъ объявилъ себя гетманомъ и выкинулъ традиціонный лозунгъ всѣхъ атамановъ: «За совѣты, противъ жидовъ и коммунистовъ»!..

На вагонахъ его эшелоновъ красовалась надпись: «Довольно вамъ ѣсть Троцкаго конину, поѣшьте Григорьева свинину»!.. Для ободренія стекавшихся къ Знаменкѣ крестьянъ и дезертировъ Ворошиловской арміи (расквартированной въ Екатеринославской губерніи) въ теченіе нѣсколькихъ дней Григорьевъ раздавалъ, если не свинину, то все-же кое-что: переработанное паточное сусло, которымъ отравился весь округъ... Цистерны со спиртомъ составляли бронированную собственность верблюжцевъ, какъ старѣйшихъ ветерановъ. Григорьевъ переселился въ комнату телеграфиста и безпрестанно разсылалъ «всѣмъ, всѣмъ» безконечныя воззванія. Впрочемъ, по этой

части ему не удалось отбить пальму первенства украинскаго совнаркома. Еще недавно тов. Раковскій выражалъ благодарность «главѣ революціоннаго авангарда Запорожья — непобѣдимому товарищу Григорьеву»... Теперь же воззванія Раковскаго, посвященныя измѣнѣ Григорьева, повторяли на всѣ лады: «сифилитикъ», «воръ», «пьяница», «кровавый хамъ» и т. д.

Накормивъ населеніе патокой, Григорьевъ увидѣлъ, что дѣла его все же неважны: большевики окружали знаменскій районъ сплошнымъ кольцомъ. Мобилизованные крестьяне въ первомъ же бою подъ Пятихаткой бѣжали обратно въ свои деревни. Предстояло послѣднее рѣшеніе: пробиться къ Екатеринославу на соединеніе съ Махно, что и удалось сдѣлать послѣ потери большей части людей. Мобилизація въ Екатеринославской губерніи не только не имѣла успѣха, но и обратила противъ Григорьева поголовно все населеніе. Гражданская война вступала въ тотъ фазисъ, когда погибаль всякій, рискнувшій мобилизовывать, не имѣя достаточныхъ карательныхъ средствъ.

Въ ставку Махно «Гетманъ всей Украины» явился съ небольшимъ отрядомъ и значительными обозами. Махно осмотрѣлъ мануфактуру, прикинулъ количество вагоновъ

сахара, подсчиталъ число охраны Гетмана. Вечеромъ произошла на сборномъ митингѣ обоихъ отрядовъ ссора межъ атаманами, во время которой люди Махно неожиданнымъ залпомъ ликвидировали Григорьева со штабомъ. Гуляйпольскій народный учитель оказался богатымъ наслѣдникомъ и все село получило по штукѣ цвѣтного ситца.

Снова, какъ и прошлымъ лѣтомъ, батько Махно былъ внѣ конкуренціи — батька батекъ, неуловимый, не принимающій сражений, вырастающій снова и снова, какъ дѣвственный лѣсъ подъ ударами топора...

* * *

Въ концѣ іюня 1919 года коротконогій, пучеглазый Май-Маевскій облегченно вздохнулъ и телеграфировалъ Деникину: «Махно уничтоженъ»... Въ концѣ августа екатеринославскій губернаторъ Щетининъ — самый плохой изъ всѣхъ когда либо бывшихъ въ мірѣ губернаторовъ (включая и Оффенбаховскихъ), — требовалъ у Романовскаго конный корпусъ для борьбы съ Махно. «Справитесь силами государственной стражи!» отвѣчалъ покойный начальникъ деникинскаго штаба. Силами государственной стражи, въ апогеѣ побѣдъ на московскомъ направленіи, въ глубокомъ тылу былъ сданъ махновцамъ Екатеринославъ.

На этотъ разъ батько свирѣпствовалъ, мстя за два мѣсяца лишеній, проведенные въ ка-мѣшахъ Заднѣпровья, куда ему добровольческая контръ-развѣдка поставляла оружіе и свѣдѣнія... Вслѣдъ за жесточайшимъ еврейскимъ погромомъ Махно рагромилъ всѣ учрежденія, связанныя съ дѣятельностью ненавистныхъ ему правительствъ, вплоть до зданія почты и телеграфа.

«Свободной Россіи не нужны ни почты ни телеграфы. Предки наши нѣ писали писемъ (!) и не телеграфировали, а счастья было больше!» — заявилъ Махно делегаціи телеграфистовъ — «всѣ вы свободны, идите, куда глаза глядятъ. Чѣмъ вертѣть колесо, научитесь съ пулеметомъ работать, получайте по тачанкѣ и айда!»...

Къ ноябрю мѣсяцу успѣхи Махно въ тылу добровольцевъ привели почти къ полному прекращенію движенію на южныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Изъ Екатеринослава онъ уходилъ, чтобы черезъ недѣлю (когда бѣлыя войска возвращались на главный фронтъ) снова придти. Дѣйствовалъ все тотъ же механизмъ. Приближается къ городу регулярный корпусъ, махновцы разбѣжались по пригородамъ, ушелъ корпусъ и безъ всякаго сигнала, по молчаливому уговору собрались на городскомъ базарѣ...

Батько свистнулъ и площадь оцетинилась. Городъ снова въ рукахъ Махно.

Дальше—больше. Всю вторую половину 19 года Крымъ находился подъ угрозой вторженія Махно. Глубокой осенью въ Таганрогъ, въ ставкѣ главнокомандующаго поднялась звѣриная паника: Махно, взявъ Мариуполь (80 верстъ отъ Таганрога), двигался дальше, а въ ставкѣ не было никакой охраны: тысячи офицеровъ, заполнившихъ Ростовъ и Таганрогъ, при вѣсти о Махно, какъ сквозь землю провалились. Ставка дала душераздирающую телеграмму генералу Шкуро (находившемуся подъ Воронежомъ) съ требованіемъ бросить все, и идти спасать ставку. Англичане проклинали русскихъ и наспѣхъ удирали изъ Таганрога... Остряки вспоминали случай, происшедшій при лѣтнемъ взятіи Екатеринослава. Въ ѣхавшему въ городъ, Деникину украинскія группы поднесли вышитый ручникъ съ надписью: «Не той казакъ, що побѣдивъ, а той казакъ, що выкрутився»!..

Какой изъ двухъ «казаковъ» переживетъ другъ друга? Побѣждающій или выкручивающійся?

... Было уже лѣто 1920 г. Въ полосатомъ кепи, непромокаемомъ плащѣ, посѣдѣвшій генераль Деникинъ шелъ по перрону Лондонскаго вокзала... И въ эти же дни въ

злосчастной Тавріи Махно договаривался съ новымъ главнокомандующимъ — генераломъ Врангелемъ. Казалось, что на этотъ разъ счастье наконецъ на сторонѣ казака побѣждающаго: онъ далъ Махно своихъ инструкторовъ, замѣтно прибравъ его къ рукамъ, оболыстилъ генеральскимъ титуломъ. «Используетъ главнокомандующій батьку и въ концѣ-концовъ повѣситъ этого бандита!» — увѣряли крымскіе сердца...

Снова пришла осень, четвертая золотая осень батьки Махно. Крымъ агонизировалъ и въ критическій моментъ, ровно за мѣсяць до конца, Махно снова перешель, перешель къ большевикамъ.

По веснѣ батько ни за кого: свои политическія симпатіи онъ опредѣляетъ къ осени, когда вязки грунты и не проѣхать тачанкѣ, когда дождь загоняетъ мужиковъ въ хаты и необходимо имѣть регулярные кадры, базу, провіантъ...

... Съ Махно не справится ни Троцкій, ни Буденный, ни Дзержинскій. Въ немъ сила русскаго засасывающаго болота. Ему уже 310 лѣтъ, Махно — одинъ изъ тѣхъ изумительныхъ «перелетовъ», которые въ великую смуту — подъ стѣнами Москвы — играли жребіемъ Россіи.

Петръ вздернулъ ихъ на дыбы и три вѣка они таились. Теперь они воскресли— до новой дыбы, до... новаго Петра!..

III.

Въ редакцію ростовской газеты «Жизнь» въ концѣ мая 1919 года пришелъ человекъ въ стоптанныхъ сапогахъ съ выглядывающими носками, грязный, заросшій колючей рыжей щетиной, въ поломанномъ форменномъ картузѣ. Пришелъ, бухнулъ на стулъ, дико осмотрѣлъ большую свѣтлую комнату, мягкую мебель, чистые чехлы.

«Вы откуда»? «Изъ Кіева»... «Долго ѣхали»?

«Гдѣ ѣхалъ, а гдѣ пѣшкомъ шелъ»!..

И человекъ рассказалъ: онъ чиновникъ Державнаго государственнаго банка; въ серединѣ прошлаго мѣсяца, когда на Прорѣзной работала Чека, а на Подолѣ по ночамъ вырѣзали красноармейцевъ пробравшіеся изъ слободокъ партизаны, чиновника нашего взяла тоска.

Днѣпръ разливается, въ Царскомъ Саду распустились липы, жрать нечего, на Крещатикѣ безпрестанная облава, бывшего управляющаго ихъ банка разстрѣляли лишь за то, что у него въ недѣлю мирнаго возстанія нашли сотню полупротухшихъ яицъ:

за спекуляцію предметами первой необходимости!..

Вечерами на нижнихъ улицахъ топотали конные патрули мохнатыхъ хунгузовъ. Такъ страшно, что хоть на край свѣта бѣги. Въ погожій страстной четвергъ чиновникъ услышалъ, какъ грустно звонятъ въ соборѣ, и двинулъ за городъ, шель весь день, всю ночь, слѣдующее утро. Ноги ныли, поясница ломила, остановиться, оглянуться... жуть беретъ... Чиновникъ шель сорокъ шесть дней. Если-бы исчезли всѣ газеты, книги, мемуары, умерли и потеряли память всѣ современники, одного его рассказа хватило бы для написанія русскаго «Жиль-Блаза»...

Онъ не умѣлъ рассказывать: двадцать три года онъ совершенствовался въ подведеніи счетовъ «лого»... Начиная съ Борщаговки (подъ Кіевомъ) и до Ногайскихъ тростниковыхъ зарослей, гдѣ онъ, пролежавъ четыре дня, замѣтилъ казачьи разъѣзды, власти мѣнялись, режимъ опрокидывалъ режимъ. Въ Фастовѣ на телегр. столбахъ висѣли коммунисты со звѣздой на френчѣ. Въ загаженныхъ парадныхъ комнатахъ жилъ прапорщикъ Соколовскій и производилъ реквизиціи именемъ адмирала Колчака. Телеграфъ бездѣйствовалъ, но Соколовскій нашель рулонъ телеграфной ленты,

рвалъ ее по клочкамъ и карандашомъ писалъ содержаніе депешъ, будто бы полученныхъ имъ, изъ Ростова отъ Деникина, изъ Казани (1) отъ Колчака, изъ Одессы отъ французовъ (1)... Со всѣхъ сторонъ на всѣхъ языкахъ Соколовскому разрѣшалось: 1) произвести мобилизацію, 2) вѣшать коммунистовъ, 3) реквизировать хлѣбъ. Противъ второго пункта никто не возражалъ, за первый и третій Соколовскій непрестанно страдалъ и, не находя желающихъ воевать, каждую недѣлю сдавалъ Фастовъ большевикамъ, которые въ свою очередь не могли и не хотѣли удерживать голодающее, сожженное мѣстечко...

Страшась мобилизаціи, чиновникъ повернулъ на сѣверъ къ Бахмачу и здѣсь попалъ въ лапы краснаго заградительнаго отряда. Десять дней онъ развѣзжалъ въ эшелонѣ насильно мобилизованныхъ хлѣборобовъ, на одиннадцатый въ Полтавѣ они попали въ плѣнъ къ атаману Зеленому. Всѣхъ плѣнныхъ согнали на станціонный дворъ, раздѣли до-гола и стали искать евреевъ... Евреевъ вѣшали, остальнымъ давали лохмотья, пошитыя изъ мѣшковъ, и гнали копать окопы на Сѣверный вокзалъ. Для чего копаютъ — никто не зналъ, но такова была традиція, усвоенная Зеленымъ за время пребыванія въ гайдамакахъ и красноармей-

цахъ. Зеленый сжегъ оба вокзала и Сѣверный и Южный, взорвалъ мостъ и ушелъ къ Люботину. Чиновникъ оказался военнымъ трофеемъ главковерха Егорьева. Теперь его двинули къ станціи Запорожье на борьбу съ Махно. До Запорожья не доѣхали: въ первую же ночь поѣздъ наскочилъ на подложенную балку; затыкали пулеметы, и весь эшелонъ безъ боя сдался засадѣ атамана Ангела, который призналъ батько Махно своимъ «старшимъ товарищемъ». Съ Ангеломъ жгли заводы Бсбринскаго, вырѣзали евреевъ въ Пятихаткѣ. Отсюда плѣнные бѣжали, днемъ прятались въ балкахъ, ночью шли, кушали рѣдко, развѣ если попадется уцѣлѣвшая отъ пожара деревня. Ночи случились безлунныя, но со всѣхъ сторонъ горизонта колыхали зарева экономій, рощъ, остатковъ полустаночныхъ вокзаловъ.

«Такъ отчетливо видимъ — повѣствоваль чиновникъ — цифры столбиковъ верстовыхъ; идешь-идешь, хлопъ и наткнулся, въ канавкѣ трупъ лежитъ. Кидаемся, думаемъ, можетъ сапоги цѣлые. Куда тамъ, не то что сапоги, исподники сняты»...

Шкуринскіе казаки, вытащивъ чиновника изъ Ногайскихъ зарослей, приняли его за шпиона и хотѣли вѣшать. Когда увидѣли, что сапоги порванные и поживиться не чѣмъ,

довели до штаба. Здѣсь его сейчасъ же занесли въ число плѣнныхъ. Чиновникъ взмолился и сталъ доказывать, кто онъ и что онъ. Штабные успокоили: «Да вы не бойтесь, въ Ростовѣ васъ отпустятъ, а здѣсь генералу лестно, чтобъ плѣнныхъ побольше было!»... Такъ ихъ и везли до самаго Ростова. На цѣлую теплушку ни одного большевика: ногайскіе домовладѣльцы, бердянскіе купцы, былъ еще одинъ инженеръ изъ Маріуполя, смуглый, кудлатый, думали еврей, хотѣли заколотъ, потомъ осмотрѣли — видятъ армянинъ, и отправили въ Ростовъ...

IV.

У Симона Петлюры столицъ не меньше, чѣмъ бывшихъ занятій, и не больше, чѣмъ оріентацій. Въ Москвѣ онъ былъ скромнымъ помощникомъ бухгалтера, служилъ въ транспортной конторѣ, по четвергамъ ходилъ въ кружокъ «Кобзарь», игралъ на гитарѣ, подпѣвалъ фальшивымъ голосомъ украинскія пѣсни и уносилъ домой томикъ Грушевскаго. Въ Москву онъ пріѣхалъ, спасаясь отъ преслѣдованій Кіевской полиціи: прозорливцы - пристава инкриминировали «мѣщанину Семену Петлюрѣ» какія-то противоправительственныя затѣи, нашли у него недозволенные книжки, укра-

инскіе стишки, заржавѣвшій пятізарядный бульдогъ... Въ Москвѣ, хотя онъ и числился подъ надзоромъ, полиція скоро перестала думать о помощникѣ бухгалтера. Ижить бы ему и поживать, и вышелъ бы изъ него великолѣпный старшій бухгалтеръ (въ украинской газетѣ онъ подъ конецъ бросилъ писать, надоѣло...). Но война и земскій союзъ заразили его военнымъ духомъ.

По должности помощника уполномоченнаго земсоюза Петлюра носилъ шпоры, тупую шашку, полированный свистокъ, громадный ноганъ и еще полдюжины переплетающихся шнуровъ: для бинокля, для «индивидуальнаго» перевязочнаго пакетика и т. д. Земсоюзъ сдѣлалъ изъ Петлюры военнаго министра въ первомъ украинскомъ кабинетѣ. И какъ всѣ украинцы, онъ оказался геніемъ, неощеннымъ, придушеннымъ царизмомъ. Сперва съ нѣмцами Вильгельма выгналъ большевиковъ, потомъ съ нѣмцами Эберта доконалъ Скоропадскаго. И начался знаменитый калейдоскопъ.

Въ трудную минуту его спасаетъ священное наслѣдіе Мазепы, когда - нибудь послѣ Кіева, Каменецъ-Подольска, Винницы, Варшавы, Тарнова, нѣмцевъ, полковъ, румынъ, добровольцевъ. — Симонъ Петлюра докатится, пожалуй и до шведовъ. Онъ имъ припомнитъ дружбу Мазепы съ

Карломъ ХП и сорветъ сотню тысячъ кронъ...

... Горѣло все: заводы, экономіи, вокзалы, города, живые люди. Украина была сплошнымъ костромъ. Симонъ Петлюра сталъ фениксомъ. Безсмертіе ли пошлости, живучесть ли предательства, но Симонъ Петлюра — единственное, что изъ всей Украины уцѣлѣетъ послѣ многолѣтней «украинской ночи». Изъ русскаго элемента, изъ чернозема Малороссіи — Махно, изъ украинскаго авантюризма, смѣси погромовъ, брошюръ, отвратительнаго волапука — Петлюра.

Пока Зеленый, Струкъ, Ангелъ, Соколовскій, шарятъ въ жалкихъ сундукахъ корчмарей, залитые кровью, рискующіе жизнью, загнанные, усталые, ежеминутно ждущіе удара ножемъ въ спину, пули изъ маузера адъютанта, пока богатѣйшія губерніи покрываются пепломъ, падалью, Симонъ Петлюра рѣшаетъ свои дѣла въ кабинетахъ лимитрофныхъ министровъ, въ ресторанахъ Варшавы, въ деревенскихъ усадьбахъ Галиціи... Онъ боится крови, не любитъ звуковъ орудійной пальбы и, если приходится загребать жаръ собственными руками, Петлюра бросаетъ армію и съ обозомъ бѣжитъ въ гостепріимную Галицію.

Такъ было въ 1919 году въ Винницѣ, такъ кончилось осеннее наступленіе въ 1920 г.

Въ его штабѣ нѣтъ воениныхъ: они любятъ вѣшать и съ ними опасно шутить. Въ антуражѣ Петлюры маленькіе хохлики съ большой подлостью, съ уровнемъ, выгодно отгѣняющимъ сравнительную грамотность ихъ вождя...

Украинская ночь обошлась Петлюрѣ не то въ двѣсти, не то въ четыреста тысячъ мобилизованныхъ и добровольцевъ, убитыхъ, умершихъ отъ ранъ, отъ тифа, отъ голода. Но въ «Matin» уже была бесѣда съ «Гетманомъ» — длинная, восторженная, съ портретомъ, съ подзаголовками. Посоль Петлюры — графъ Тышкевичъ — не даромъ толчется въ Парижѣ. Игра стоитъ свѣчь

... Недавно мнѣ попалась газета, издающаяся въ Тарновѣ, оффиціозъ Симона Петлюры. Въ номерѣ былъ помѣщенъ списокъ новаго правительства, составленнаго Петлюрой. Ихъ имена, конечно, ничего не говорили. Быть можетъ бывшіе карманщики, быть можетъ кременчугскіе телеграфисты... Но примѣту я вспомнилъ: Петлюра мѣняетъ правительство передъ каждымъ новымъ походомъ... Слишкомъ ярко зарево украинской ночи, чтобы фениксъ могъ воскресать съ прежней физиономіей!..

До разсвѣта еще далеко.

ПОРТО-ФРАНКО.

I.

Музыка играет все тише и тише...

Золотой звонъ гетманщины, двѣ Одессы, безнадежность кровью заливаемого полуострова...

«Господи, спаси Россію, помоги арміи!»— и въ послѣдній разъ подписавъ приказъ за номеромъ подписью: «Главногокомандующій В. С. Ю. Р., генераль А. И. Деникинъ», — старый человѣкъ въ первый разъ въ жизни заплакалъ, прощаясь со своимъ конвоемъ... Но дальше, дальше, уже и его печальный образъ мелькаетъ въ гнилыхъ туманахъ Пикадилли, Россія кончается!

Грюндерство, спекуляція, анришизмъ вступаютъ въ опасный возрастъ. Ваггъ дэ бэссъ въ Европѣ, паникой и вшами съѣденъ подлець — городъ Новороссійскъ.

Ахъ, все въ прошломъ! Кто возвратитъ сахарныя сдѣлки Харьковскаго «Версаля», милую прохладу грязныхъ кофеенъ Ростова, гдѣ лакеи такъ грубы, а деньги такъ

поѣинуются желаніямъ, взлѣтамъ, паденіямъ, слухамъ...

Музыка играетъ все тише и тише...

... Но здѣсь уже нѣтъ Россіи, здѣсь — British Occupation. И пока въ этомъ тропическомъ Батумѣ развѣвается флагъ Его Величества, пока багровый толстякъ въ шотландской юбкѣ стоитъ на углу и лупить своимъ традиціоннымъ жезломъ зазѣвавшася мушу, пока въ стеклянномъ павильонѣ въ тактъ непрерывному ту-степу американскіе матросы въ поварскихъ колпакахъ гремятъ столами и тарелками, пока полночь и полдень возмѣщаются пушкой свѣтлосѣраго гиганта «Императоръ Индіи», до тѣхъ поръ еще не все потеряно. Провести до слѣдній день Помпеи, на крошечномъ клочкѣ заливаемой ливнями русской земли, подъ роднымъ небомъ, подъ чужимъ флагомъ, собрались всѣ, кого ударила революція и кого выдумалъ морокъ лѣтъ возмездія. На пышащихъ болотомъ, лихорадкой, знойной лѣнью клумбахъ перваго въ мірѣ бульвара въ часы карминовыхъ закатовъ толпятся московскіе банкиры, одесскіе парходчики, мамонтовскіе есаулы, контръ-развѣдка полусотни южныхъ городовъ, бѣглые большевики и пріѣзжіе: итальянцы, англичане, французы, турки.

... Гражданскій губернаторъ, полковникъ Гаррисъ занятъ съ ранняго утра. Его адъютантъ, молоденькій, голубоглазый, веснушчатый валлисець, котораго Мурочка Вронская изъ «Шато-дэ-флеръ» называетъ «клубничное мороженное», докладываетъ ему результаты переговоровъ съ аджарцемъ Кискинъ-Задэ. Правительство Его Величества въ конецъ раздражено грузинскими требованіями Батума; изъ Лондона пришло распоряженіе попытаться создать Мессопотамскую обстановку — использовать мѣстныя распри. Мусульмане - аджарцы должны возстать противъ христіанъ - грузинъ. На-лицо имѣется Кискинъ-Задэ; свѣдѣнія о немъ неважныя. При царѣ отбылъ два срока арестанскихъ ротъ, зарегистрированный на всемъ Кавказѣ разбойникъ, среди аджарцевъ, въ аулахъ Верхней Аджаріи весьма популярень. Предлагаетъ свои услуги на случай необходимости испортить Тифлисскую жел. дорогу, припугнуть грузинъ кемалистами или большевиками и т. п.

Гаррисъ выслушиваетъ докладъ и отдаетъ распоряженіе: подготовить приказъ объ утвержденіи британскими властями Кискинъ-Задэ въ должности «главнокомандующаго войсками Независимой Аджаріи»...

«Я убѣжденъ—говорить онъ, улыбаясь— что и профессоръ будетъ доволенъ»!..

Профессоръ — Оливеръ Уордропъ, англійскій верховный комиссаръ для всего Закавказья, фанатикъ идеи расчлененія Россіи на милліонъ республикъ, которыя-бы своими внутренними раздорами требовали спасенія извнѣ. Уордропъ благословилъ Азербейджанъ, Грузію, горскую республику, черезъ Дербентъ вооружилъ дагестанцевъ противъ Деникина, снабжавшагося правительствомъ Его Величества черезъ Новороссійскъ. Гаррисъ отпускаетъ адъютанта и начинаетъ пріемъ просителей. За утро поступило шестнадцать прошеній объ открытіи новыхъ мѣняльныхъ конторъ. Скоро весь городъ будетъ заклеенъ плакатами—«money exchange». Просители — всѣ изъ благонадежныхъ круговъ. У одного рекомендація англійской контръ - развѣдки въ Севастополѣ, другой — генераль, командовалъ корпусомъ на Кавказскомъ фронтѣ, третій — секретарь Распутина, личный знакомый Сэра Джоржа Бьюкенена, у четвертаго письма изъ лондонскихъ фирмъ, близкихъ губернатору въ эпоху его мирной дѣятельности гофмаклера въ Сити.

За мѣнялами наступаетъ очередь редакторовъ.

«Почему всѣ русскіе хотятъ издавать газету?» — спрашиваетъ губернаторъ своего переводчика, вертляваго грека изъ Херсона, только что окончившаго Константинопольскій колледжъ.

Переводчикъ вчера вечеромъ ужиналъ въ шантанѣ съ однимъ изъ «editors», неизвѣстнымъ мужчиной въ панамѣ; уже двѣ недѣли мужчина ходитъ изъ конторы въ контору, имѣя при себѣ кожаный желтый саквояжъ, откуда имъ извлекаются пачки николаевскихъ пятисотрублевыхъ, запечатанныя двуглавымъ орломъ. Одна изъ такихъ пачекъ въ концѣ ужина перешла къ переводчику. Осторожно и издалека, онъ убѣждаетъ губернатора въ полезности печати для развитія любви къ англійскимъ властямъ. Гаррисъ что — то соображаетъ; френчъ и краги не убили въ немъ маклерскаго чутья. Рѣшительнымъ движеніемъ онъ перечеркиваетъ прошеніе.

«Лишняя газета — лишній шантажъ. Пусть читаютъ «Times»!.. Грекъ почтительно — кисло улыбается...

Сквозь открытое окно снизу доносятся крики. У парадной двери въ саду, на самомъ солнцепекѣ галдитъ толпа персовъ, грузинъ, армянъ, пришедшихъ за полученіемъ заграничныхъ паспортовъ. Когда крики усиливаются, Гаррисъ подходитъ къ

окну и что то односложное говорить сержанту, сидящему на скамейкѣ. Сержантъ подымается, подходитъ къ толпѣ и, не произнеся ни одного слова, сперва ударяетъ палкой крайняго пузатаго перса въ цвѣтномъ халатѣ, а потомъ, работая колѣнками и палкой, разгоняетъ всю толпу.

«Finished, finished»... Съ пристани доносится глухой выстрѣлъ: полдень.

Офицеры выходятъ изъ дворца губернатора и направляются къ пляжу. По излюбленной вѣковой привычкѣ они ходятъ гурьбой и держатся преимущественно мостовой: въ этихъ проклятыхъ вонючихъ колоніяхъ на тротуарѣ изъ окна могутъ облить какой-нибудь мерзостью, а изъ подворотни и вовсе пырнуть ножемъ.

На улицѣ, по которой они проходятъ, гремятъ желѣзныя сторы складовъ и мѣняльныхъ конторъ.

Время купанья, завтрака, подсчета утреннихъ прибылей. Пляжъ зацвѣтаетъ костюмами. Англичане усаживаются на верхней верандѣ ресторана вооружаются биноклями и шумно спорятъ о тѣлѣ русской женщины. Пожилому майору съ недостающей, отрубленной мочкой праваго уха крайне неприятно, что русскія дамы избѣгаютъ массажа и нагуливаютъ за лѣто неимовѣр-

ные бока, напоминающіе овощныхъ торговыхъ Уайтчепля.

Далѣ ему кажется, что, если войска Его Величества пробудутъ здѣсь еще годъ, въ обращеніи появится добрая тысяча ребятъ смѣшанной расы; въ бинокль видно, какъ на демократической сторонѣ пляжа совсѣмъ рядомъ съ горничными, прачками, кухарками расположилась группа гуркосо-въ. И тѣ и другіе завернули волосы въ полотенце и бѣгають на перегонки по круглымъ голышамъ... Каждый день въ мѣняльныя конторы заходятъ женщины въ платочкахъ и, краснѣя, достаютъ изъ узелка большую серебряную монету съ изображеніемъ птицъ — индійскія рупіи.

«А я думаю — говоритъ старикъ въ бѣломъ шлемѣ и золотыхъ очкахъ, главный гарнизонный врачъ — что, когда эти гуркосы попадутъ къ себѣ въ Индію, тамъ начнется небывалая эпидемія сифилиса. Въ городѣ на восемьдесятъ тысячъ населенія имѣется три съ половиной тысячи гуляющихъ дѣвокъ, изъ нихъ три четверти больныхъ»...

Черезъ полчаса и бульваръ, и пляжъ, и торговая улица вымирають. Тропическій зной достигаетъ кульминаціонной точки. Одни муши еще толпятся на площадяхъ; на непонятномъ гортанномъ нарѣчьи они

переругиваются, вырывая изъ рукъ засаленныя бумажки. Потомъ начинается ежедневное удовольствіе — драка мушей. Большими желѣзными стержнями для запаковки ящиковъ они, бьютъ другъ друга по курчавымъ головамъ, по грязнымъ бронзовымъ фізіономіямъ, по исцарапаннымъ жилистымъ шеямъ. Зной, голодъ, многопудовыя клажи отбили у нихъ всякую чувствительность, и, когда черезъ полчаса подходит лѣтний грузинъ - милицейскій, по лицамъ уже текутъ струйки смѣшанной съ грязью крови. Дѣло закончится въ англійской полиціи: мудрый сержантъ отправитъ всѣхъ въ принудительную бесплатную баню; ихъ зловонныя лохмотья наполнятъ мирядомъ насѣкомыхъ дезинфекціонную камеру и выйдутъ изъ нея такими же разсадниками всѣхъ существующихъ въ мірѣ болѣзней, привезенныхъ на итальянскихъ луксахъ, греческихъ хлѣбныхъ шхунахъ и просмоленныхъ турецкихъ парусникахъ.

Къ двумъ часамъ дня Реомюръ доходитъ въ тѣни до 35 град., на солнцѣ температура миражей, обмороковъ, мозговыхъ ударовъ.

Въ полотняныхъ пиджакахъ, съ налитыми кровью глазами, мѣнялы возвращаются въ свои душныя конторы, гдѣ рои мухъ и пчелъ гнѣздятся въ ложбинкахъ витринъ, предназначенныхъ для выставки золотыхъ

долларовъ, старинныхъ луидоровъ и русскихъ червонцевъ. Липкими одеревснѣвшими пальцами они пересчитываютъ миллионы обезцѣненныхъ русскихъ бумажекъ, которыми полны соломенные корзины. Не многочисленные фунты благоговѣнно извлекаются изъ внутреннихъ кармановъ жилета. Снова возобновленъ трудовой день. Длинной чередой тянутся персы съ пергаментной, желтой отъ опиума кожей; казаки въ тяжелыхъ папахъ предлагаютъ дамскія сережки и самоцвѣтные камни; константинопольскіе и синопскіе греки продаютъ фальшивыя десятилировки, ибо никто изъ вновь испеченныхъ мѣняль никогда не видѣлъ турецкихъ денегъ.

Томный, стройный брюнетъ, бывшая правая рука Деникина на Терекѣ, продаетъ русское масло и покупаетъ батумскій керосинъ. Брюнетъ извѣстенъ своей венгерской фамиліей и поспѣшнымъ ночнымъ бѣгствомъ изъ его ставки — Пятигорска, гдѣ онъ оставилъ безчисленное военное имущество, офицерскія семьи, штабы, разлагавшуюся армію.

Начальникъ военнаго кабинета Керенскаго, грузный, близорукій полковникъ, скупаетъ германскія марки. Онъ боится вызвать повышеніе цѣнъ; и прежде чѣмъ купить одну-двѣ тысячи марокъ онъ сидитъ

часами въ плетеныхъ креслахъ, пьетъ десятками чашекъ приторное крѣпкое кофе, помогаетъ считать деньги, подаетъ совѣты, рассказываетъ эпизоды изъ исторіи паденія Временнаго Правительства. Такъ онъ проваландается до самаго вечера; за десять минутъ до закрытія онъ внезапно поблѣднѣетъ, протретъ платкомъ съ вензелемъ запотѣвшія стекла черепаховыхъ пенснэ и спроситъ подавленнымъ тономъ: «А что наши дейтшланды? Говорятъ въ паденіи»... Его любимый мѣняла, бывший при первыхъ большевикахъ комендантомъ Феодосіи, прыщавый горбатый студентъ знаетъ номера своего кліента, и сурово отвѣчаетъ: «Марокъ нѣтъ; самъ-бы купилъ, да негдѣ»...

Нѣсколько репликъ, длинный, безуспѣшный для полковника споръ, и очередная тысяча марокъ торопливо засовывается въ особо секретный кошель, идущій вокругъ всего живота. Къ пяти часамъ зной ползетъ испариной по корнямъ пальмъ; мороженщики поднимаютъ крикъ на трехъ языкахъ сразу; американцы вылѣзаютъ изъ воды и отправляются на поиски веселыхъ домовъ въ туземную часть города, гдѣ уже заиграла зурна.

II.

Генераль Ляховъ избралъ себѣ плохое убѣжище. Лучше было бы ему прятаться

въ Сѣверной Персіи, которую онъ нѣкогда усмирялъ во главѣ особой казачьей бригады, нежели заниматься разводкой овощей въ собственномъ огородѣ, въ предметѣ Батума. Населеніе Батумской области — безпокойное, мстительное, восточно-упрямое, восточно-рѣшительное — хорошо запомнило дѣятельность этого новѣйшаго Цинцинната въ первые годы міровой войны.

Командиръ корпуса Кавказской арміи и военный губернаторъ Батумской области, генераль-лейтенантъ Ляховъ перевѣшалъ за два года столько аджарцевъ, что его жертвами можно было бы заселить еще одинъ Батумъ. Во времена Деникина Ляховъ въ послѣдній разъ свелъ счеты съ кавказцами въ роли Главноначальствующаго Терско-Дагестанскаго Края. Ѣздилъ съ броневикомъ и сметалъ аулы изъ тяжелыхъ орудій...

Въ апрѣлѣ 1920 г. это былъ высокій бравый старикъ; въ черкескѣ при всѣхъ орденахъ, смѣло ходилъ онъ по улицамъ Батума, чувствуя на себѣ враждебные истребительные взгляды молчаливыхъ людей въ чалмахъ и фескахъ.

Въ черкескѣ при всѣхъ орденахъ Ляховъ высматривалъ помѣщеніе для моднаго занятія—мѣняльной конторы. Такъ его

застигли въ первый разъ въ огородѣ на дачѣ. Три аджарца залегли за изгородью и открыли пальбу; генераль отбиваль лопаткой пули и съ той же лопаткой кинулся на убійць.

Всѣ трое бѣжали.

Англичане сказали генералу: «Вы, конечно, герой, но съ одной лопаткой далеко не уѣдешь; каждый день на васъ готовится добрая сотня заговоровъ. Убирайтесь по добру, по здорову въ Константинополь». День его отъѣзда опредѣлили на 29 апрѣля. Утромъ Ляховъ прошелъ въ церковь отслужить панихиду по женѣ; англійскій миноносець развелъ пары и ждалъ генерала на рейдѣ.

Въ одиннадцать часовъ утра онъ вышелъ изъ церкви. И снова трое въ фескахъ пошли за нимъ, приблизились на пять шаговъ и разрядили въ его спину три обоймы трехъ маузеровъ. Выстрѣлы среди бѣлаго дня? Мѣнялы всполошились: должно быть грабежь... Поспѣшно закрыли конторы, загромѣли желѣзными жалюзи. Когда выяснилось, что произошло чистое убійство безъ грабежа, снова открыли лавки. День выдался тревожный. Пробѣжалъ слухъ о занятіи Баку большевиками. Фунты прыгнули на 40 проц.; полковникъ Гаррисъ, ѣдучи на панихиду по Ляховѣ, заѣзжалъ по дорогѣ

во всѣ конторы и скупаль всю имѣющуюся валюту.

А вечеромъ въ общественномъ собраніи за ожесточеннымъ макао секретарь Распутина — человѣкъ съ невѣроятнымъ акцентомъ, склонностью къ пессимизму и небольшими черненькими усами — рассказывалъ, что говорилъ старецъ о Ляховѣ. И снова, какъ это уже происходило второй годъ, восторженные слушатели говорили въ одинъ голосъ: «Аронъ Семеновичъ! Вамъ нужно писать мемуары. Вы на нихъ заработаете больше денегъ, чѣмъ на размѣнѣ»!.. Аронъ Семеновичъ презрительно улыбался и загибалъ пальцы на обѣихъ рукахъ: «Во-первыхъ мѣнялку я держу не для заработка, а чтобы сыны мои за дѣвчонками не бѣгали. Деньги есть деньги. Имъ нравится, когда денегъ больше съ каждымъ днемъ, тогда имъ плевать на ажуръ и амуръ. Значить есть здоровье. Во-вторыхъ я вамъ скажу, дворяне не отмоютъ на себѣ кровь Распутина еще двадцать лѣтъ. И генералы тоже. Ляхова убили. Убьютъ еще сто Ляховыхъ!»...

У секретаря старца по слухамъ имѣлся фунтъ камней голубой воды, жену свою — толстую картежницу — онъ не успѣлъ вывезти изъ Кіева, и въ Батумѣ породистыя бѣженки находили, что Аронъ Семеновичъ

не такъ плохъ, какъ о немъ говорятъ...
La carte passe et la carte passe!...,
возглашалъ крупье, бывший конногвардеецъ.
Въ сосѣдней залѣ затынутые въ парадныя
френчи лейтенанты танцовали негритян-
скіе уан-и ту-степы, здѣсь за зеленымъ сто-
ломъ за неполный часъ оставлялись двух-
лѣтній грабежъ на фронтѣ гражданской
войны, вывезенное женино кольцо, зарабо-
токъ знойныхъ тяжелыхъ недѣль.

Проигравшіеся сидѣли на верандѣ, тер-
заясь воспоминаніями. Охотничій клубъ,
литературный кружокъ, Екатерининское
собраніе — если-бы у этого накрашеннаго
господина въ дешевомъ итальянскомъ ко-
стюмѣ, добывавшаго обѣдъ подачками ан-
гличанъ, а ужинъ похабными анекдотами
въ кругу пароходчиковъ-грековъ, если-бы
его спросили о прежнемъ титулѣ и поло-
женіи — пришлось бы зарыться въ дебри
англійскаго клуба въ Москвѣ, припомнить
фамиліи старшинъ клуба въ дни чествова-
нія Багратіона. Сегодня ему ничто не уда-
валось. Его главный покровитель, албан-
скій грекъ и бывший турецкій офицеръ,
разбогатѣвшій на скупкѣ краденаго имуще-
ства трехъ армій (русской, турецкой, ан-
глійской), получилъ извѣстіе, что въ Баку
большевиками захваченъ цѣлый поѣздъ съ
его консервами. Албанецъ нервно теребилъ

янтарныя четки, самъ не ужиналъ и не хотѣлъ понимать намековъ накрашеннаго господина...

Внезапно лакеи засуетились. Старшина, туземный нотаріусъ, атлетъ и глухарь, кинулся къ входной двери, откуда въ сопровожденіи англійскихъ офицеровъ и четырехъ молодцеватыхъ мюридовъ, вплывалъ круглолицый, усатый аджарецъ, въ бѣлой чалмѣ, со шрамомъ на щекѣ, при драгоцѣнномъ оружіи. Кискинъ-Задэ въ ознаменованіе смерти его страшнаго врага Ляхова, нѣкогда давашаго ему 25 плетей, рѣшилъ посѣтить собраніе гяуровъ. Широко растопыренными пальцами онъ держалъ громаднй букетъ одуряющихъ туберозъ, преподнесенный женой англійскаго губернатора.

Еще яростнѣй заиграли негритянскій тустепъ, еще отчетливѣй застучали каблуками молодые лейтенанты. Какъ-никакъ, а Кискинъ-Задэ являлся все-же въ нѣкоторомъ родѣ избранникомъ Его Величества.

III.

Послѣднее осеннее цвѣтеніе. Измѣнился фонъ, нѣтъ больше кievскихъ нѣмцевъ, ростовскихъ казаковъ, новороссійскихъ марковцевъ. Но и здѣсь не избѣжать эвакуаціи. И снова повторяются ея три вѣрнѣйшихъ признака: бѣшенство спекуляціи, бас-

нословныя цифры грабежей, прїѣздъ театра «Кривой Джимми», который, какъ статуя командора, появлялся наканунѣ смерти всѣхъ украинскіихъ, донскихъ, кавказскихъ городовъ.

Уйдутъ или не уйдутъ англичане? Въ попыткахъ разрѣшить эту основную проблему всѣхъ трехъ лѣтъ бѣженства худѣли мѣнялы, теряли аппетитъ молодые люди изъ контръ - развѣдки, возросталъ престижъ учреждений защитнаго цвѣта: кооперативовъ, центросоюза, профессиональных организаций.

Сами англичане славно поддерживали марку традиціонной загадочности. Разъ въ недѣлю бѣлые шлемы изъ британскаго банка черезъ шантанныхъ пѣвиць и болтливыхъ стариковъ пускали слухи — «уйдемъ не позже, чѣмъ на будущей недѣлѣ»...

На утро фунты дорожали сразу на 200—300 проц., переводчики губернатора за безболѣзненное получение визы брали вмѣсто пяти фунтовъ двадцать, встревоженные пиджаки, шляпки и папахи осаждали контору итальянскаго пароходства...

Проходило два-три дня, англичане банка и штаба успѣвали продать свои фунты, губернаторъ вывѣшивалъ объявленіе о строжайшемъ наказаніи породителямъ слуховъ объ уходѣ войскъ Его Величества, фунты

летѣли внизъ, въ витринахъ мѣняль появлялось безчисленное множество второпяхъ закупленныхъ брилліантовъ, плачущія дамы не знали, что имъ дѣлать съ билетомъ 1-го класса до Венеціи, «la pourriture y compris», англичане съ громадной прибылью покупали обратно свои фунты и брилліанты, глупый бѣженскій анекдотъ снова повторялся и не было ему, казалось, ни начала ни конца.

.. Но паденіе Азербейджанской республики всполошило не на шутку всю эту усталую накипь. Въ началѣ мая на пароходѣ «Сюира» покинули кавказскіе берега всѣ тѣ, кого не сумѣли загубить ни кислородская чека, ни одесская недѣля мирнаго возстанія, ни всероссійскій палачъ — сыпнякъ. Уѣзжала Россія первая — бывшіе министры, попечители, банкиры, уѣзжала Россія вторая — нувороши, почуявшіе близкій конецъ, комиссары, грабнувшіе и больше всего боявшіея прихода «нашихъ», могущихъ припомнить былыя дѣла, интернаціональное демократическое сословіе мѣняль, крупье, шуллеровъ.

На третьемъ часѣ поѣздки заговорила Россія третья. На палубѣ раздался выстрѣлъ. Въ каютъ-компанію зашелъ бритый человѣкъ въ отличномъ дорожномъ костюмѣ съ маузеромъ въ рукахъ, попро-

силъ пассажировъ не волноваться и безъ сопротивленія сдавать имѣющіяся суммы. Во всѣхъ проходахъ, машинномъ отдѣленіи, у радіо-телеграфа стояли такіе - же люди съ такими же маузерами.

Послѣ краткаго, но энергичнаго сбора, во время котораго у жены одного изъ видныхъ союзныхъ сановниковъ, оказалось совершенно оглушительное количество брилліантовъ, представители третьей Россіи сѣли на лодки и уѣхали, на прощанье распорядившись всѣмъ пострадавшимъ подать шампанское...

Въ Константинополѣ большинство изъ пассажировъ «Сюира» отказалось отъ мысли продолжать поѣздку и уныло сошло на берегъ, утѣшаясь мыслью о ничтожности своихъ потерь въ сравненіи съ потерей союзной дамы, у которой брилліанты были величиной въ слезу армянскихъ сиротъ... (ея мужъ опекалъ Арменію).

Герои происшествія на „Сюира“ были пойманы лишь спустя нѣсколько недѣль. Пока-же въ видѣ нравоученія и для прекращенія слуховъ объ участіи въ грабежѣ ставленника Его Величества Кискинъ-Задэ, англичане рѣшили наказать кого-либо изъ имѣющихся въ ихъ рукахъ «туземныхъ бандитовъ». Въ Батумской тюрьмѣ уже второй годъ содержалась компанія изъ восьми гру-

зинъ, подозрѣвавшихся въ какомъ-то грабежѣ. Въ шесть часовъ утра на главную площадь города были доставлены въ грузовикахъ всѣ восемь. По англійскому обычаю у нихъ были забинтованы лица и ихъ привязали къ специально поставленнымъ столбамъ. Церемонія разстрѣла, чтобы не приучать индусовъ къ убійству бѣлыхъ, была поручена взводу моряковъ. Послѣ двухъ сухихъ залповъ къ каждому изъ восьми подошелъ лейтенантъ, командовавший взводомъ и для вѣрности всадилъ еще по пулѣ въ голову каждого. Въ шесть часовъ десять минутъ brave «бобби» уже разгоняли любопытную толпу, густыми цѣпями осаждавшую площадь.

Возмездіе свершилось. Къ полудню фунтъ опять повысился: Аронъ Семеновичъ сказалъ, что онъ эти штуки знаетъ: передъ эвакуаціей всегда разстрѣливаютъ грабителей... Его тѣлохранитель и кассиръ, бывший начальникъ конныхъ развѣдчиковъ въ добровольческомъ корпусѣ, прибавилъ, что и онъ это провѣрилъ на опытѣ...

И уже больше никого не радовали ни пальмы, ни карминовые закаты, ни великолѣпный экспрессъ съ вагонъ - рестораномъ, который за неполныхъ двѣнадцать часовъ привозилъ въ Тифлисъ. Что толку было торчать въ Батумѣ, когда въ Баку уже

засѣдалъ конгрессъ коммунистовъ и нефтепроводъ не давалъ ни капли нефти? Какая радость была отъ поѣздокъ въ Тифлисъ, если совѣтскій посолъ Кировъ уже произносилъ съ балкона своего дома зажигательныя рѣчи, а грузинскій министръ добродушно признался, что въ случаѣ чего его армія продержится отъ полудня до слѣдующей полуночи...

Въ серединѣ іюня англійскій губернаторъ извѣстилъ населеніе, что на мѣсто отбывающихъ на родину англійскихъ войскъ въ Батумъ прибываютъ французы...

По кривымъ улочкамъ, съ воемъ пронзительныхъ рожковъ, трещетокъ, съ боемъ барабановъ, входили колониальныя войска — сенегальцы въ фескахъ. Сомнѣній больше не было. Значить судьба Батума предрѣшена. И, умудренные одесскимъ опытомъ, послѣдніе могикане бѣженства больше не желали ждать. Бѣдные ѣхали въ Крымъ, гдѣ дѣла Врангеля какъ-будто на лаживались, гдѣ по слухамъ была холера и значить нужда въ рисѣ и медикаментахъ. Обладатели валюты не вѣрили ни въ Крымъ, ни въ рисъ, ни въ медикаменты, ни въ товарообмѣнъ, ни въ сенегальцевъ.

Впереди былъ еще одинъ этапъ — Босфоръ, конторы грязной Галаты, ослѣпительный «Пера-Паласъ».

* * *

Чѣмъ больше итальянскій пароходъ, тѣмъ меньше можно вѣрить въ аккуратность его отходовъ и приходовъ.

Въ послѣднѣй моментъ комиссаръ нашего Triestino вспомнилъ, что онъ чего-то не успѣлъ купить и опрометью кинулся на берегъ. Какое-то особенное нервозное нетерпѣнѣе овладѣло всѣми нами. На пароходѣ уже вѣяло Европой. Въ кокетливомъ барѣ негры въ расшитыхъ ливреяхъ говорили на отчаянной смѣси четырехъ языковъ, въ салонѣ валялась кѣмъ-то завезенная программа скачекъ въ Longchamps, на столахъ блистали давно невиданныя скатерти; матросы не толкали, не грозили, не вышвыривали съ палубы сундуковъ, контролеръ взялъ билетъ и сказалъ «gratia, signore». Но тѣмъ чувствительнѣй была задержка. Скорѣй, скорѣй....

Наконецъ, комиссаръ вернулся. Вслѣдъ за нимъ изъ катера вылѣзъ и поднялся по трапу высокѣй, изящный человекъ съ орлинымъ носомъ и чуть-чуть подведенными губами. Онъ былъ въ штатскомъ сѣромъ костюмѣ, но ясно чувствовалась въ немъ при-

вычка къ шпорамъ и мундиру. Онъ говорилъ по-итальянски съ тѣмъ рулированіемъ, по которому такъ нетрудно узнать русскаго.

Въ каютъ-компаніи къ нимъ присоединился французъ-экспортеръ, уѣзжавшій въ Бриндизи. Они оживленно заговорили о какихъ то товарахъ. Соотечественникъ нѣсколько разъ просилъ быть осторожными, особенно при выгрузкѣ; Французъ и комиссаръ титуловали своего собесѣдника «сіятельствомъ» и просили не волноваться. *C'est clair comme bonjour, c'est clair comme bonjour*, нѣсколько разъ повторялъ французъ.

Послѣ второго гудка соотечественникъ попрощался и уѣхалъ на берегъ, откуда онъ долго махалъ платкомъ.

...Крутой поворотъ и, взявъ курсъ въ открытое море, мы проходимъ мимо бульвара. Доносится музыка сенегальскаго оркестра. За шумомъ машины трудно разобратъ, что именно играютъ. Пальмы становятся меньше и меньше, люди превращаются въ цвѣтныя пятна.

На спордѣкъ собралась толпа во главѣ съ Арономъ Семенычемъ. Прощаніе съ Батумомъ его не слишкомъ взволновало. Онъ подходитъ ко мнѣ и съ обычной, кривой, презрительной улыбочкой говорить: «Ну,

какъ вамъ понравился этотъ совѣтскій графъ?»?

„Какой графъ?..“

Выясняется, что новый торговый агентъ совѣтовъ въ Батумѣ графъ Б. и былъ тѣмъ господиномъ, котораго привозилъ комиссаръ парохода.

... Въ Бриндизи я встрѣтилъ француза-экспортера, сіяющаго, веселаго, насвистывающаго «Маделонъ». Повидимому, опасенія Б. оказались неосновательны. *C'est clair comme bonjour...*

КЛАДБИЩЕ МЕЧТЫ.

I.

«Я зажигалъ фонарь и въ роли Діогена отправлялся на поиски челоѣка: въ Одессѣ его не было», (В. В. Шульгинъ, «1920 годъ»)...

Не было его не только въ Сдессѣ; за полгода до появленія записокъ В. В. Шульгина, въ агонизировавшемъ бѣломъ Крымѣ, въ вагонѣ тогдашняго штаба арміи, тогдашній диктаторъ, надрываясь, кричалъ своему генераль-квартирмейстеру: «Гдѣ же честные люди, гдѣ, Германъ Ивановичъ, умные, честные, способные люди, гдѣ ихъ взять?»... Врангелевскому «Герману Ивановичу» оставалось послѣдовать примѣру Тургеневского Увара Ивановича: сложить руки на животѣ, поиграть перстами и сказать : «будутъ»... Будутъ? Но когда? Гдѣ? Какимъ образомъ? Изъ какихъ слоевъ? Ибо еще задолго до Перекопскихъ дней, въ прощальномъ Феодосійскомъ приказѣ, Деникинъ многозначительно подчеркивалъ:

«...Всѣмъ *честно* шедшимъ со мною въ тяжкой борьбѣ — низкій поклонъ»...

Поруганная бѣлая мечта, не найденный человекъ Діогена, не существующіе честные, умные, способные люди» и въ итогѣ гибель надежды. Если 14 декабря 1825 — стоячая революція, то попытки 1918-20 — движеніе безъ идеологіи, нарывъ безъ стержня. Пальцемъ надавишь: лопнетъ и растечется по поверхности.

Въ арміи: дворяне, съ быстротой умопомрачительной метавшіеся отъ царя къ Родзянко, отъ Керенскаго къ саботажу, отъ бѣлой мечты къ контръ-развѣдкѣ; казачество, пасмурное, затаившее ненависть къ Москвѣ, впечатлительное, зыблемое, предавшее донца Каледина, кубанца Бардижа, терца Мистулова; коричневая интеллигенція, заблудившаяся межъ революціей и контръ-революціей, разумомъ ненавидящая большевиковъ, инстинктомъ чуждая генераламъ; крестьянство, тоскующее о мирѣ и землѣ, готовое идти со всякимъ, на чьемъ знамени демобилизація.

Въ тылу: ресторанные *coups d'état* отдыхающихъ мстителѣй; пресса, палочная, загнанная, пьяная, съ приемами филера-штучника, съ идеалами чайной союза русскаго народа; петербургскій доцентъ Константинъ Соколовъ и революціонный комендантъ Эн-

гельгардтъ въ роли пропагандистовъ; за-
спанные кокаинисты — коменданты горо-
довъ, подражающіе красному террору и
страшные лишь для бумажниковъ кофей-
ныхъ бѣлобилетчиковъ...

Диктаторы: или спящія красавицы —
убаюканныя колыбельной собственнаго со-
чиненія о великой, единой, недѣлимой, въ
вѣчномъ ожиданіи благодѣтельнаго прин-
ца, который разбудитъ ихъ самихъ, одѣ-
нетъ армію, отогрѣетъ замерзшую душу,—
или чванливые нищіе, дорожащіе курсомъ
ихъ тряпичнаго рубля, изображающіе суве-
реновъ, пытающіеся импонировать сво-
имъ грязнымъ голымъ тѣломъ усталой
Европѣ.

Мстители: бѣдные рыцари, восторжен-
ные и близорукіе, самоотверженные и пу-
стоцвѣты, готовые на все и не способные
ни на что...

Наконецъ, абсолютное безпримѣрное от-
сутствіе какой бы то ни было опредѣлен-
ной идеологіи, грозное смѣшеніе застарѣ-
лаго добра и изошреннаго зла: или Дени-
кинъ, что то плетушій о замѣнѣ революціи
и реакціи путемъ эволюціи или, Суворинъ—
хмельное дитя Коломяжскаго ипподрома и
Добровольческой ненависти...

II.

Первый командиръ Корниловскаго полка — генеральнаго штаба полковникъ Нѣжинцевъ. Мягкіе лучистые глаза, лицо и манеры приватъ-доцента; какъ влюбленный, говорить о Корниловѣ, какъ зачарованный молится на Россію. Смертельно раненъ въ тѣ-же роковыя дни штурма Екатеринодара.

Сердце корнета, воля вождя, отвращеніе къ гражданской войнѣ и горькое сознаніе ея необходимости, стремленіе уговорить и убѣдить плѣннаго, исключительная даже въ первомъ походѣ щепетильность въ обращеніи съ имуществомъ обывателей, отсутствіе звѣрствъ и неумолимое ихъ преслѣдованіе — таковъ былъ Нѣжинцевъ...

Кабинетному ученому, просвѣщенному офицеру генеральнаго штаба — странно, чуждо ему въ атмосферѣ глухой ненависти первопоходниковъ, загнанныхъ въ ледяную степь. Пока живъ Нѣжинцевъ, теплится огонекъ весталки. Ей неизвѣстно лицо ея бога, сроки его прихода, но она ревностно поддерживаетъ священное пламя...

Полковникъ Блейшъ — послѣдній командиръ Марковской дивизіи временъ Новороссійскаго разгрома.

Храбрость — о храбрости не принято было говорить среди марковцевъ — онъ

ходилъ въ атаку во весь ростъ, всегда впереди дивизіи.

Жестокость — ее не замѣчали среди марковцевъ — въ этомъ году Марковцы рѣдко брали плѣнныхъ.

Начисто выбритый, благоухающій, напудренный, пристально наблюдаетъ Блейшъ жуткія сцены послѣ боя, равнодушно слушаетъ залпы разстрѣловъ, безгливо смотритъ на начавшійся грабежъ.

Съ неизмѣннымъ флакончикомъ кокаина въ боковомъ карманѣ, этотъ безстрастный ледяной человѣкъ, съ каждымъ боемъ все болѣе молчаливый, все болѣе мрачный, пройдетъ сотни верстъ до Орла и обратно, не выпуская изъ рукъ винтовки, проходя по трупамъ, чрезъ грабежи, насилія, пожары.

Понялъ ли Блейшъ фатальный уклонъ гражданской бойни или душа его уже давно была сражена и продолжала жить лишь щеголеватая оболочка педантичнаго офицера въ пальто стараго образца..., только, никогда не участвуя лично въ звѣрствахъ и грабежахъ, онъ не находилъ и словъ порицанія.

Онъ истреблялъ трусость, дезертирство; храбрость покрывала все...

Каменный гость — говорили о немъ въ ставкѣ...

Дойдя со своей дивизіей до Новороссійска, онъ умеръ отъ сыпняка въ одинъ изъ послѣднихъ дней. Уже на пристаняхъ обезумѣвшіе люди бросались въ ледяную воду, вплавъ къ англійскому рейду, а Блейша хоронили на лафетѣ единственнаго уцѣлѣвшаго дивизіоннаго орудія. За лафетомъ шли страшные марковцы. Еще вчера они врывались въ дома на Серебряковской, принося смерть, насиліе, грабежъ. Сегодня они плакали такими слезами, какими едва ли плакали даже ихъ безчисленныя жертвы, разсѣянныя въ степяхъ Дона, Кубани, въ вязкихъ грунтахъ цетральной Россіи.

Отъ Нѣжинцева къ Блейшу: цѣна двухъ лѣтъ бѣлаго опыта. Отъ пустоцвѣта мечтателя къ немилостивому кондотьеру. Движеніе попыталось отогрѣть Россію сжиганіемъ горсточки зажженныхъ душъ. Движеніе добилось единственно — возможнаго результата: горсточка пепла. Теперь и она разсѣялась въ ледяномъ нордъ-остѣ Новороссійска, въ соляномъ смерчѣ Сивашей.

III.

Жертва кокаина и «логики»... Генераль Слащевъ. Кокаиномъ побѣждалъ большевиковъ, «логикой» побѣдилъ добровольческую психологію и, проигравъ съ бѣлыми, пытается отыгратъся у красныхъ.

Энергія и талантъ Слащева - Крымскаго создали шестой актъ трагедіи; страхъ предъ Слащевымъ-Вѣшателемъ унялъ даже тѣхъ трогательныхъ безкорыстныхъ большевистскихъ квартирьеровъ, которые вырастали за мѣсяць до красныхъ въ лонѣ профессиональныхъ союзовъ, «демократическихъ» думъ, независимыхъ редакцій и умирали черезъ мѣсяць послѣ красныхъ... въ подвалахъ мѣткихъ чека.

Двумя юнкерскими училищами, горстью донскихъ казаковъ преградилъ дорогу русской лавинѣ этотъ почти легендарный человекъ, достойный, если не прижизненной статуи, то загробнаго вниманія ада.

Безумнымъ усиліемъ воли, опьяненной ненавистью, кокаиномъ, хронической бессонницей, бодрствуя цѣлыми недѣлями, онъ сумѣлъ продержаться вопреки стратегическому смыслу, указывавшему на невозможность, вопреки наѣхавшей толпѣ воеводъ безъ воеводства, эту невозможность создавшихъ, вопреки забастовкамъ единственнаго военнаго завода.

У Сивашей кулаки Каменева, по Южному Берегу гуляетъ капитанъ Орловъ съ зелеными офицерами, въ Севастополѣ и Теодосіи рабочіе не выгружаютъ снарядовъ, но зато во всѣхъ портахъ высаживаются банды эвакуированныхъ изъ Новороссійска и

громить «напослѣдокъ» города; въ довершеніе всѣхъ несчастій призжаетъ «Южно-Русское Правительство», заявляя о своихъ прерогативахъ, а Деникинъ и Махровъ требуютъ подчиненія и угрожаютъ смѣщеніемъ.

Слащевъ поспѣваетъ всюду.

«Не смѣй спать, будить онъ на разсвѣтѣ своего несчастнаго адъютанта, ѣдемъ въ тылъ усмирять» — и къ полудню на столбахъ, фонаряхъ, деревьяхъ города Симферополя замелькаютъ Полковники, Штабс-Ротмистры, Поручики съ лаконической надписью: «Приказомъ Генерала Слащева за грабежъ».

Къ вечеру онъ появится въ Севастополѣ, и восемь главарей забастовки, оправданные за отсутствіемъ уликъ, попадутъ въ его поѣздъ; не солоно хлебавши, отойдетъ отъ прямого провода Махровъ, Деникинъ разведетъ руками и скажетъ: «Что же съ нимъ дѣлать, вѣдь придется его разстрѣлять, лучше оставьте его»...

А къ утру Слащевъ снова у Джанкоя.

За ночь большевики прорвали Сивашскія позиціи и двигаются на полуостровъ...

Остается послѣдній резервъ — 1.000 юнкеровъ.

Съ винтовкой въ судорожно сведенныхъ рукахъ, съ безумнымъ взоромъ остекленѣвшихъ глазъ, поведетъ онъ эту кучку на

встрѣчу соленому весеннему вѣтру, въ лобъ пулеметамъ, въ дико-неравный, фантастическій бой.

Черезъ нѣсколько часовъ большевики хлынутъ назадъ, а Слащевъ, вызванный къ аппарату Министромъ Юстиціи, запрашивающимъ о судьбѣ восьми, изступленно кричить: «не безпокойтесь, они уже разстрѣляны, атака отбита»...

Въ первый разъ за три года осуществляются «желѣзо и кровь», проводится диктатура въ ея страшномъ, ничѣмъ не прикрытомъ значеніи.

«Требую отъ васъ всѣхъ максимума работы для побѣды. Ничего не обѣщаю. Кого надо повѣшу!», съ такими рѣчами высокій и строгій входитъ въ гудящую толпу севастопольскихъ рабочихъ, безъ оружія, безъ охраны, въ развѣвающейся черкескѣ, съ однимъ трясущимся ординарцемъ...

Забастовка прекращается...

«Я ничего не понимаю, я отказываюсь вѣрить — говоритъ человѣкъ, знающій его съ пятилѣтняго возраста — если-бъ вы знали, что это за доброе отзывчивое сердце, какой это кроткій молодой человѣкъ, какой это нѣжный и вѣрный товарищъ, мечтательный какъ женщина, увлекающійся какъ гимназистъ»...

Дрожать интенданты, смиряется Орловъ, еле дышитъ тыль, боготворятъ войска и удерживается полуостровъ.

Въ послѣдній разъ, въ роли диктатора мелькнетъ его издерганное лицо съ остеклянѣвшими глазами на генеральскомъ совѣтѣ (22 марта 1920), намѣтившемъ кандидатуру Врангеля.

Прямо съ поѣзда проѣхалъ во дворецъ, въ полной боевой формѣ, окруженный чинами своей свиты. Посидѣлъ съ полчаса, бахнулъ какую-то очередную Слащевщину и уѣхалъ обратно: «Я ничего не знаю, мнѣ некогда»...

Снова летитъ жуткій поѣздъ, приводя въ оцѣпенѣніе начальниковъ станцій, вызывая воспоминанія о прошломъ и страхъ предъ будущимъ... А Слащевъ, сидя надъ картой и чертя схемы, твердитъ въ сомнамбулическомъ забытіи: «кокаинъ, водка, нитроглицеринъ, чортъ, дьяволъ, только не спать, только не спать»... И все такъ же восторженно глядитъ на генерала его молодой статный ординарецъ «Никита», его переодѣтая безстрашная жена...

Цинциннать никогда не нюхалъ кокаина и вѣроятно не сумѣлъ бы отстоять Крымъ. Въ свою очередь и Слащевъ, попытав-

шись заняться ремесломъ Цинцината, — разведеніемъ капусты на Босфорѣ, — скоро разочаровался и заерзалъ. Полемика съ Врангелемъ, малопоучительные разговоры съ пожизненнымъ матросомъ Θεодоромъ Баткинымъ, необходимость считать каждый піастръ — не для этого онъ громиль Махно, Петлюру, Егорьева, не для этого рисковалъ жизнью, не для этого три года назадъ въ компаніи четырехъ такихъ же *à tout faire*, возсталъ онъ противъ всей Россіи и сумѣлъ поднять Сѣверный Кавказъ. Сшитый изъ одного куска, Слащевъ остался и въ своемъ Босфорскомъ уединеніи дѣвственно вѣренъ добровольческимъ канонамъ. Движеніе развивалось безъ всякой идеологіи; движеніе возвѣщало, что оно не за монархію и не за республику, не за собственность и не за коммуну, не за погромы и не противъ погромовъ, не за землю и волю и не противъ земли и воли. Мы за Россію, великую, единую, недѣлимую. И баста... Всѣ счета подведены...

Уже тогда въ 1918-19 люди, проводящіе грань межъ патріотизмомъ полкового буфетчика и чутьемъ истинной государственности, понимали, что лозунгъ Деникина и остальныхъ добровольцевъ лишень содержанія и чреватъ соблазнами. Больше-

вики сразу нащупали это больное мѣсто и принялись для удержанія власти строить «великую, единую, недѣлимую».

Империализмъ Троцкаго, расходясь въ конечныхъ цѣляхъ съ империализмомъ Деникина, въ лозунгѣ вполнѣ съ нихъ сходился. Для міровой революціи нужна сильная красная армія — «Россія великая»; для защиты отъ «міровой буржуазіи» и для централизаціи власти въ комитетѣ партіи необходима — «единая и недѣлимая»...

Никогда и нигдѣ добровольцы не выдвинули единственно правильной недвусмысленной формулы; за возстановленіе Россіи на основѣ частной собственности (уже только потому, когда не было ни арміи, ни территоріи, «Мажестикъ» раскачался)... Никогда и нигдѣ добровольцы не доказали своего уваженія къ частной собственности... А разъ такъ — Слащевъ, воспитанный на ненависти къ «богачамъ», легко могъ поддаться на новую политику большевиковъ.

Троцкому остается занять Бессарабію и возобновить войну съ Польшей — тогда лозунгъ будетъ цѣликомъ осуществлень и различіе арміи красной и добровольческой исчезнетъ.

Лѣтомъ 1919 вновь сформированныя части бѣлаго полка на вопросъ — «Братцы, за Россію постоите?» — дружно отвѣчали — «Такъ точно, мы — большевики»...

Слащевъ первый плодъ. За нимъ посыпятся идругіе. Бѣлое движеніе убило душу живого антибольшевизма и осталось съ шаблонами, подъ которые поддѣлаться не труднѣй, чѣмъ соблазнить Слащева.

Такая звѣрская и такая непреодолимая логика: логика фактовъ...

Такой безпощадный и такой неумирающій законъ: законъ Немезиды...

Голодомъ расплачиваются крестьяне, предавшіе Деникина, Врангеля, Юденича; Слащевымъ и тѣми, кого подбодрить примѣръ Слащева, расплачиваются Деникинъ, Врангель, Юденичъ за патриотизмъ полкового буфетчика, за чванство, за самоувѣренность, за пристрастіе къ обоюдострымъ шаблонамъ.

IV.

Еще одинъ марковецъ. Этотъ изъ рѣдкихъ. Не мститель, а священнослужитель. Кавалеръ Левъ Большаковъ, кавалеръ четырехъ Георгіевъ, убитъ осенью 1919 года, когда, казалось, что радость будетъ и надежда не погибнетъ.

Пишу о немъ, потому что во всемъ бѣломъ движеніи только и было, кажется, ученыхъ, изъ рядовъ элиты, что эти два: Большаковъ и проф. Даватцъ. Даватцъ относится къ другому періоду, въ Даватцѣ надрывъ и на лицѣ стальная рѣшетка, Даватцъ — рыцарь бѣдный, хотя не молчаливый и не простой.

Въ Большаковѣ энтузіазмъ, дыханіе бога войны.

Знаменитѣйшій демагогъ, витія всѣхъ студенческихъ митинговъ 1905-1914, убѣжденный эсъ-эръ, прошедшій чрезъ тюрьму, ссылку и кратковременную эмиграцію. Большаковъ всей своей личностью, всѣмъ поступательнымъ движеніемъ своего порыва обѣщаль, въ будущемъ вождя революціи. Это былъ своеобразный Крыленко Московскаго Университета, только болѣе талантливый, болѣе блестящій, съ крупными задатками литературнаго паѳоса. На дебаты въ студенческой столовой, на сверженіе марксистскаго правленія кухни, на выработку резолюціи протеста онъ тратилъ силы, которыя въ другое время, подъ другимъ солнцемъ дали бы европейскаго парламентарія, профессиональнаго свергателя министерствъ...

Ренэ Вивіани и Аристидъ Брианъ въ годы своей юности изучали право, подго-

товляли питательные запасы для карьеры, ну, а въ Москвѣ приходилось организовывать забастовки по поводу готовщины смерти Толстого... и потомъ маршировать по этапу. Самъ Аллахъ не смогъ бы объяснить, почему въ день смерти Толстого, любившаго трудъ, умѣвшаго работать, студенты не должны слушать лекцій. Впрочемъ, будущій марковецъ не смущался и объяснялъ...

И быть бы ему во второй революціонной волнѣ и засѣдать бы ему въ цикѣ отъ лѣвыхъ эсеровъ или комиссарствовать на одномъ изъ бѣлыхъ фронтовъ. Но тутъ случилось то, что выпрямило столько пыльных, но заблудшихъ душъ въ западной Европѣ. Большаковъ попалъ на войну и здѣсь предъ лицомъ проволочныхъ загражденій не захотѣлъ не быть первымъ. Заработалъ четыре Георгія, влюбился въ свой Копорскій полкъ, въ свою землянку на Двинскомъ фронтѣ, въ свой штандартъ, въ свою военную славу. Застань его революція въ Москвѣ, гдѣ былъ университетъ, Политехнической музей, Моховой манежъ—онъ бы ее иначе принялъ... На передовыхъ позиціяхъ въ гулѣ трехъ лѣтъ замолкли привычные голоса и Большаковъ не пошелъ по пути гдѣ его ждали новые лавры.

Темпераментъ, жаждавшій исхода, про-
рвался къ боковому руслу: ударный ба-
тальонъ, конспиративная организація въ
Москвѣ, бѣгство на Кубань, марковскій
полкъ, и лѣтній походъ на Москву.

Большаковъ, быстро прозванный льви-
нымъ сердцемъ, бралъ Изюмъ, Харьковъ,
Бѣлгородъ. Подъ Бѣлгородомъ бой былъ
столь изумителенъ, что въ капитанѣ треть-
ей роты марковского полка заговорилъ мо-
сковскій литераторъ и на колченогомъ по-
ходномъ столѣ онъ написалъ свою первую
и предпоследнюю статью, описывавшую
взятіе Бѣлгорода, подписанную «Форвардъ».
Последнее пятилѣтіе русской прозы про-
шло мимо Большакова: онъ писалъ торже-
ственно - манернымъ языкомъ, излюблен-
нымъ въ средѣ почитателей Андреева вре-
мень «Человѣка»...

28 іюня помѣстили мы въ ростовской га-
зетѣ «Жизнь» статью: «Форварда», помѣ-
мѣстили и порадовались, наконецъ - то
воскресъ человѣкъ; какъ удивительно
что онъ съ нами, а не съ ними... Вѣдь та-
кой способный.

Еще четыре мѣсяца Большаковъ шель
со своей третьей ротой на Курскъ,
Орель, Тулу.

26 октября мы получили его вторую
последнюю статью: «Тѣ, кто умираютъ кра-

во». Все въ тѣхъ же приподнятыхъ словахъ Форвардъ слагалъ панегирикъ марковцамъ и описывалъ смерть своихъ однополчанъ. Предназначили помѣщеніе статьи на 29 октября, а 28 утромъ пришла сводка: «... Въ тяжелыхъ бояхъ, выдержанныхъ марковцами подъ Корочею, убитъ одинъ изъ доблестныхъ офицеровъ, капитанъ третьей роты Большаковъ»...

Подъ общимъ заголовкомъ: «Тѣ, кто умираютъ красиво» такъ и помѣстили 29-го и некрологъ и статью. Некрологъ являлся, собственно говоря, излишнимъ: предсмертная статья его, овѣянная предчувствіемъ близкой развязки, послужила самымъ лучшимъ некрологомъ.

«Смерть не страшна. Смерть не безобразна. Она прекрасная дама, которой посвящено служеніе, которой долженъ быть достоинъ рыцарь. И марковцы достойны своей Дамы. Они умираютъ красиво... Будетъ время, подъ благовѣсть кремлевскихъ колоколовъ предъ добровольческими знаменами — корниловскимъ, марковскимъ, дроздовскимъ, преклонять свои вѣнчанныя головы двуглавые орлы старинныхъ знаменъ»... Такъ въ свою послѣднюю ночь писалъ московскій студентъ Большаковъ. Предсказанія его не исполнились. Не было кремлевскаго звона, никакіе орлы не скло-

няли своихъ головъ. На Братскомъ кладбищѣ въ Ростовѣ лежитъ челоѣкъ, мечтавшій о красивой смерти, добившійся желанной жертвы.

О своей самоотверженной кузинѣ, Сонѣ, Наташа Ростова говорила: «Знаешь Николенька, Соня это тотъ пустоцвѣтъ, о которомъ, сказано въ Евангельи. Господь не принимаетъ его жертвы и онъ не даетъ плодовъ»...

Во имя какой надежды погибъ Левъ Большаковъ?

... Челоѣка челоѣкъ

Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ

И тотъ послушно въ путь потекъ

И къ утру возвратился съ ядомъ...

Принесъ — и ослабѣлъ и легъ

Подъ сводомъ шалаша на лыки

И умеръ бѣдный рабъ у ногъ

Непобѣдимаго владыки!

V.

Послѣ кровопролитнѣйшей франко-испанской битвы въ 1811 году, на полѣ сраженія, среди труповъ и конской падали, былъ найденъ изорванный томикъ Монтэня. Окровавленная шелковая закладка открывала страницу со слѣдующими строками: „... Всякое существующее правительство лучше грядущ-

щаго уже тѣмъ, что оно существуетъ. Добиваться счастья перемѣной правительства— не значить ли болѣзнь лечить смертью...“

... «Математическую литературу поручикъ Р. знаетъ хорошо, къ сожалѣнію поверхностно. Онъ ведетъ даже списокъ сочиненій, въ своемъ родѣ *index librorum prohibitorum*,—которыя считаетъ бесполезными: не признаетъ математической физики и теоріи Sophusa Lie. Противъ всего этого можно горячо спорить, что я и дѣлаю въ часы досуга. Общее у насъ то, что оба мы религіозны. Онъ съ восторгомъ вспоминаетъ, какъ старушки монашенки объясняли ему ребенку сущность Софіи-премудрости Божіей»...

Помѣчено — «2 января 1920 года, ст. Куцевка Кубанской Области, артиллерійская база»...

Черезъ одну страницу другія слова: «У Батайска на Дону открылся видъ на Ростовъ. Вотъ знакомыя очертанія... Тамъ—они, тамъ — совдепъ. И съ холодной твердостью хотѣлось пустить туда тяжелый снарядъ: Ростовъ *пересталъ* быть городомъ, населеннымъ людьми»...

Сбѣ цитаты изъ книги, озаглавленной: «На Москву!» Авторъ — профессоръ В. Даватцъ, младшій фейерверкеръ бронепоезда «Грозный», поступившій добровольцемъ въ

армію Деникина, на Рождествѣ 1919 года, когда уже опредѣлился окончательный разгромъ бѣлаго дѣла.

Послѣ столькихъ орлихъ и кондотьерскихъ ликовъ на исходѣ Деникинской эпопеи мелькнуло измученное лицо новѣйшаго бѣднаго рыцаря...

Положъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровью
начерталъ онъ на щитѣ...

Послѣ столькихъ диктаторовъ, перелетовъ, комбинаторовъ появился мечтатель. Не тотъ дѣйственный, испепеленный, монолитный, какими были Корниловъ и его плеяда. Не казакъ, не мальчикъ изъ кадетскаго корпуса, не офицеръ-мститель... Даватцъ вышелъ изъ нѣдръ поколѣнія, мечтавшаго объ активизмѣ, не нашедшаго утоленія и въ міровой войнѣ..., спокойнаго въ дни побѣдъ, трепещущаго въ ночь поражений.

Въ маленькой кабинкѣ орудія бронепоезда ярко горитъ печка. На скамьяхъ, на табуреткахъ дремлютъ офицеры. Профессоръ въ англійской шинели сидитъ и вспоминаетъ:... «Я всегда любилъ сидѣть предъ каминомъ и мечтать и мечталъ я больше всего о томъ, какъ сдѣлать мою жизнь достойной и красивой. И тогда еще юношѣ мнѣ казалось, что жизнь моя должна быть

подвигомъ. Во имя чего — я не зналъ этого... Я зналъ только, что я послѣдній отпрыскъ древняго баронскаго дома. За мою, въ глубь вѣковъ уходили мои предки — намѣстники, верховные судьи, ученые, поглощенные изученіемъ древнихъ книгъ, воснныя, духовныя, изоощренныя въ тонкостяхъ іезуитской діалектики и всѣ они — далекіе и близкіе — требуютъ отъ меня чего-то, чтобы я былъ достоинъ ихъ, чтобы я опять вернулъ ихъ роду прежній блескъ и прежнюю силу. Дѣдъ и отецъ порвали съ Западомъ и затерялись въ снѣгахъ холодной Россіи; внуку надлежитъ здѣсь вернуть обаяніе отдаленныхъ вѣковъ!.. Дрова въ печкѣ весело трещать, освѣщая темныя амбразуры для пулеметовъ и желѣзныя тяжелыя двери нашей бронированной камеры».

Еще мѣсяць назадъ, до паденія Харькова, Даватцъ не предполагалъ, что свой подвигъ онъ осуществитъ въ качествѣ младшаго фейерверкера бронепоезда «Грозный». Онъ сидѣлъ членомъ управы въ Харьковѣ, занимался уѣздной добровольческой политикой, витійствовалъ на кадетскихъ конференціяхъ, гдѣ за отсутствіемъ партійныхъ родителей, уѣхавшихъ въ Парижъ, партійные дѣти лепетали, что-то невразумительное. Глубоко штатскій человѣкъ,

привыкшій къ уюту и нѣгѣ европейскаго комфорта, Даватцъ въ панику эвакуаціи перетрусилъ больше, чѣмъ требовала необходимость, и уѣхалъ на два дня раньше своей управы...

Лежа на столѣ какого-то вокзала, онъ «мучительно думалъ о томъ, что на (его) общественной репутаціи легло тяжелое несмываемое пятно», такъ какъ еще наканунѣ бѣгства въ одиночку онъ написалъ въ харьковской газетѣ свою послѣднюю «нашумѣвшую» статью, оканчивавшуюся словами:... «Если, чтобы истинно полюбить, надо оставить отца и мать свою, то теперь наступаетъ этотъ часъ, больше, чѣмъ когда либо. И можетъ быть именно теперь, когда врагъ торжествуетъ, нужно не уходить въ свою скорлупу, но громко и смѣло закричать: «Да здравствуетъ Добровольческая Армія»!..

Началось газетнымъ подвигомъ, прошло чрезъ стыдъ, нестерпимый для «послѣдняго отпрыска древняго баронскаго дома», окончилось неожиданно для всѣхъ, а болѣе всего для самаго Даватца, поступленіемъ на бронепоездъ...

И снова небеса не хотятъ принимать надрывной жертвы пустоцвѣта. Онъ храбръ, какъ только могутъ быть до безумія храбры никогда не бывшіе на войнѣ люди, онъ хо-

четь сжиться со своими новыми товарищами, отказаться отъ всѣхъ своихъ качествъ культуры и воспитанія, „остаться незамѣтнымъ винтикомъ“, но... уже на второй день становится ясно: «цѣлая пропасть между мной, который прошелъ огонь и воду тончайшихъ построеній ума, изысканнѣйшихъ проявленій человеческого духа, и ими, прошедшими огонь и воду ужасовъ и грубостей войны. Цѣлая пропасть между мной, который пошелъ сюда, какъ на высшее служеніе, который освѣтилъ все духомъ средневѣкового аскетизма, и, пожалуй романтики, и ими, которые пошли на это такъ, просто»...

Своимъ грубымъ, почти звѣринымъ чутьемъ сотоварищи Даватца понимаютъ, что пора выходить изъ игры, что главные понтеры проигрались въ пухъ и прахъ и радости больше не будетъ. Одинъ выправляетъ заграничный паспортъ, другой «ловчится» въ Крымъ, третій хочетъ просто улизнуть... Лишь Даватцъ въ истерическомъ ослѣпленіи, все въ той-же жадѣ не приходящаго подвига молитвенно грезить: «На Москву, на Москву»... Армія катится въ море, армія перестала быть арміей, жалкія попытки вторичнаго взятія Ростова, борьба безъ плана, безъ умѣнія, безъ надеждъ...

Ему снятся сладкіе сны. Будто «сегодня утромъ въ нашу теплушку вошелъ капитанъ Д. и сказалъ: — Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и новымъ подвигомъ», будто удастся ему «довести воспоминанія до дня занятія Москвы, когда можно будетъ снять военный мундиръ и вернуться къ обычнымъ занятіямъ», будто «на скрещеніи нитей моей панорамы виднѣются златоглавыя купола Москвскаго Кремля».

А тѣмъ временемъ, пока онъ спитъ, исполняются самыя послѣдніе сроки. И продолжая бредить, продолжая мечтать о раствореніи тяжести своей тоски въ нирванѣ военнаго обезличенья, Даватцъ замѣчаетъ какія-то роковыя точки на горизонтѣ своихъ видѣній...

Его начальникъ, капитанъ Д., не знающій ни математической физики, ни Sophus'a Lie, но отдавшій войнѣ здоровье, молодость, силы, пытается его разбудить... «Я — говоритъ онъ профессору-солдату — начинаю зябнуть. Мои казаки и кадеты, какъ дѣти испытующе смотрятъ въ мои глаза и ищутъ въ нихъ прежняго спокойствія и огня, а я чувствую такой ледокъ въ груди, что не могу дать имъ той гипнотической силы, которая одна способна увлечь и бросить на смерть безъ разсужденій... Я грубый воинъ,

вы — аристократъ духа, но я знаю, что это первые аккорды финала моей пьесы»...

Даватцъ не хочетъ просыпаться, онъ пытается отогнать отъ себя голосъ съ другого берега. Беретъ подъ руку капитана Д. и идетъ съ нимъ гулять, чтобы ночью, въ пѣннѣ вьюжнаго поля, обступившаго одинокой бронепоездъ «Грозный» найти сверхчеловѣческія слова... Но такихъ словъ нѣтъ нигдѣ въ мірѣ, тѣмъ болѣе ихъ нѣтъ въ Куцевской степи..., «мы вышли въ унылую станицу, какую-то безлюдную, почти злобую. Мнѣ хотѣлось теплой комнаты, гдѣ бы мы вдвоемъ могли нащупать дружескую душу, гдѣ былъ бы рояль, который запѣлъ бы подъ ударами нервной руки; гдѣ можно было бы идти не только съ нимъ рядомъ, какъ двумъ случайнымъ спутникамъ, но взять его нѣжно за руку, погладить его голову, поцѣловать его, какъ цѣлуютъ ребенка»...

Даватцъ не договариваетъ: бѣдному пустоцвѣту хотѣлось въ этотъ моментъ быть далеко-далеко отъ Куцевки, отъ бронепоезда, отъ необходимости пить раскрытое вино... И въ его душу закрадываются мысли о прежней жизни. Каждая мелочь болѣзненно напоминаетъ, что нѣтъ внутренней правды въ профессорѣ-фейерверкерѣ. Капитанъ З. поручаетъ ему напи-

сать «докладъ въ сферы» и, хотя онъ не можетъ сразу уловить, какой тонъ нужно взять, онъ понимаетъ, что «докладъ это болѣе мнѣ свойственно, чѣмъ что-либс другое». Въ другой разъ, когда его задерживаютъ въ базѣ и не отпускаютъ для съемки панорамы съ наблюдательнаго пункта, онъ съ горечью думаетъ... «конечно мнѣ, какъ математику и отчасти чертежнику, эта работа была бы болѣе подходящая, чѣмъ приборникомъ подталкивать снарядъ»..

Во время обсуждения деталей доклада среди офицеровъ бронепоезда возникаетъ мысль «связаться съ торгово-промышленными и общественными дѣятелями единственнаго крупнаго тыла, Новороссійска.

«Для этой цѣли можно было бы командировать Владимира Христіановича» — говоритъ одинъ изъ офицеровъ, смотря на профессора Даватца... «Меня охватило какое-то необычайно пріятное чувство. Поѣхать въ Новороссійскъ съ официальной миссіей, увидѣть опять нашихъ общественныхъ дѣятелей, завертѣться въ сферахъ Государственнаго Объединенія, Національнаго центра и Союза Возрожденія, показалось вдругъ чрезвычайно заманчивымъ»... Душа мирнаго человѣка уже проснулась, но стальная рѣшетка, одѣтая на лицо бѣд-

наго рыцаря, душить всѣ ея проявленія... «Я вдругъ почувствовалъ, что ко мнѣ незамѣтно и тихо подкралось искушеніе. Мнѣ казалось, что я сжегъ свои карабли, что го крайней мѣрѣ до занятія Москвы я останусь только солдатомъ, что мое прошлое подверглось забвенію. И вотъ постепенно, совсѣмъ незамѣтно, вынырнуло это прошлое — Сперва кое-кто изъ офицеровъ сталъ называть меня профессоромъ, потомъ у меня въ рукахъ появился портфель, съ которымъ я сталъ путешествовать съ проектами докладовъ. Потомъ я очутился за ужиномъ въ офицерской столовой и началъ называть командующаго поѣздомъ Владимиромъ Николаевичемъ. И наконецъ вынырнулъ вопросъ съ командировкой въ Новороссійскъ. Все это создаетъ душевную смуту. И хуже всего то, что у меня не хватаетъ силъ бороться съ искушеніемъ»...

Ему казалось, когда онъ предпринималъ свой подвигъ, что онъ сможетъ скинуть съ себя оболочку городского европейскаго человѣка, заразиться той завидной незамысловатостью, съ какой первые корниловцы во весь ростъ шли на огонь пулеметовъ. Напрасно: человѣкъ, однажды отвѣдавшій чары опиума, не можетъ жить безъ спасительной трубки. Человѣкъ влюбленный въ одну женщину, ищетъ отсвѣта

ея лица на всѣхъ другихъ, съ кѣмъ онъ пытается найти забвеніе.

Надежда погибла, вторичное занятіе Ростова, отъ котораго на мгновеніе еще разъ вспыхиваетъ горсть пепла, смѣняется рѣшительнымъ разваломъ. Сомнѣній больше нѣтъ. Нужны какія-то особенныя снотворныя, чтобы сонъ продолжался чтобы въ непроглядной ночи Кубанской степи, не забрезжилъ сѣрый безотрадный денекъ пробужденія, пониманія.

«Раскаиваюсь ли я, что пошелъ сюда? Раскаиваюсь ли я въ томъ, что мое юродство привело меня на край гибели? Я думаю, что нѣтъ. Исторія меня оправдаетъ. И не важно, что она не сохранитъ имени моего. Подобно Платону я вѣрю въ вѣчность идей; я вѣрю въ правоту нашего дѣла, а слѣдовательно въ его торжество»... Но, увы! Онъ слишкомъ хорошо знаетъ исторію, чтобы не вспомнить судьбы всѣхъ дѣятелей контръ-революціи: самые чистые занимали мѣсто дальше послѣднихъ грѣшниковъ революціи. Нельзя играть съ именемъ Платона тамъ, гдѣ событія должны стереть съ лица земли Куцевскую идеологию... Даватцъ слишкомъ зрячій, чтобъ не видѣть происходящаго вокругъ него, сущность движенія, раскрывшуюся въ эвакуаціи...

Отъ опьяненія паэосомъ исторіи онъ уходитъ къ поискамъ восторга самоотреченія ради самоотреченія, ради нервнаго сгоранія. «Мы шли уже не одушевляемы той вѣрой и тѣмъ энтузіазмомъ, который былъ когда-то при взятіи Ростова. Мы гибли, какъ рыцари, исполняющіе свой долгъ. Во имя этого долга безропотно и безстрашно приносили мы свою жертву»... Послѣдніе изъ оставшихся съ нимъ товарищей спѣшатъ спастись. Въ Новороссійскѣ ни мораль ни самоотреченіе не могутъ звучать тѣми высочайшими нотами, которыя однѣ въ состояніи защититъ спящаго отъ пробужденія. «У насъ въ теплушкѣ бронепоезда полный развалъ. Петя, Сережа, Коля перечислились въ автоброневой дивизионъ и уѣхали въ Крымъ. Другой Сережа, какъ инвалидъ, отправленъ за-границу. Гога, совсѣмъ здоровый молодой человѣкъ, получилъ, благодаря связямъ, свидѣтельство о болѣзни и ѣдетъ за-границу, какъ больной... Подъ голубымъ небомъ Италіи онъ легко забудетъ тѣхъ, кто быть можетъ скоро погибнетъ въ далекомъ Новороссійскѣ... Едва ли намъ удастся въ послѣднюю минуту попасть на пароходъ. Я это чувствую. Мы приносимся быть можетъ въ жертву. Но я гордъ тѣмъ, что меня отнесли къ числу обреченныхъ и вѣрныхъ до кон-

ца»... Вѣрный до конца — *fidèle jusqu'à la mort* — здѣсь есть музыка рыцарскаго эпоса, и, глотая слезы безысходной тоски, думая о себѣ въ третьемъ лицѣ, послѣдній отпрыскъ древняго баронскаго рода отправляется съ опустѣвшимъ бронепоездомъ на позиціи, чтобы прикрывать эвакуацію сошедшаго съ ума Новороссійска.

Смотря на метанія Даватца, поручикъ Р., тотъ самый, которому въ дѣтствѣ старухи богомолки повѣдали о Софіи, премудрости Божіей, воспоминаетъ ересь Донатствующихъ, гордецовъ, не пожелавшихъ пойти на примиреніе съ раскаявшимися христианами.

«Вы не протестантъ — сказалъ поручикъ Р. — Вамъ нужно перейти, но не въ православіе, а въ католичество. Вы католикъ по духу, у васъ въ прошломъ есть корни въ католичество»... Т. е. иными словами:

А .М. Д. своею кровью

Начерталь онъ на щитѣ...

...Всѣ пароходы ушли на рейдъ, большевики уже входятъ въ городъ, завладѣли вокзаломъ и спускаются къ пристани. Спасенья нѣтъ. Даватцъ ощупываетъ свой кольтъ и рѣшаетъ застрѣлиться. Человѣкъ просыпается... Но въ эту рѣшительную минуту опиумъ еще разъ опьяняетъ сознание: «Литургія Вѣрныхъ» — раздается послѣд-

ній аккордъ музыки его властительныхъ сферъ... Даватць оставляетъ Кольтъ и, стиснувъ зубы, принимается водворять порядокъ среди толпы плачущихъ бѣженцевъ... Черезъ нѣсколько минутъ къ пристани возвращается французскій миноносецъ и подъ учащеннымъ обстрѣломъ красныхъ развѣздовъ, забираетъ и бѣженцевъ и Даватца.

... «Вся палуба на Waldek Rousseau была уже занята нашими офицерами и солдатами. Я подошелъ къ периламъ палубы и посмотрѣлъ въ послѣдній разъ на живописныя горы Новороссійска. Въ городѣ была слышна пулеметная и артиллерійская стрѣльба. Море было зеркально покойно. Солнце улыбалось сквозь тонкую пелену облачковъ... Кубанскій періодъ нашего похода кончился. И въ послѣдній моментъ мнѣ дано было счастье приобщиться къ литургіи вѣрныхъ. Сплотимся же тѣснѣе во имя нашей идеи! Найдемъ въ себѣ силы поднять во имя ея всю тяжесть жизни»...

«Тяжесть жизни», «во имя нашей идеи»... Это уже много слабѣе «литургіи вѣрныхъ», «вѣрныхъ до конца», воинствующаго католицизма. Это уже не лучъ сомнабулы, не ясность божественнаго опіума, а тусклый свѣтъ логики. Логика не помогаетъ тѣмъ,

чье сердце отдало все свои силы на борьбу с сознаниемъ. Даватцу еще суждено пройти черезъ многіе этапы: Крымъ, вторая эвакуація, Галлиполи. Но исторія гибнувшей надежды окончилась... Началась другая, вѣчно старая, вѣчно безрадостная... Исторія конца бѣднаго рыцаря...

Возвратясь въ свой замокъ дальній,
Жилъ онъ строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

Замокъ дальній профессора-фейерверкера всюду, гдѣ мракъ достаточенъ для остроты самоотреченія, гдѣ самое многообразіе физическаго и душевнаго страданія способно стать источникомъ истерическихъ мечтаній о кремлевскомъ перезвонѣ... Въ туманахъ скалистаго Галлиполи возможно существованіе обмановъ, умирающихъ въ солнечной культурѣ, въ критическомъ сознаніи геометрическихъ городовъ Латинскаго Запада...

VI.

Мертворожденный ребенокъ прожилъ цѣлыхъ три года; чахоточная надежда смогла дышать и вызвать образованіе длиннаго ряда фронтовъ, печальной чреды проектовъ... Безъ обоихъ легкихъ, безъ кислорода. Такъ на ура, на милость Николая Чудотворца.

Еще никогда, за всю историю революцій, въ одной и той же организаціи не сходились люди столь противоположные, программы столь взаимно уничтожающія, способы столь полярные. Понадобилась изумительная способность большевиковъ пробуждать къ себѣ ненависть во всемъ живомъ, чтобы въ Добровольческой арміи сошлись вѣшатель Кутеповъ и профессоръ Даватцъ, мститель Блейшъ и энтузіастъ Большаковъ, простѣйшій Деникинъ и подлѣйшій Соколовъ... Конечно, кромѣ того необходимо было отсутствіе какой бы то ни было практической программы. Только на пустомъ террэнѣ, только въ атмосферѣ взаимнаго непоминанія, идеологомъ движенія, вышедшаго изъ истоковъ революціи, опиравшагося на мобилизацію классовъ, раскрѣпощенныхъ въ мартѣ 1917 — могъ оказаться Борисъ Суворинъ, «день за днемъ» (такъ именовались его статьи) рубившій свою гвардейскую махновщину, возводившій въ мечту прогнившій бытъ, въ норму намыленную веревку. Можно было сколько угодно, съ какимъ угодно краснорѣчіемъ доказывать необходимость противопоставленія террора террору, диктатуры диктатурѣ... — идеологическая пустота не лишалась ея губительныхъ послѣдствій, а соединеніе полюсовъ роковымъ образомъ

оказывалось механическимъ, въ продолжительности равнымъ іюльскому метеору. Движеніе, провозгласившее мартъ шаблономъ и, не выдвигая ничего взамѣнъ, всячески отъ марта отшатывавшееся, неумоимо играло на пользу октябрю. Октябрь становился оригинальностью, люди, шедшіе противъ Бориса Суворина, получали возможность спекулировать словомъ «революція»... Бѣлая мечта превращалась въ окровавленныхъ глазахъ Россіи и во внимательныхъ глазахъ Европы въ мечту, о «бѣлыхъ лиліяхъ монархіи»... Революціи берутъ поступательностью своего движенія Деникинъ, заявившій, «что онъ не пойдетъ ни съ революціей ни, съ реакціей», вызвалъ призракъ Вандеи. Памятникъ полковнику Каменеву на Красной площади становился меньшей невѣроятностью, ибо, дѣйствуя противъ „шантажа на революціи“, никогда не нужно забывать Версальскаго памятника подавителю Вандеи — Гошу.

Капиталисты, грюндеры, зажиточные интеллигенты хотѣли возстановить свою собственность и возвратить право свободной работы: они ненавидѣли гвардейскую махновщину: крайности бѣлая и красная слишкомъ подходили другъ къ другу.

Офицерство, воспитанное на проповѣди Суворинскихъ вечеровъ, не хотѣло ничего

знать о буржуазной революціи (каковой въ идеалѣ могло стать движеніе) и про-износило слово „буржуй“ съ тѣмъ же от-тѣнкомъ, съ какимъ оно звучало въ устахъ матроса и буденновца.

Крестьяне и рабочіе не хотѣли воевать, не сочувствовали обѣимъ сторонамъ: ихъ можно было заставить воевать лишь пу-леметами, отданными въ распоряженіе спа-яннаго ядра. У большевиковъ ядро оказа-лось, у добровольцевъ его не оказалось; Даватцъ при всемъ восторженномъ козы-ряньи Кутепову никогда не сроднить свою профессорскую душу съ душой гвардей-ской. Буденный легче пойметъ Брусилова, Балтійскій лучше восчувствуетъ Троцкаго. Великая, единая, недѣлимая Россія Дават-ца также похожа на великую, единую, не-дѣлимую Россію Соколова, какъ Швеція похожа на Занзибаръ....

Искусственное соединеніе полярностей длится съ хронометрической точностью до того момента, пока воспоминанія о боль-шевистскихъ звѣрствахъ пересиливаютъ отвращеніе къ гвардейской махновщинѣ. До этого момента — цвѣты, послѣ вы-стрѣлы въ спины. На добровольческомъ пути къ великой единой, недѣлимой на-дежда должна погибнуть во всѣхъ этапахъ,

даже при самых благопріятныхъ обстоятельствахъ:

1) Парижскій капиталистъ рано или поздно разгадаетъ антибуржуазный характеръ движенія; если когда-то онъ позволялъ себѣ роскошь игры à rebours съ красными (Савва Морозовъ и „Искра“), то съ бѣлыми онъ ее не повторитъ. Быть съ контръ-революціей — не шикарно. Если и не полезно, тогда... капиталистъ начинаетъ понимать, что въ словѣ «республика» кромѣ звуковъ мѣдныхъ инструментовъ есть и нѣчто существенное.

2) Константинопольскій огородникъ Слащевъ рано или поздно смутится соотвѣтствіемъ и лозунговъ и военныхъ плановъ у красныхъ и бѣлыхъ. Если же выбирать изъ двухъ дисциплинъ, изъ двухъ самоограниченій, изъ двухъ генераловъ, то онъ предпочитаетъ Брусилова и армію съ территоріей...

3) Рабочіе и крестьяне рано или поздно поймутъ, что на время надо устроить передышку и прекратить стрѣлять въ спину одной изъ двухъ сторонъ. Выборъ всегда не въ пользу генераловъ...

И когда наступаетъ это «рано или поздно» — составныя части бѣлаго конгломерата расплзаются по швамъ, безъ шума, безъ предупрежденій, безъ внѣш-

нихъ конфликтовъ, такъ что посторонній наблюдатель ничего не можетъ понять въ русской головоломкѣ: подходили къ Москвѣ и... отдали Новороссійскъ.

Кизиль сгниваетъ на деревѣ, бѣлая мечта подтачивается въ лучахъ наибольшаго процвѣтанія.

На всѣхъ пяти фронтахъ мечтаютъ о Наполеонѣ, одинъ полковникъ подавалъ даже докладную записку по начальству о выработкѣ такъ называемаго «составнаго Наполеона»... И никто не удосуживается узнать, что изъ всего принесеннаго революціей Наполеонъ со своими двумя батальонами раздавилъ лишь волну политическихъ измѣненій, вся же волна социальная осталась безъ отпора.

Безъ конца толкуютъ о пробужденіи монархическаго духа, о возможныхъ кандидатахъ изъ сохранившихся взволнованныхъ лоботрясовъ — и закрываютъ глаза на то, что самыя сильнѣйшія монархіи съѣдаются едва окрѣпшими республиками, что въ циклонъ летятъ короны, каски и удерживаются картузы, кепки, что революція побѣждаетъ контръ-революцію не добротой, не отсутствіемъ террора, не обиліемъ хлѣба, а силой магическаго обмана...

Октябрьская оригинальность сильна сродствомъ съ мартовскимъ шаблономъ.

Бѣлая мечта, южная надежда несутъ всю отвѣтственность за современные имъ красный терроръ и сѣверную безнадежность..

Грѣхи революціи переносятся на голову контръ-революціи. За „преступленія“ Ленина, Дзержинскаго, Троцкаго, отвѣчаютъ Деникинъ, Юденичъ, Врангель. Когда «черная злоба, святая злоба» возвратится въ берега, придетъ кто-то третій, хорошо запомнившій уроки, умѣющій бросать въ массу слова, умѣющій крѣпко держать вожжи...

...«Гдѣ-же честные люди? Гдѣ, Германъ Ивановичъ, умные, честные, способные люди, гдѣ мнѣ ихъ взять»? !... Они придутъ... Они будутъ, правда совсѣмъ не честные (республикѣ Третьей Россіи не нужна честность!), но на диво умные, на диво способные. Это будетъ цѣлый урожай еще невиданныхъ дѣятелей, снятый съ поля, удобреннаго гибелью бѣлой мечты. Изъ забытыхъ могилъ буйно растутъ молодые сочные побѣги: попробуйте воззвать къ ихъ совѣсти!...

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ.

*Земля, какъ и вода рождаетъ газы,
...И это были пузыри земли!*

(„Макбетъ“).

I.

Вы чините карандашъ. Въ этотъ моментъ онъ входитъ въ комнату. Вы подымаете голову, смотрите ему въ глаза и отхватываете мякоть своего большого пальца...

Метръ д'отель разбѣгается къ вашему столу, по дорогѣ спотыкается обо что-то, падаетъ и ломаетъ ногу. Онъ заказалъ шатобрианъ-о-помъ. Проходитъ десять минутъ, внизу подъ заломъ раздается оглушительный взрывъ. Въ чемъ дѣло? Въ тотъ моментъ, когда поваръ снялъ шатобрианъ съ плиты, газъ взорвался и тяжело ранилъ повара и обоихъ его помощниковъ.

Вы идете съ нимъ по улицѣ. Навстрѣчу Вамъ мчится какой-то человѣкъ безъ шапки, вслѣдъ бѣгутъ полисмены и кричать „стой“! Человѣкъ не останавливается, полисмены стрѣляютъ и вы чувствуете острую боль въ плечѣ.

Если онъ сдалъ вамъ квартиру, въ первую же ночь пожаръ истребляетъ всѣ вещи и вы спасаетесь въ одномъ бѣльѣ.

Онъ повезъ покатать на автомобилѣ
вашихъ дѣтей, автомобиль попадаетъ подъ
автобусъ, онъ далъ вамъ контръ-марки на
концертъ, при возвращеніи изъ театра васъ
ограбили. Почтальонъ, несущій его письма,
умираетъ отъ разрыва сердца. Пароходъ,
на борту котораго имѣется онъ, — выхо-
дитъ въ штиль, а къ вечеру страшнѣйшая
буря и караблекрушеніе.

Не останавливайтесь съ нимъ на троту-
арѣ: черепица раскроитъ вашу голову; не
зовите его въ гости — въ домѣ будетъ
смерть; не посвящайте его ни въ одну изъ
вашихъ операций — самое вѣрное дѣло
сорвется и дастъ убытокъ, потому что цвѣ-
тущій садъ, гдѣ онъ поспалъ въ гамакѣ,
за одну ночь уничтожается градомъ, и го-
родъ, гдѣ онъ вѣнчался, посѣщаетъ чума.

Онъ — «джеттаторэ»; онъ — тотъ чело-
вѣкъ, котораго въ Италіи не пускаютъ ни
въ рестораны, ни въ гостиницы, ни въ
театры. Не надо твоихъ денегъ, не надо
твоихъ подарковъ. Только уходи по-
дальше... Если итальянецъ сидитъ за кар-
точнымъ столомъ и къ нему приближается
незнакомый человѣкъ онъ немедленно
подымаетъ подъ столомъ два пальца —
сакраментальный жестъ противъ джет-
таторэ.. .

Русскій писатель, не вѣрившій ни въ сонъ, ни въ чохъ — рѣшился однажды снять домъ, принадлежавшій джеттаторэ. Задрожала вся Италія, къ писателю ходили депутаты отъ его друзей и умаляли покинуть гибельный домъ. Онъ смѣялся: у него было во всемъ и всегда счастье Поликрата. Прошло немного лѣтъ — и на голову писателя упали такія бѣды, которыхъ не зналъ самъ Іовъ. Голодъ, нищета, смерть ворвались въ его жизнь...

Когда итальянцы узнали о его горѣ, они закатили глаза до бѣлковъ, подняли два пальца и трагическимъ шопотомъ сказали одно слово.

Джеттаторэ!...

II.

У джеттаторэ тысячи тысячъ личинъ: онъ ихъ мѣняетъ съ быстротой трансформатора, онъ жонглируетъ контрастами, сбиваетъ съ толку неожиданностями. То въ бронѣ военнаго корабля, то въ сутанѣ деревенскаго кюрэ, то въ цилиндрѣ растакуэра, то въ очкахъ ученаго, то въ формѣ — заражающей отвлеченной идеи — онъ водить васъ отъ воспоминанія къ забвенію. Вы трете лобъ, вы напрягаете веѣ силы: что-то знакомое, какой-то отличительный штрихъ, это уже было, но гдѣ? когда?

Лишь, сломавъ вамъ въ конецъ голову, джеттаторэ возвращается въ одномъ изъ уже бывшихъ образовъ и больше сомнѣній нѣтъ. Вы отлично вспоминаете на какой именно остановкѣ жизни вы повстрѣчались съ нимъ. Вы остро чувствуете: несчастье послало свою тѣнь, надо бѣжать...

Зэ послѣдніе годы столько личинъ джеттаторэ смѣялось прямо въ лицо что теперь, когда я хочу ихъ всѣхъ припомнить, расположить въ какомъ-либо порядкѣ, я чувствую свое полное безсиліе. Классификація невозможна. Однѣ личины встрѣчались только мнѣ, другія усмѣхались моимъ друзьямъ, однѣ любили интимную обстановку, ночныя встрѣчи у гаснущаго фонаря, столкновенія въ темныхъ вестебюляхъ провинціальныхъ вокзаловъ, другія предпочитали блескъ официальной помпы, звонъ колоколовъ, площадь, усѣянную радостной толпой или пристань, выдерживающую натискъ панической эвакуаціи...

...На второй или третій вечеръ своего возвращенія изъ Вѣны въ германскій Кіевъ, всласть наѣвшись, напившись, выспавшись, я отправился въ «жокей-клубъ», куда съ перваго же часа меня влекла жажда вострепенушагося игрока...

Зеленое сукно—цвѣтъ малахитовъ тины,
Весь въ пеплѣ тузь червей на сломан-
номъ мѣлкѣ,
Подумай, жертву наканунѣ гильотины
Туманятъ картами и въ каменномъ
мѣшкѣ!

Усатые нѣмецкіе майоры при первой же вѣсти о берлинскомъ переворотѣ растегнули свои ужасные воротники и бросились на водку и карты. Въ громадной накуренной комнатѣ наряду съ зародышами будущей русской эмиграціи имѣлось не менѣе двадцати-тридцати майоровъ. Крупье — наглые, сверкающіе, быстрые, въ свою очередь использовали переворотъ и перестали стѣсняться съ завоевателями.

«Въ банкѣ тридцать пять тысячъ» — заоралъ крупье, безконечно похожій на портретъ Доріана Грея послѣ убійства Бэзиля Холлуорда.

«Ванко»! прохрипѣлъ багровый майоръ съ прилипшими рѣдкими волосами, со множествомъ платиновыхъ пломбъ. Портретъ Доріана Грея, не поворачиваясь въ его сторону рѣзко сказалъ — „Eclairage s. v. p»! Это означало, что майору предлагается до полученія карты показать, имѣется ли у него тридцать пять тысячъ. Еще недѣлю назадъ вмѣсто «эклэража» крупье получилъ бы подсвѣчникомъ по

головѣ, но теперь послѣ армистиса духъ
обычнаго права измѣнился... Всѣ двѣна-
дцать «табло» уставились въ упоръ на май-
ора, мазильщики придвинулись ближе къ
столу. Майоръ судорожно выхватилъ бумаж-
никъ, помедлилъ секунду, не раскрывая,
переложилъ его въ другой карманъ и неу-
клюже развалисто отошелъ отъ стола...

Двѣнадцать табло равнодушно опустили
головы, мазильщики захихикали, портретъ
Доріана Грея снова заоралъ — «Il y a tou-
jours trente cinq milles a banko. Qui va ban-
ko»? Лопатка съ двумя картами обошла
двѣнадцать табло, но никто не сдѣлалъ
сакраментальнаго жеста; тогда лопатка
стала балансировать въ воздухѣ, гипноти-
зируя людей, столпившихся у стола, оболь-
щая надеждой, парализуя волю, сокрушая
логику.

Что-то сухое, внезапное, нетерпимое
царапнуло мнѣ горло, захватило дыханіе.
Черезъ кучу чернѣющихъ головъ я бро-
силъ на столъ пачку запечатанныхъ карбо-
ванцевъ и, не узнавая собственнаго голоса,
крикнулъ «Banko». Лопатка протянулась ко
мнѣ, дрожащей рукой я схватилъ обѣ
карты, но, прежде чѣмъ ихъ открыть,
почему-то взглянулъ въ сторону банкомета.
Черезъ стулъ отъ крупье, слегка отодви-
нувшись отъ стола, закинувъ ногу на ногу

и блистая лакированнымъ сапогомъ съ шпорой, сидѣлъ совершенно лысый, плохо выбритый человѣкъ въ коричневомъ френчѣ изъ какой-то необычайно толстой верблюжьей матеріи. Мой взглядъ встрѣтилъ два влажныхъ черныхъ глаза, лѣниво улыбающихся по краямъ остраго тонкаго носа съ небольшою бородавкой на лѣвомъ крылѣ. Въ этомъ отвѣтномъ взглядѣ меня неприятно прорѣзало спокойное добродушіе; я порывисто раскрылъ карты — и не смогъ удержаться отъ радостнаго вздоха — «восемь»...

Двѣнадцать табло и толпа мазильщиковъ загудѣли, застучали стульями. Портретъ Доріана Грея съ изысканной учтивостью улыбнулся въ мою сторону, давая понять, что онъ и раньше былъ на моей сторонѣ — и съ грустнымъ лицомъ повернулся въ сторону банкмета. «Monsieur, annoncez votre point»..!

Банкометь опустилъ лакированный сапогъ, вмѣстѣ со стуломъ придвинулся къ столу и лѣниво опрокинулъ свои двѣ карты, надъ которыми двѣнадцать головъ сперва склонились, и отъ которыхъ потомъ откинулись съ воплемъ изумленія: тройка червей и шестерка бубень...

Портретъ Доріана Грея немедленно измѣнилъ расположеніе улыбокъ: „Huit a la

ponte, neuf a la banque, bon pour la banque“ — сочувственно кинулъ онъ въ мою сторону. «Voilà monsieur votre argent» — сіяюще поднесъ онъ лопатку съ деньгами лысому чело-вѣку...

Отъ жажды, отъ волненія, отъ жары меня буквально укачало. Машинально прошелъ въ буфетъ. Машинально выпилъ двѣ бутылки нарзана. Машинально вернулся къ столу и остатокъ ночи наблюдалъ, какъ смѣнялись игроки, какъ счастье бѣжало во-кругъ стола, какъ никто не могъ угадать минуты его прихода. И только лысый чело-вѣкъ оставался до конца невозмутимъ: проигрывалъ, выигрывалъ и опять проигры-валъ и опять выигрывалъ. Груды разо-рванныхъ карбованцевъ летѣли къ нему и отъ него, а онъ оставался такой-же спокой-ный, такой-же лѣнивый. Казалось, что его озабачиваетъ лишь недостающая пуговица на рукавѣ, часто онъ ощупывалъ болтаю-щуюся нитку и тогда сквозь сѣдоватую ще-тину проступалъ румянецъ досады.

Въ семь часовъ утра игра окончилась. На Крещатикѣ уже продавали «Кіевскую Мысль» и безчисленные паштетныя приго-товлялись къ трудовому дню. Было горько отъ осеняго солнца. Каждый проѣхавшій извозчикъ отдавался въ головѣ нестерпи-мой болѣю. Я повернулъ назадъ и двинул-

ся къ царскому саду. У самага входа въ садъ уже виднѣлись стивы уличныхъ фотографовъ и предъ однимъ изъ нихъ стоялъ высокій человекъ въ полувоенной фуражкѣ, въ лакированныхъ сапогахъ и коричневомъ френчѣ. Я съ ужасомъ посмотрѣлъ въ его сторону, онъ поднялъ голову, ласково улыбнулся черными влажными глазами и проводилъ меня взоромъ до самага конца аллеи. Дважды я оборачивался и дважды видѣлъ сѣдоватую щетину, просвѣченную осеннимъ солнцемъ. Фотографъ — мальчишка въ барашковой шапкѣ и солдатской шинели — все одергивалъ его и старался заставить смотрѣть въ мою сторону. И я понялъ, что джеттаторэ занесъ меня на листѣ своихъ жертвъ...

Въ результатѣ кievскаго проигрыша жизнь не пошла по желательному пути. Пришлось оставить мысль о возвращеніи за-границу. Возможность спасенія, — которую въ первый разъ со времени войны я ощутилъ въ Инсбрукѣ, увидѣвъ въ сумеркахъ силуэтъ Тирольскихъ Альпъ — снова ускользала. Снова предстояла роковая русская игра. Влажные черные глаза не оставляли меня со дня кievскаго проигрыша, въ теченіе двухъ лѣтъ.

Лакированные сапоги блеснули въ кромѣшной тьмѣ кievскаго вокзала, въ декабрѣ

1918: я не попалъ въ нѣмецкій поѣздъ, и ѣш-комъ ушелъ на югъ, вмѣсто Берлина очу-тился въ Одессѣ.

Коричневый френчъ торчалъ на Одес-ской набережной въ утро французской эва-куаціи: я опоздалъ на англійскій пароходъ и вмѣсто Константинополя попалъ въ Но-вороссійскъ.

Въ Ростовѣ я встрѣтилъ взглядъ своего джеттаторэ въ грязномъ спекулянтскомъ ка-фэ: въ этотъ день я заразился сыпнымъ ти-фомъ.

Въ Батумѣ я еще издали увидѣлъ корич-невую спину въ конторѣ итальянскаго паро-ходства и рѣшилъ ее перехитрить: я взялъ билетъ не на ближайшаго «итальянца», а на слѣдующаго «француза». Итальянецъ шелъ благополучно, а насъ ограбили въ первую же ночь...

Ровно годъ назадъ пароходъ «Св. Нико-лай», пройдя 2 ноября Коринфскій каналъ, попалъ въ Средиземное море, въ полосу неслыханнаго осенняго шторма. Старое, къ тому-же ненагруженное судно, преврати-лось въ послушную куклу валовъ. Пять дней насъ швыряло, рвало, ломало. Не осталось ни одной не разбитой лампы, пролились баки съ прѣсной водой и прибавилось но-вое бѣдствіе. «Борьба невозможна — ска-

залъ капитанъ — у насъ есть только одинъ шансъ — Николай чудотворецъ»...

Каютъ-компанія сдѣлалась складомъ поломанныхъ вещей и больныхъ женщинъ. Я рѣшилъ, рискуя быть смытымъ, пробраться наверхъ, на носъ. Громадная волна, хлестнувъ отъ борта къ борту, залила меня, швырнула, и я, самъ не помня какъ, очутился на спордэкѣ. Въ двухъ шагахъ отъ меня, схватившись за канатъ, стоялъ человекъ въ коричневомъ френчѣ. Вѣтеръ сорвалъ съ него фуражку — и весь онъ: его лысый черепъ, его сѣдовая щетина, его лакированные сапоги снова горѣли, какъ тогда въ Царскомъ саду — на этотъ разъ въ лучахъ косматаго, разъяреннаго, бурей омытаго солнца.

Черезъ двадцать часовъ мы услышали звонъ Мальтійскихъ колоколовъ: два года не срокъ для джеттаторэ. Онъ мучить всю жизнь, смерть не даетъ ему наслажденій... Смерть — самый элементарный номеръ въ его дьявольскомъ репертуарѣ.

III.

Джеттаторэ не рѣдко воплощается въ человека, чуждаго его коварнымъ планамъ и онъ, самъ того не зная, становится носителемъ несчастья.

Начиная съ 1919, меня крайне интересовалъ графъ де Мартель, французскій верховный комиссаръ для бѣлыхъ армій и для лимитрофовъ. Есть-ли что-нибудь роковое въ его лицѣ, въ голосѣ, въ манерахъ? Оказывается ничего: обычный французскій дипломатъ, архилюбезный, архикраснорѣчивый, архипредупредительный. Никакой угловатости, никакой отличительности, никакого особеннаго поворота зрачка... А между тѣмъ этотъ человѣкъ былъ опредѣленнымъ джеттаторэ. Съ его пріѣздомъ въ Сибирь счастье измѣнило Колчаку — начался развалъ, закончившійся иркутской трагедіей. Съ его пріѣздомъ въ Закавказье кончается кратковременное цвѣтеніе южныхъ республикъ: падаетъ Баку, агонизируетъ Тифлисъ и де-Мартель переѣзжаетъ въ Крымъ. Памятный торжественный обѣдъ на «Провансѣ» съ Врангелемъ въ точности совпадаетъ съ крушеніемъ Таврической Операции и натискомъ Фрунзэ. Конецъ извѣстенъ. Можно спорить, смѣяться, доказывать гнилость тѣхъ образованій, куда пріѣзжалъ де-Мартель. Одного опровергнуть не удастся: въ исторіи русской гражданской войны обязательный графъ прочно занялъ положеніе Каменнаго Гостя. Кромѣ того, джеттаторэ не первопричина бѣды, а лишь ея неизмѣнный **вѣстникъ**.

Что касается Колчака, то и въ личности самого адмирала было нѣчто отъ джеттаторэ. Исключительная талантливость, смѣлость первоклассная, рѣшительность лоцмана, но все это снаружи, а внутри расщепъ, тоска и тотъ зловѣщій отсвѣтъ, который преслѣдовалъ его и въ Черноморской эскадрѣ и въ Сибири, въ ставкѣ, и въ поѣздкахъ на фронтъ. Развалъ эскадры, золотое оружіе, переломанное и брошенное въ море, свастопольскія звѣрства; въ теченіе лѣта 1919 послѣдовательно сгорають два дома, въ которыхъ жилъ адмиралъ; побѣда за побѣдой, счастье улыбается, но стоитъ мелькнуть вблизи фронта профилю адмирала, какъ армія бѣжитъ...

Одинъ изъ его ближайшихъ помощниковъ профессоръ Гинсъ передаетъ, что Колчакъ вполнѣ сознавалъ тяжесть своей руки: когда сгорѣлъ второй домъ, служившій штабъ-квартирой, новая мрачная складка легла на лицѣ адмирала и потухли прежде острые, пытливые глаза...

Верховный правитель больше не вѣрилъ въ возможность побѣды подъ его командованіемъ. И все чаще и чаще онъ мечтаетъ о «счастливомъ человѣкѣ — Деникинѣ или атаманѣ Семеновѣ»... Все чаще и чаще запирается въ кабинетъ, ходитъ изъ угла въ уголь и отчетливо морскимъ голосомъ по-

еть—«Пускай умру—и надъ могилой гори, сіяй моя звѣзда»...

Окружающіе указываютъ ему на странное поведеніе чеховъ, опасаются ихъ возможнаго предательства, совѣтуетъ охрану личнаго и золотого поѣздовъ составить изъ русскихъ вѣрныхъ частей. Адмиралъ разсѣяннo слушаетъ совѣтниковъ, соглашается, поддакиваетъ, но не принимаетъ никакихъ мѣръ. Послѣ сдачи Омска ничто не въ состояніи развѣять его мрачныхъ предчувствій, его грознаго гнѣва на собственную несчастливость. Душа Колчака борется съ тѣломъ — одной изъ личинъ джеттаторэ. И въ послѣдній моментъ еще можно или бѣжать или застрѣлиться. Но душа уже вынесла свой приговоръ: все съ той-же мрачной улыбкой адмиралъ слѣдуетъ за чешскимъ карауломъ, передавшимъ его въ руки повстанцевъ...

Свидѣтели казни рассказываютъ: «Не хотите ли Вы чего-либо передать — спросилъ у адмирала человѣкъ, изображавшій прокурора — письма, записки»...

«Нѣтъ ничего — отвѣтилъ адмиралъ — только еще одну папиросу»...

Досталъ портсигаръ, вынулъ папиросу, выкурилъ и, бросивъ портсигаръ одному изъ солдатъ, замѣтилъ — «Это тебѣ на память отъ твоего Верховнаго Правителя»...

Солдаты неожиданно отказались стрѣлять, пришлось вызвать матросовъ. Эти не смутились. Лицо адмирала оставалось строгое, ровное, только чуть-чуть блѣднѣе обыкновеннаго. При звукахъ команды оно дрогнуло отъ какой то странной улыбки...

Вспоминается другая улыбка, тоже предсмертная: улыбка Лермонтова.

Въ обоихъ случаяхъ смерть напоминала самоубійство. Сами убивали личину...

IV.

Каждая эпоха богата личинами джеттаторэ. Но бываютъ моменты кризиса, разстройства, смятенія духа, когда изобрѣтательность джеттаторэ достигаетъ гиперболическихъ размѣровъ. Эвакуаціи побили всѣ міровые рекорды. Суевѣріе среднихъ вѣковъ на фонѣ Кіева, Ростова, Новороссійска, Севастополя и т. д. показалось бы законченнымъ скептицизмомъ.

Музыка кофеенъ, приказы коменданта, мѣры, принимаемыя диктаторомъ, составъ прибывающихъ изъ за-границы, содержаніе зрѣлищъ, надписи на заборахъ, поведеніе домашней прислуги... За два десятка эвакуацій ни разу не была нарушена обязательность появленія излюбленныхъ личинъ. Опытные люди къ третьему году бѣженства научились искусству распознаванія. Пер-

вая личина... — бѣги!, не дожидаясь остальныхъ, иначе будетъ поздно.

Музыка кофеенъ: Кіевскаго Франсуа, Харьковскаго Версаля, Новороссійскаго Нордоста, Одесскихъ Веселыхъ Сумерокъ, Батумскаго Павильона, Ростовскаго Паласа, Тифлисскаго Хамелеона, Севостопольскаго поплавка. Когда наступаетъ моментъ, когда надвигающесе уже послало свою тѣнь, съ съ пюпитровъ удаляются марши, польки, увертюры, осеннія пѣсни, мазурки. Офицеры перестаютъ требовать гимнъ, спекулянты не интересуются гай-да-тройкой, дирижеръ не отдастъ никакихъ распоряженій. По нѣмому согласію всѣхъ присутствующихъ первая скрипка зажмуриваетъ глаза, крѣпче прижимаетъ грифъ, яростно замахивается смычкомъ. «Сильва ты меня не любишь»... «За милыхъ женщинъ», «Частица чорта-ль въ насъ»... Никогда, нигдѣ, ни въ какой странѣ произведеніе венгерскаго композитора не сыграло такой жуткой роли, не пользовалось такимъ своеобразнымъ успѣхомъ. Отъ Сильвы до послѣдняго поѣзда или парохода остается одна, maximum двѣ недѣли. Предусмотрительные люди, дорожащіе богажемъ, уѣзжаютъ послѣ третьяго повторнаго вечера сплошной Сильвы... Любопытная вещь: уже въ Константинополѣ Сильву не испол-

няють, въ Батумѣ круглый годъ громыхали ту-степы, фок-строты, шимми и только послѣ ухода англичанъ репертуаръ измѣнился. Въ Европѣ, въ странахъ спокойныхъ, въ городахъ прочнаго быта Сильвы не знаютъ: ни во Франціи, ни въ Англии, ни даже въ Германіи, ни даже въ родной Венгріи. Царство Сильвы въ голодной Вѣнѣ и въ сомнительныхъ лимитрофахъ.

Гимнъ эвакуаціи или по крайней мѣрѣ голодной смерти!..

Приказы коменданта: реквизиція теплыхъ вещей означаетъ, что армія больше не существуетъ и что кто-то хочетъ имѣть предлогъ для вторженія въ богатые квартиры; окопныя работы предупреждаютъ эвакуацію не болѣе, чѣмъ на одну недѣлю; онѣ производятся въ цѣляхъ увеличенія стоимости выѣзда, для людей уже имѣющихъ билетъ и паспортъ т. е. лицъ, намѣреющихся уклониться отъ уплаты контрибуціи въ пользу развѣдки и комендантуры; самыя работы въ буквальномъ смыслѣ никогда не производятся; генераль подписавшій приказъ объ окопныхъ работахъ, имѣетъ возможность сдѣлать это лишь однажды, къ дѣятельности онъ больше никогда и нигдѣ не возвращается. Наконецъ изъ прочихъ «приказовъ коменданта»: запрещеніе выѣзда изъ города. Эта мѣра —

самый послѣдній вѣстникъ — maximum за — два дня; когда большевики уже на плечахъ, уцѣлѣвшія воинскія части употребляются для задержки желающей бѣжать интеллигенціи. Личина страшная, сопровождается разстрѣломъ бѣдныхъ и грабежемъ богатыхъ.

Мѣры диктаторовъ: когда пуговица доходитъ до четырехсотъ рублей и продается только grosсами (не менѣе дюжины grosсовъ), созывается экономическое совѣщаніе изъ финансистовъ, проживающихъ за границей. Большинство успѣваетъ доѣхать только до Константинополя. По времени одна изъ раннихъ личинъ: первыя замѣтки появляются за мѣсяць, офиціальныи приказъ за 2 - 3 недѣли. Одновременно съ экономическимъ совѣщаніемъ прекращеніе движенія поѣздовъ сѣвернѣе ставки возбуждаетъ вопросъ о крупномъ валютномъ займѣ. Иностранныя миссіи уѣзаютъ именно послѣ обнаруженія этой идеи: остается не болѣе десяти дней.

Прибывшіе пароходы и спасатели: изъ военныхъ кораблей не оставляетъ никакихъ сомнѣній появленіе «Вальдекъ - Руссо» (стажъ — четыре эвакуаціи...), изъ цивильныхъ установленіе Триестинскимъ Ллойдомъ правильныхъ рейсовъ. Изъ профессиональныхъ спасителей остерегаются при-

ѣзда русскихъ политическихъ дѣятелей изъ Парижа, изъ иностранцевъ доказанный джеттаторэ — редакторъ «Temps» Шарль Ривэ. Подъ подозрѣніемъ секретарь французской миссиі Зиновій Пѣшковъ.

Новыя зрѣлища и проекты: возобновленіе «Русскаго Слова» и „Биржевыхъ Вѣдомостей“, открытіе заграничныхъ отдѣленій Освага и добровольческаго телеграфнаго агентства въ Парижѣ.

Но, конечно, наиболѣе общеизвѣстной и признанной изъ личинъ джеттаторэ является «Кривой Джимми», «петербургскій» театръ съ конференсье — Курихинымъ... Пріѣзжаетъ maximum за четыре, minimum за два дня, устраивается обыкновенно въ залѣ громаднаго ресторана, гдѣ уже никто не бываетъ за исключеніемъ чиновъ контръ-развѣдки. Стажъ «Кривого Джимми» — шесть эвакуацій т. е. на второмъ мѣстѣ послѣ мірового рекорда — «окопныхъ работъ».

Если «Кривой Джимми» пріѣдетъ въ Парижъ, французы уйдутъ и изъ этого города...

Въ выборѣ вѣстниковъ эвакуаціи джеттаторэ не минуетъ и основной волны человѣческихъ настроеній. Оставляя въ сторонѣ характерные не только для эвакуаціи кокаинъ, карты, безпробудное пьянство — историкъ революціоннаго быта отмѣтитъ

исключительное по интенсивности разрушение условной морали. Въ периодъ рѣшающихъ поражений къ насѣкомымъ, приносящимъ тифъ, прибавлялись насѣкомыя, заражающія влеченіемъ къ распутству. Начинались афинскія ночи, при участіи сѣдовласыхъ профессоровъ, многосемейныхъ политиковъ, невинныхъ дѣвушекъ. Готовясь къ неизвѣстному, жуткому неизбѣжному, люди всѣхъ возрастовъ и положеній порывали съ тѣмъ, что составляло будто-бы желѣзный стержень прежней баснословной жизни. Проходило два-три мѣсяца, и, попадая въ счастливыя удержавшіяся страны, участники аѳинскихъ ночей въ сношеніяхъ съ иностранцами, съ людьми другой, «не нашей» эвакуаціи, полностью возстановляли старую мораль. Но между людьми, увидѣвшими лицо медузы въ одну и ту же эвакуацію, создавалась или пропасть отъ стыда, или близость во грѣхѣ. Эвакуаціи ссорили братьевъ и роднили враговъ. Люди, прошедшіе короткій мигъ эвакуаціоннаго кошмара, сами превращались въ личины. Пріѣзжая на Западъ, они привозили злосчастье, отравляли атмосферу, пугались другъ друга. Завязывались какіе-то новые узлы.

Я не перебралъ и малѣйшей доли тѣхъ, кто въ больничныхъ саванахъ, въ золотыхъ погонахъ, въ отточенныхъ идеяхъ, въ дикомъ смятеніи, оживаютъ, чуть коснешся этого хаоса, — оживаютъ и сосѣдъ оживляетъ сосѣда. Я могъ бы написать отдѣльную книгу о русскихъ личинахъ джеттаторэ. Тема совсѣмъ не плохая. Но я боюсь, что, если долго говорить объ этомъ, въ комнату безъ звонка и безъ доклада войдетъ лысый человѣкъ въ коричневомъ френчѣ, въ лакированныхъ сапогахъ, усядется въ кресло, уставится своими влажными черными глазами и начнетъ ласково молчать. Вѣдь въ Парижѣ уже много лѣтъ не было землетрясенія.

СТЕПЬ БРЕДИТЬ.

I.

Ну, кажется, капуть. Солгала видно счастливая подкова, найденная мною въ то первое баснословное лѣто въ городѣ Несвяжѣ у зданія солдатскаго комитета первой арміи. У меня тридцать девять и пять. И хотя мобилизованный заурядъ скорчилъ небритую сизую фізіономію и сказалъ, что «еще ничего нельзя рѣшить опредѣленно», я уже все рѣшилъ. Съѣли и меня марсіане. Чертовски неприятно, даже какъ-то неудобно. Еще позавчера генераль Шкуро категорически обѣщаль къ пасхѣ быть въ Москвѣ и отслужить заутреню въ Успенскомъ... Мнѣ видно не попасть. Ахъ, марсіане, марсіане. Маленькіе, бѣленькіе, ногтемъ разможжишь, но прыгаютъ, но изворотливые, но непобѣдимые. Да, кстати, какія бываютъ вши? Платяныя, головныя, ну а еще? Какая-то ерунда въ голову преть, это отъ головныхъ, надо полагать. Въ 1912 году, въ путейскомъ институтѣ на конкурсномъ

экзаменѣ для сочиненія дали тему — «Всѣ блохи не плохи, всѣ маленькія, всѣ черненькія, всѣ прыгають». Вотъ и допрыгались. Спрашивается: сыпной или возвратный, хотѣлось бы возвратный, уже болѣть, такъ подольше. Въ смыслѣ отсрочки у воинскаго разница что-то около шести недѣль, а голова трещить одинаково и бредъ не меньше. На прошлой недѣлѣ умеръ одинъ изъ членовъ земсоюза, свою послѣднюю ночь онъ завывалъ изъ «Сильвы» — примелькалась видно, ужъ такая — «Маделонъ Эвакуаціи»... Въ сосѣдней комнатѣ плачетъ жена, ребятишки жмутся въ страхъ, пріятели въ френчахъ маршируютъ, а онъ отъ сидѣлки вырывается и оретъ — «Сильва ты меня не любишь»!..

Марсіане, марсіане. Какими васъ танками брать? Ахъ голова, голова. Чортъ, я, кажется, ослѣпъ. Что это на стѣнѣ, почему комната оклеена колокольчиками главнаго командованія?.. Теперь я все понялъ, марсіанъ я нахваталъ въ понедѣльникъ въ кафе. У того толстоносаго, который кричалъ — «Что вы мнѣ звоните вашими колокольчиками. Я на русскомъ языкѣ предупреждалъ васъ — керенки безъ дырочекъ, или николаевскія»... Ну, конечно, отъ него. Онъ изъ Харькова съ эвакупун-

ктомъ ѣхалъ, вотъ теперь весь городъ заразить. Будь онъ проклятъ вмѣстѣ съ его Мерковскимъ кокаиномъ въ грамовой упаковкѣ!.. Хоть бы поскорѣй кофейни позакрывали... Въ Москву вернемся, первымъ дѣломъ заведемъ нѣмецкіе порядки. Хотите въ спальный вагонъ, пожалуйста свидѣтельство о безвшивости. Сколько женскихъ волосъ сволочи извели. Та золотоволосая въ Освагѣ, что отъ нея нимба ослось? Въ чепчикѣ содержателя не найдешь, нѣтъ. Попробуй на жалованье прожить. Это тебѣ не Р.С.Ф.С.Р., у насъ, братъ недѣлимая! Колокольчики-бубенчики звенять! Гдѣ-то теперь Каміонскій? Тоже небось вшей понахватался и весь театръ заражаетъ. Маленькихъ больше нѣтъ. Торжественное засѣданіе въ честь годовщины добрарміи... Гдѣ спрашивается засѣданіе? Въ театрѣ. Ага, то-то и оно. Приходите, значить, въ театрѣ, садитесь на бархатныя кресла и изъ cadaго кресла на васъ пересядутъ платяные марсіане. Я и дома посижу. Спасибо, дураковъ нѣтъ. Вотъ, ты скажи, приходите, мы вамъ по мѣшку со льдомъ на голову положимъ, настоящую камфору вспрыснемъ! Это я пойму, а то дали вмѣсто льда теплаго навоза. Камфору вашу тоже знаемъ. Англійскую перелили, пузырьки водой разбавляете! Подо-

ждите, подождите, въ Москву придемъ, почитаемся...

II.

Опираясь на палочку, кутаясь въ англійскій бурнусикъ, иду по Большой Садовой улицѣ. Какія перемѣны, какія перемѣны! У насъ теперь, кажется, одинъ Ростовъ, остался. За шесть недѣль сыпняка сдали Орель, Курскъ, Харьковъ, молчатъ о Кіевѣ, Махно чуть чуть въ самый Таганрогъ не влѣзь, Когда-то теперь въ Москву попадемъ? А сколько народа перемерло. Страшно спрашивать о знакомыхъ: или умеръ, или въ бреду наканунѣ кризиса, или «безнадежно: дышетъ кислородомъ»...

Синематографовъ больше нѣтъ. Остались вывѣски, на лохмотьяхъ плаката различаю — «Пренсъ женится — сильно комическая», а изъ двери осточертѣвшей запахъ карболки и весь тротуаръ предъ зданіемъ въ соломѣ, кишащей вшами... Прохожіе въ ужасѣ перебѣгаютъ на другую сторону, отряхиваются, осматриваютъ другъ друга и мчатся домой принять ванну, у кого.. она есть. Зданія кинематографовъ не приноровлены для лазарета; какъ тамъ класть больныхъ? надо всѣ стулья выламывать, заводить отопленіе, передѣлывать наклонный полъ, доставать кровати, матрацы,

бѣлье, лекарства. Гдѣ взять? Махно въ Александровскѣ захватилъ всю санитарную базу, англичане сердятся, больше не везуть. На дворѣ морозъ. За одно сегодняшнее утро по «весьма секретной сводкѣ освага», лежащей на столѣ каждаго кафе, привезено на вокзалъ и остается неразгруженными 7000 тифозныхъ, изъ нихъ «невыясненное количество замерзшихъ».

У синематографа «Колизей» новая картина: реквизировали его только вчера, устроить ничего не успѣли, а фургоны все ѣдутъ и ѣдутъ. Устлали соломой парадную лѣстницу громаднаго дома и кладутъ, какъ есть: въ обрывкахъ шинелей, во вшивомъ бѣльѣ. Въ домѣ около сотни: квартиръ, вездѣ дѣти, другой лѣстницы нѣтъ. По ступенькамъ ползутъ марсіане, проникаютъ во всѣ квартиры. Пройдетъ восемь дней и громадный домъ превратится въ очагъ сыпняка...

Опять музыка. За часъ это уже не то пятый, не то шестой разъ. Въ деревянномъ заколоченномъ гробу несутъ свѣжую жатву; за гробомъ кучка людей мѣситъ по мостовой, въ отдаленіи, сбиваясь съ ноги, отставая, задыхаясь, плетется стадо подростковъ въ шинеляхъ сшитыхъ изъ кавказскихъ бурокъ (гдѣ-то грабнули!), съ александровскими винтовками... на пере-

вѣсь — плечо не выдерживаетъ. Трое изъ нихъ, напрягая всѣ силы, дуютъ въ примершія къ губамъ громадныя трубы: «Похоронный Маршъ»? «Коль Славень»? «Сильва»? Кто знаетъ...

Подростки въ бурковыхъ пальто — студенты бѣлобилетчики: хромыя, слѣпыя, безъ одного легкаго, безъ трехъ четвертей зубовъ. Зачѣмъ ихъ мобилизовали? Взяли семнадцатилѣтнихъ калѣкъ, швырнули въ загаженную казарму, сказавъ: «будете нести гарнизонную службу, теперь не до ученья»!.. И вотъ теперь каждый день, съ утра до вечера, они хоронятъ своихъ умершихъ товарищей: всѣ они съѣдены казарменными марсіанами. Если игра продлится еще съ мѣсяцъ, въ студенческомъ батальонѣ останется одинъ его начальникъ, казачій есауль, который живетъ на частной квартирѣ... Впрочемъ, есть у нихъ реальное назначеніе: они трубятъ свой странный мотивъ за гробомъ не только своихъ товарищей, но и вообще всѣхъ «чиновъ добрарміи», умершихъ въ Ростовѣ.

Катафалки, треуголки, галуны остались въ томъ мірѣ; съ пришествіемъ марсіанъ появились бурковыя пальто, громадныя папахи. Почетный карауль изъ двадцати пяти пенснэ...

На каждомъ шагу *Его* дыханіе. Онъ—Его Величество Сыпнякъ. Въ окнахъ магазиновъ, торговавшихъ раньше фотографическими принадлежностями, выставлена камфора, аспиринъ и пр., съ надписями: «Настоящее англійское», «Привезено изъ - за границы», «Остатки стоковъ». Изъ гастрономическихъ витринъ глядятъ бутылки какого-то сомнительнаго вина, этикетка смазана, но зато плакатъ — «незамѣнимо для подкрѣпленія выздоравливающихъ». Изъ витрины освага каждый день для опусканія рокового шнура выходитъ новый мальчикъ: «заболѣлъ», «выбылъ за смертью», «выбылъ для поправки».. Толпа, пожирающая въ сумерки манипуляціи шнура, прежде всего занята главнѣйшей заботой: какъ бы такъ изловчиться пролѣзть къ окну—гдѣ каждымъ вечеромъ краснѣетъ еще одинъ городъ — чтобы не задѣть, упаси Боже, сосѣда локтемъ-ли, плечомъ-ли, ногтемъ-ли... Какой-то невиданный конкурсъ вѣжливости. Ибо сосѣдъ представляется сосѣду человѣкомъ, зараженнымъ, который лишь по злости ходитъ вмѣсто того, чтобы слечь. Коснешься — марсіанинъ перескочетъ — и готово: двѣ, три недѣли и въ твой домъ явятся двадцать пять пенснэ, двѣнадцать легкихъ, три трубы...

«Баринъ подвезу, недорого возьму»! Что это, совсѣмъ какъ въ былыя времена — извозчикъ напрашивается. Да потому что на извозчикахъ никто не ѣздитъ. Однажды утромъ ихъ мобилизовали для перевозки съ вокзала замерзшихъ тифозныхъ — съ тѣхъ поръ причина всѣхъ причинъ: имя рекъ умеръ, онъ былъ безумецъ, онъ ѣздилъ на извозчикахъ до самаго послѣдняго дня...

Тщетно театръ прельщаетъ новой постановкой, тщетно знаменитый піанистъ, занесенный волной бѣженства, возвѣщаетъ интереснѣйшій концертъ, тщетно милостью высшихъ властей уцѣлѣвшія кабаре зазываютъ похабщиной. Профилактика съѣла зрѣлища. «Онъ» тамъ, гдѣ больше двухъ человѣкъ. Вѣрить можно лишь своимъ близкимъ — и то, когда приходятъ, садятся за столъ, кто-нибудь немедленно блѣднѣетъ: онъ замѣтилъ на братѣ, отцѣ, сестрѣ или т. п. непобѣдимаго врага... Немедленная ванна, уничтоженіе одежды, прививки — но въ домѣ скорбь. Зачѣмъ только этотъ человѣкъ живетъ съ нами — теперь мы всѣ погибли!

Во время одного изъ надрывныхъ послѣднихъ веселій, къ нашему столу въ ресторанѣ «Палась» подошла дрожащая женщина и трагическимъ голосомъ, со сле-

зами на глазахъ, сказала мужу — «Ты меня обманываешь, я тебя видѣла на извозчикѣ. тебѣ жалко, что у меня хорошіе волосы»... Багровые румыны заглушили ея рѣчь... «Сильвой»!

Свободы онъ не даетъ никому; но зато повсемѣстное равенство и братство. Командующій Кавказской арміей, вагонъ котораго дезинфицируется дважды въ сутки, и случайно уцѣлѣвшій плѣнный красноармеецъ, съ котораго конвоиры сняли сапоги и босаго погнали по снѣгу; членъ особаго совѣщанія, умилительно вѣрящій въ спасательность какой-то камфоровой ладанки, запаха которой марсіане будто бы не выдерживаютъ и переползаютъ на... другихъ членовъ особаго совѣщанія — и его курьеръ, убѣжденный, что «вшу выдумали жида»; кухарка и жена директора банка — обѣ въ чепчикахъ; хозяинъ кіоска фруктовыхъ водъ и первѣйшій богачъ, прятавшійся въ одиночествѣ трижды окуренного особняка — оба идутъ, опираясь на палочку, блѣднозеленые, кожа да кости, дрожащія руки, ввалившіеся глаза. Входишь въ залъ государственнаго банка и отъ перваго до послѣдняго — надъ всѣми столами чепчики. Не отбываютъ воинской повинности, но лишаются красоты... Онъ помирить всѣхъ; отольются повѣшеннымъ ихъ неот-

мщенныя слезы — бравый полковникъ сой-
детъ въ ту же братскую могилу. Всѣхъ по-
бѣдилъ, соединилъ несоединимыхъ. Пуриш-
кевичъ и Мамантовъ, князь Евгенийъ Тру-
бецкой и партизанъ Семилѣтовъ — какія
эпохи первой и второй Россіи съѣлъ непо-
бѣдимый марсіанинъ!..

III.

Бѣлое движеніе нерѣдко сравниваютъ съ
Вандеей... Какой вздоръ! Вандея — это ког-
да тысячи крестьянъ вооружаются вилами
и лѣзутъ на пушки ради стараго порядка,
ради прежняго быта. Бѣлое движеніе —
это когда милліоны крестьянъ, дворянъ,
буржуевъ, студентовъ, шуллеровъ, врачей,
инженеровъ и пр. и пр. всю вѣковую лов-
кость направляютъ въ сторону уклоненія
отъ воинской повинности. Вандея выро-
стаетъ изъ земли, изъ тучнаго унавожен-
наго чернозема, бѣлое движеніе зарожда-
ется въ родѣ гомункулуса: таинственные
опыты, таинственныя совѣщанія, ночныя
бдѣнія и внезапно появляется крошечный
человѣчекъ, бросающій вызовъ всей ледя-
ной пустынѣ...

За трехлѣтнюю исторію бѣлаго тифоз-
наго движенія извѣстенъ лишь одинъ моментъ,
когда въ донскихъ станицахъ набухло нѣч-
то, отдаленно напоминавшее французскій

примѣръ. Семилѣтовщина. Тоже конечно не Вандея, но и не мобилизація шомполами; въ финалѣ и семилѣтовцы драгнули, но по началу шли добровольно. Старые станичники безъ сѣделъ, безъ винтовокъ съ деревянными пиками перли на броневики, за ними тянулись и молодые (фронтвики, которые за всѣ три года такъ и не рѣшили окончательно — «чи мы красные, чи мы бѣлые». Въ ихъ метаняхъ по семестрамъ — весенній у бѣлыхъ, зимній у красныхъ было нѣчто отъ того же всемогущаго сыпняка. Бредъ, схватки, возвраты.

...Вождь степной Вандеи — генераль Семилѣтовъ былъ безконечно донской чело-вѣкъ. Именно: не русскій, а донской. Ни капли сепаратизма, ни тѣни какого бы то ни было самостійничества, великолѣпнѣйшій патріотъ и все же... что подѣлаешь съ казачьей душой, если въ Новочеркасскѣ колокола звонять лучше, чѣмъ въ Москвѣ и если памятникъ Платову, ближе, роднѣе фальконетовскаго Петра. Платовъ — свой, степной, весь какъ на ладони, страшень въ битвахъ, весель въ пирахъ, а у того хмель на дыбѣ, дыба во хмелю и, жуткія воспомина-нiя о выданныхъ и казненныхъ атаман-нахъ. За двѣсти лѣтъ, послѣ всѣхъ войнъ, гдѣ моря казачьей крови пролиты за Рос-сію, гдѣ казачьи штандарты славнѣе гвар-

дейскихъ, прародимый антагонизмъ вовсе не исчезъ, находя щедрое питаніе въ институтѣ наказныхъ атамановъ, въ политикѣ изоляціи казачьихъ войскъ...

Такъ или иначе, гражданская война на Дону и на Кубани оправдала и укрѣпила этотъ строй казачьей души. Семилѣтовъ — вождь степной Вандеи — поднялъ Донъ для освобожденія только Дона: и къ нему шли одиннадцатилѣтніе кадеты, шестидесятилѣтніе старики, переодѣтыя женщины, выбывшіе изъ строя калѣки. Въ самый отвѣтственный моментъ 1919 веселый молодой генералъ въ папахѣ приведетъ своихъ партизанъ на линію Донца и выдержитъ всю зиму и всю весну натискъ сильнѣйшихъ частей Егорьева. Надъ Донцомъ хибарки, не много ихъ уцѣлѣло отъ орудійнаго обстрѣла, въ нихъ ютятся семилѣтовцы. Косить сypнякъ, англійскія шинелишки рыбьимъ мѣхомъ подбиты, жрать нечего, но... иначе на Дону жизни нѣтъ, надо только продержаться: справа или слѣва съ одного изъ фланговъ большевиковъ обязательно хлопнуть, покатится центръ, и Донъ свободенъ. Можно опять спокойно жить...

И степная Вандея окончится въ тотъ самый день лѣта 1919, когда Донъ освобожденъ, когда нужно идти въ предѣлы Рос-

сіи. На границѣ Воронежской губерніи снова, какъ годъ назадъ при Красновѣ казаки остановятся и устроятъ митингъ. Митингъ всегда — безъ аннексій и контрибуцій, митингъ всегда — постолько, поскольکو...

На первомъ же митингѣ умираетъ Вандея, на рубежѣ осени, приносящей возвратъ сыпняка, умираетъ Семилѣтовщина. Все подвезено за лѣто: есть орудія, снаряды, танки, бронепоезда, но нѣтъ больше желанія... Играется роковая ставка — личное обаяніе на карту! «Если вы не пойдете впередъ, большевики снова займутъ Донъ!».

Тщетно, степь уже бредитъ, уже инкубационный періодъ, марсіане уже укусили: «Большевики что, мы съ большшевиками всегда рады, мы противъ коммуніи, а теперь плѣнные бають — коммунія на чисто отмѣнена»...

Ставка проиграна или на языкѣ военномъ — кавалерійское сердце пропало. Отъ всего партизанскаго движенія остается одинъ генераль въ защитной шинели и бѣлой папахѣ. Онъ хмурится, ему не по себѣ, противъ него возобновляется борьба какихъ-то самолюбій, смѣшныхъ для побѣдителя, роковыхъ для побѣжденнаго. Онъ отходитъ въ сторону, на дворѣ безотрадная осень. Ползутъ поезда съ отмороженными,

ранеными, сыпными, убитыми. Бредить все. Дежурные на станціяхъ перестали бояться нагана, направленного въ ихъ красную фуражку; немногіе здоровые спѣшатъ драпать, пока еще Черное море осталось. Семилѣтовъ въ Новочеркасскѣ. Пить не пьеть. Кокаина не нюхаетъ, въ карты не играетъ. А для того, чтобы битый вождь самъ не обратился въ битую карту, ему надо умереть. Семилѣтову въ послѣдній разъ улыбается счастье: ему не суждено было испытать горечи бѣженства. Онъ умеръ. Поощренный пулями, не поощренный марсианами, умеръ, какъ всѣ отъ сыпняка. Но, какъ немногіе, гордый, нетерпимый пловецъ противъ теченія. Бѣдная станичная Вандея!.. Онъ и въ бреду называлъ имена, неуклюжія, неблагозвучныя, милыя его донскому хмурому сердцу — Гундоровская, Митякинская, Усть-Бѣлокалитвенная, Семикарокорская.. Кругомъ бредила степь. Казалось, что самый горизонтъ усѣянъ бѣленькими прыгающими точками.

IV.

Прахъ Семилѣтова остался въ его родной землѣ. Другому донцу — Мамантову судьба не дала и этой скромной радости. Герой рейда, которому Times посвятилъ передовую статью, умеръ въ Екатеринодарѣ;

въ полномъ забвеніи, окруженный полу-презрѣніемъ, полу-ненавистью. Газеты посвятили его смерти шесть строкъ неудобочитаемаго петита, бѣженцы, собиравшіеся въ дальнѣйшій путь изъ агонизирующаго Екатеринодара на югъ, къ морю, разсѣянно спрашивали при видѣ похоронъ — «Почему столько войска? Мамантовъ? Это какой-же? Ахъ, знаменитый! Тотъ, что въ Тамбовѣ спиртъ раздавалъ. Почему же гробъ заколоченный? Ага, и онъ отъ сыпняка. Скажите, значить не уберется»...

Шесть мѣсяцевъ назадъ онъ былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ во всей Россіи. Совѣтскія газеты наполнялись «бандитомъ Мамантовымъ», вмѣстѣ съ городами центральной Россіи онъ завоевывалъ и великорусскія пословицы. «Какъ Мамантовъ на голову», «не было ни юнкера, а вдругъ казачій генераль», «нежданный Мамантовъ хуже татарина»...

Даже толстозадый мальчикъ при витринѣ Ростовскаго Освага, презирающій все и всѣхъ и долгое время выдававшій кудряваго мичмана за адмирала Колчака, на этотъ разъ смутился, задралъ желтый шнуръ до города Серпухова, долгое время слюнилъ какой-то плакатъ, а потомъ пристукнулъ его къ окну. Оказался человѣкъ, явно срисованный съ Плевненскихъ пор-

третовъ Скобелева, только безъ орденовъ, и гигантскіе усы, сильно терявшіе свою прелесть оттого, что ихъ концы стерлись подъ слюной толстозадаго мальчика.

Прошелъ мѣсяцъ. Военные обозрѣватели всѣхъ осважныхъ газетъ на тысячи ладовъ убѣдили насъ, что набѣги Мюрата, Гадика, Шеридана, Стюарта ничто въ сравненіи съ рейдомъ Мамантова, забравшагося въ тылъ противника на 800 верстъ, что на Курскомъ вокзалѣ поѣзда совнаркома стоятъ подъ парами, ибо задержать Мамантова уже невысказимо. Инженеры Владикавказской дороги частнымъ образомъ принялись высчитывать количество и стоимость взорванныхъ Мамантовымъ мостовъ и испорченной колеи, но добравшись до астрономическихъ цифръ, махнули рукой — «еще недѣля и каждую рѣку придется пассажирамъ вплавь переплывать». А извѣстія, приходившія отъ самаго Мамантова, поражали противорѣчіемъ и оригинальностью. Къ первому за пять лѣтъ привыкли, второе смущало: такъ изъ Воронежа Мамантовъ увѣдомлялъ донского преосвященнаго, что посылаетъ на украшеніе Новочеркаскаго храма столько-то пудовъ золотыхъ ризъ, а для личныхъ удобствъ владыки коляску съ кровными рысаками. Мамантовъ, конечно, герой, и о немъ Times пишетъ и

самъ король справляется, но все-же удобно ли ограбить одинъ храмъ ради другого :и подобаетъ ли владыкѣ пользоваться «военной добычей»? Рысаки не собаки на кличку не откликаются, но кой-какія примѣты однако существуютъ...

Дальше дѣла пошли ускореннымъ темпомъ, Москву Мамантовъ по «стратегическимъ соображеніямъ» брать не пожелалъ и обремененный многоверстнымъ обозомъ двинулся къ роднымъ пенатамъ. Съ трудомъ у Коротояка ему удалось отбиться отъ Буденнаго; въ этомъ сраженіи полегла большая часть такъ называемой Тульской дивизіи, составленной изъ крестьянъ центральной Россіи; ей была предназначена тяжелая задача — защищать переправы, Пока тянулся обозъ, нескончаемый, трудно переправимый, отнимающій массу провозатыхъ — туляки дрались...

Наконецъ корпусъ вернулся въ Донскую область. Корреспонденты, выѣхавшіе на встрѣчу, на ст. Кантемировку, полюбовались разнообразіемъ привезенныхъ изъ рейда вещей: отъ шифоньеровъ до клѣтокъ со скворцами было широко представлено все русское хозяйство. О деньгахъ и камняхъ много говорили, но показывать не показывали. Героямъ рейда былъ предоставленъ небольшой отпускъ; нагруженные

военной добычей, они разѣхались по станциямъ, предвкушая радость использованія приобрѣтеннаго за шесть недѣль боя. Изъ отпуска вернулось не болѣе одной трети: для остальныхъ смыслъ войны былъ изжитъ. А запугать ихъ было нелегко: они привыкли видѣть смерть на черезчуръ близкомъ разстояніи. «Не хочу» означало дѣйствительно — «не пойду».

Распустивъ исполинскіе, единственные въ мірѣ усы, Мамантовъ бросился съ головой въ открывшіяся предъ нимъ радостныя пропасти. Вечера съ англичанами, вечера съ французами, вечера съ итальянцами — что говорятъ не понятно, но пьютъ серьезно. Вечера съ донскими парламентаріями, вечера съ поклонницами, вечера съ офицерствомъ — все понятно — и этикетки и тосты и легкія обѣщанія.

Корреспонденты набросились на него, какъ коршуны. И сколько пришлось поработать донскимъ цензорамъ, чтобы изъ вороха гранокъ вытравить откровенныя признанія генерала. Въ результатъ отъ рейда для печати осталась лишь сторона военная, бравурная; экономическія послѣдствія и наблюденія политическія были уничтожены отъ перваго слова до послѣдняго, — и публикой читались въ спискахъ, при чемъ каждый читавшій отъ себя прибавлялъ щед-

рой рукой нули, единицы, яркія детали. Черезъ недѣлю, когда списки широко разошлись, рейдъ Мамантова вошелъ въ народную душу въ видѣ путешествія Али-Бабы въ наполненную кладами пещеру разбойниковъ. Къ Мамантову повалили съ подписными листами, предложеніями случайныхъ дачъ, выгодныхъ имѣній, исключительныхъ партій товара. Генераль распушилъ усы еще больше, влѣзъ въ салонъ и уѣхалъ опять на фронтъ.

«Предстоитъ второй рейдъ, свѣдѣнія о которомъ по понятнымъ причинамъ сообщены быть не могутъ»: такимъ остроумнымъ плакатомъ, сопровождаемымъ обычной порціей слюней, ознаменовалъ толстозадый мальчикъ отъѣздъ генерала.

Какъ извѣстно, второй рейдъ не состоялся. Въ вопросѣ о причинахъ авторитеты, конечно, разошлись.

Виновата нога, которую генераль повредилъ, садясь на лошадь и изъ за которой онъ больше вообще никогда не смогъ влѣзть на лошадь.

Виноватъ кубанецъ Улагай, который не пожелалъ подчиниться донцу и тѣмъ разстроилъ знаменитую диспозицію «рейда конной группы».

Виноватъ Троцкій, который въ промежутокъ между первымъ и «вторымъ» рейдами

научился влѣзть на лошадь и цѣликомъ укралъ идею донского командованія...

Виновать Буденный, который прорвался не тамъ, гдѣ ему полагалось, и на недѣлю раньше, чѣмъ имѣлъ право... согласно диспозиціи!..

Мамантовъ оказался трехнедѣльнымъ удальцомъ въ самомъ непереносномъ смыслѣ. Когда выяснилось съ печальной ясностью, что августъ неповторимъ, когда вмѣсто совѣтскихъ тыловъ, ему пришлось дѣйствовать въ метель, въ опустошенномъ Донецкомъ бассейнѣ, пропало и его кавалерійское сердце. Уже никто не пѣлъ «Христосъ Воскресе», уже не было спирта не только для раздачи населенію, но даже для собственныхъ нуждъ, уже на запасныхъ путяхъ узловыхъ станцій замерзали испорченные танки и съ большевистскихъ аэроплановъ летѣли саркастическія летучки— «вы къ намъ шли два года на танкахъ, мы къ вамъ пришли за мѣсяць на санкахъ»... Донецкіе рабочіе выполняли свою программу — минимумъ: встрѣчать цвѣтами побѣдителя, провожать выстрѣлами побѣжденныхъ. Мамантовъ вышелъ изъ игры. Поводъ? Не то онъ придрался къ чему-то, не то къ нему придрались за что-то. Отъ августовскихъ трофеевъ оставался одинъ французскій бульдогъ, найденный въ Там-

бовъ, въ захваченномъ поѣздѣ Троцкаго... Съ этимъ быстро привязавшимся бульдогомъ, каждый часъ наблюдая, какъ еще быстрѣе отвязываются бывые друзья и почитатели — Мамантовъ проѣхалъ въ тылъ. Сдали Ростовъ — двинулся въ Екатеринодаръ. Пробовалъ пить — получалось скучно. Пробовалъ разговаривать — выходило еще скучнѣй. Онъ — Мамантовъ Тамбовскій, оказывался въ числѣ главныхъ виновниковъ... О, какъ онъ пушилъ свои усы, какъ онъ стучалъ своимъ мощнымъ кулакомъ. Напрасно. Молохъ гражданской войны пожравъ генерала, подбирался къ человѣку.

Въ порядкѣ эвакуаціи его покусали сыпно-тифозныя вши; въ порядкѣ эвакуаціи небрежно лечили, въ порядкѣ эвакуаціи поспѣшно, подчеркнуто скромно похоронили. Совѣтская сводка отмѣтила «смерть въ Екатеринодарѣ извѣстнаго бандита Мамантова», озябшій репортеръ кубанской газеты что-то нацарапалъ на обрывкѣ блокъ-нота, а одинъ изъ бывшихъ адъютантовъ, дородный румяный человѣкъ вечеромъ того-же дня сильно клюкнулъ и неестественнымъ театральнымъ голосомъ, голосомъ спившихся трагиковъ и осипшихъ суфлеровъ рассказывалъ двумъ земгусарамъ: «Господи, раздолье то какое! 3 ав-

густа вошли мы въ Тамбовскую губернію. И пошло, что твой автомобиль. Днем спимъ, гуляемъ, жремъ, а ночью идемъ по росистымъ полямъ. Скошенное сѣно пахнетъ невообразимо, лошади чавкаютъ, луна такая, что вынимай изъ сумы деньги и считай. Въ одну пачку николаевскія, въ другую керенки, въ третью нашего донского производства. Благодать, братцы. Генераль нашъ за полверсты ѣдетъ, а усищи видны... Царствіе ему небесное»!..

* * *

Судьба ломала, швыряла, мяла, опрокидывала всѣ планы и гнала все дальше, дальше и дальше. Въ Новороссійскѣ, прежде чѣмъ выпустить свои жертвы въ море, она приготовила для нихъ цѣлый лѣсъ пытокъ. Сыпнякъ достигъ размѣровъ неслыханныхъ, люди изнемогали въ борьбѣ съ марсіанами, придумывали адскія мѣры, но сдѣлать ничего не могли. Спать пришлось въ поѣздахъ, на полу загаженныхъ теплушекъ, на столахъ кофеенъ, просто на улицѣ. И тогда ударилъ Крещенскій морозъ, завылъ нордъ-остъ. Вѣтеръ не можетъ достигать такой силы!.. Какая-то роковая Немезида срывала суда съ якорей, подымала на воздухъ будки съ часовыми и замораживала, убивала самой страшной смертью. По утрамъ

обитатели теплушки, выглядывая изъ подъ бурокъ, обнаруживали въ своей средѣ новый трупъ. Сыпныхъ уже перестали лѣчить. Зараженные составы отводились на далекій запасный путь и здѣсь ихъ обитатели или замерзали или умирали отъ жажды и голода. Ни одинъ врачъ, ни одинъ санитаръ не рѣшался переступить порога inferнальныхъ вагоновъ. Триста тысячъ человѣкъ, сбѣжавшихся въ этотъ несчастный переполненный городъ, поняли, что они у послѣдней черты. И кончилось все. Врачъ зналъ, что надо не лечить другихъ, а самому ловчиться на пароходъ. Санитаръ зналъ, что красные на носу и они не поглядятъ по головкѣ за заботы о бѣлыхъ — и онъ наскоро перекрашивался.

Военными овладѣвало бѣшенство конца. Власть бредила. На улицѣ хватали стариковъ и требовали отъ нихъ рытья окоповъ, хотя послѣдній прапоръ понималъ, что нужны не окопы, а пароходы. Человѣку, желающему спастись и имѣющему возможность уѣхать, ставились непреодолимые препятствія. Въ его каюту врывались люди съ кровавыми глазами въ сорокаградусномъ жару, сували въ руки винтовку и гнали за городъ, хотя армія страдала именно отъ множества ненужныхъ неумѣлыхъ элементовъ и никакая мобилизація

уже не могла спасти градъ обреченный—
Новороссійскъ.

Отъ Деникина до контръ-развѣдки, отъ коменданта до его часовыхъ — властью руководилъ все тотъ же Великій Сыпнякъ. Однихъ онъ сваливалъ, другіе переносили его чары на ногахъ, но разумъ пересталъ дѣйствовать и у тѣхъ и у другихъ. Съ сѣвера шелъ Буденный, въ городѣ готовилось возстаніе, съ горъ двигались зеленые...

Мы умремъ, но пусть умрутъ и всѣ штатскіе — вотъ бредъ Новороссійска. На счастье штатскихъ еще существовали денежные знаки и за извѣстное количество пятитысячныхъ хозяинъ кабарэ «Нордъ-Ость» давалъ и музыку (Сильва, Сильва...) и заграничный паспортъ и ночлегъ и гарантію на случай облавы. И ужъ конечно для спасенія Новороссійскихъ жертвъ онъ сдѣлалъ гораздо больше Деникина съ его окопными работами и сэра Макиндера съ его эвакуаціей только для женщинъ и дѣтей (т. е. для тѣхъ, кому большевики наименѣе страшны). У южнорусскаго Содома оказался свой праведникъ.

* * *

Сперва похоронили Пуришкевича, потомъ князя Евгенія Трубецкого. Такова была иронія Немезиды. Въ апогей нордъ-

оста исхудалая, съ ногъ валящаяся лоша- денка отвезла на кладбище два некрашен- ныхъ забитыхъ гроба. Въ день Пуришке- вича еще можно было идти противъ вѣт- ра, не рискуя быть унесеннымъ. Въ день Трубецкого по мостовымъ скрежетали со- рванные вывѣски, громадный итальянскій пароходъ снесло съ якорей и кучка людей, провожавшая князя, шаталась, какъ пьяная, задыхалась, какъ въ астмѣ.

Три года назадъ, въ снѣжную ночь на хорошемъ автомобилѣ Пуришкевичъ отво- зилъ трупъ Распутина на острова. Три года назадъ въ строгомъ залѣ Маріинскаго двор- ца Трубецкой держалъ свою знаменитую рѣчь о темныхъ силахъ, Протопоповъ, Штюмеръ и т.д. «Это не люди, это тѣни».

Пуришкевичъ до послѣдняго дня остался тѣмъ же бессарабскимъ депутатомъ, кото- раго нѣкогда Головинъ удалялъ на 15 засѣ- даній. Суетился, сновалъ изъ Одессы въ Ростовъ, изъ Ростова въ Кисловодскъ, изъ Кисловодска въ Новороссійскъ. Вездѣ хо- тѣлъ создать какую-то новую националь- ную партію въ духѣ вульгаризованнаго Ак- сакова, а главное обличалъ, бранилъ, гро- зилъ. Въ Одессѣ обличалъ союзниковъ— высылалъ д'Ансельмъ, въ Ростовѣ обли- чалъ и союзниковъ и казаковъ — высы- лалъ донской атаманъ; въ Кисловодскѣ за-

таившей дыханіе титулованной аудиторіи разъяснѣлъ, что начальникъ французскаго штаба въ Одессѣ Fridenberger есть никто иной, какъ кременчугскій еврей Фриденбергеръ, другъ Троцкаго и т.п. и т.п. Слѣдовали бѣшеные апплодисменты и предупрежденіе со стороны Терскаго главноначальствующаго.

Лысый демонъ безтактности, осунувшійся, желчный, страдающій маніей преслѣдованія, онъ хотѣлъ страстно любить Россію, но пока что изошелъ ненавистью къ тѣмъ, кто по его мнѣнію являлся врагомъ Россіи. Годы волненій, крѣпость и революціонный трибуналъ замѣтно сокрущили неугомоннаго человѣка: въ немъ уже была трещина, незаполнимая никакой ироніей. Поблекли рѣчи, подешевѣли сарказмы, не удавались экспромты. Дѣловая работа? На ея мѣстѣ воцарилась безпредметная суетня: деклассированная сбродная армія была глубоко враждебна душѣ корневого человѣка стараго режима. Можно любить того, кто ненавидитъ тебя, но нельзя любить того, кого самъ ненавидишь. Онъ бы не смогъ вступить въ Москву Деникина...

Въ деревянномъ некрашенномъ гробу лежала лишь оболочка Пуришкевича, душа его умерла уже очень давно — 27 февраля

1917 г. Петербургскій нордъ-остъ предупредилъ своего новороссійскаго собрата.

...Пробѣженствовавъ три года, у грани обѣтованной земли, лицомъ къ солнцу запада, падавшему въ море, среди панической бредящей толпы умеръ князь Евгений Николаевичъ, Трубецкой. Отъ сыпняка въ Новороссійскѣ: хрестоматическій конецъ человѣка той развалившейся Россіи. .

Три года бѣжать и терять въ каждомъ городѣ приобрѣтенное двухстолѣтней культурой предковъ, длинной великолѣпной жизнью!..

Трубецкой пережилъ все, во что уходилъ корнями, изъ чего росъ къ разуму, который такъ и не возсіялъ ни для него, ни для его друзей. Пережилъ Московскій университетъ. Помнилъ тихую зарю Буслаева, раздѣлилъ рабочую страду Соловьева, Ключевского, брата Сергѣя, Стороженко и увидѣлъ... обязательные курсы начетчика Скворцова, прожектора Ларина. Какъ онъ завидовалъ друзьямъ его радостной юности... Максимъ Ковалевскій, не увидѣвшій лица Медузы, щедрый Петроній, влюбленный въ жизнь, за часъ до смерти перечитывающій Лермонтовскаго ангела: «Ахъ, еще бы этихъ скучныхъ пѣсенъ земли»...

Коршъ, ушедшій подъ громъ первыхъ побѣдныхъ Карпатъ, въ багряномъ свѣтѣ

могущества Россіи, въ апофеозѣ собствен-
ной славы.

Братъ Сергѣй, чье сердце остановилось на порогѣ эпохи, въ которую онъ вѣрилъ, какъ въ золотой вѣкъ русской культуры..., какъ въ полное осуществленіе великаго Логоса. А Евгенийъ — онъ пережилъ даже самую возможность національнаго возрожденія, національной культуры: Россія проводила его некрашенный гробъ Востокомъ именно Ксеркса, а не Христа. Послѣ религиозно-философскаго общества, послѣ «Русскихъ Вѣдомостей», послѣ «трудной Господней работы» — завѣта Вл. Соловьева — кончилось все, однимъ ударомъ. Редакціи, общества, судебные уставы, земства, университетскіе семинары, научная работа.

Ему было за шестьдесятъ; грузный русскій баринъ, совмѣстившій въ своей фигурѣ неповоротливую мощь родной земли и тревожные надрывы западныхъ восточковъ — Трубецкой почувствовалъ себя въ кромѣшной тьмѣ. Солнце разума скрывалось отъ него за мохнатыми спинами, въ ледяной пустынѣ снова зачадили лучины и онъ пересталъ вѣрить въ землю обѣтованную... Ибо не было больше краеугольнаго камня его міросозерцанія — вѣры въ русскій народъ. Когда рухнулъ этотъ камень, все обратилось въ кучу мусора. Сорокъ лѣтъ под-

рядъ Трубецкой убѣждалъ, писалъ, проповѣдывалъ, доказывалъ: существуетъ правда русскаго народа, выстраданная, объективнообоснованная, заслуженная, самая высшая правда въ мірѣ. «Любовь моя къ народу — отвѣтилъ онъ однажды П. Б. Струве — не темный подсознательный эросъ, не безпричинное влеченіе. Я поклоняюсь не народу, а той правдѣ, что за нимъ»...

Отвѣтилъ такъ уже *наканунъ*, въ 1916 году, въ «Русской Мысли», редактируемой Струве; а въ 1920, за двѣ недѣли до смерти, въ газетѣ «Великая Россія», редактируемой тѣмъ-же Струве, страшнымъ воплемъ въ сердце раненаго богатыря Трубецкой заревѣлъ: «Неужели Вы думаете, что эту сволочь можно унять аграрной реформой»...

... Въ оборванной медвѣжьей шубѣ московскаго охотника, съ длинными рукавами, волочившимися по тротуару, съ мутными, никого не видящими глазами, проходилъ онъ свои послѣдніе дни. На Серебряковской улицѣ бушевали облавы, нордъ остъ заглушалъ тревожныя сирены, съ горь доносилась пальба: наступали зеленые... Красные, зеленые, бѣлые... Трубецкой умеръ отъ того, чѣмъ мы пытались жить. Правда, раздѣлившаяся на цвѣта, перестала быть правдой.

Огненная Русь потухла отъ дыханія смертоносныхъ марсіанъ. Оставалось бредить — но бредить онъ не захотѣлъ...

Въ некрашенномъ гробу на Новороссійское кладбище отвезли послѣднюю Москву... По прежнему завываль нордъ-ость и провожалъ уходившіе въ море корабли своей страшной пѣснью эвакуаціи. О томъ, что еще много бѣсноватыхъ жертвъ осталось на проклятомъ берегу. О томъ, что Его Величество Сыпнякъ для сбора тучныхъ урожаевъ посылаетъ новыя полчища своихъ быстроногихъ жнецовъ.

О томъ, что не скоро кончится бредъ занемогшей оскорбленной земли...

По Серебряковской проходили хромыя подростки въ мохнатыхъ пальто; въ примерзшія къ посинѣвшимъ губамъ, изломанныя трубы они дули изо всѣхъ силъ: «Похоронный маршъ? «Сильва»? «Коль славень»? Кто знаетъ? Кто возьмется угадать?...

ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

*Я выдумалъ ее и все-жъ она ви-
дѣнье,
Я не люблю ее и мнѣ она близка,
Недоумѣлая, мое недоумѣнье,
Всегда веселая, она—моя тоска...*

Ин. Анненскій.

1.

По воскресеньямъ — и такъ тянулось всѣ годы, годы баснословные, годы революціонные, годы эмиграціонные — приходила мигрень. Дама, не прощающая, дама жестокостью и презрѣніемъ заражающая. Исполинскимъ молотомъ ударяла по головѣ, надоѣдливыми маленькими молоточками долбила по вискамъ, смѣялась, перемигивалась, перешептывалась. Рыжее, ненужное солнце залѣзало въ окна — и улица плыла тысячью свиныхъ рылъ. Хулиганчики въ полосатыхъ кепочкахъ щелкали подсолнухи, пунцовые платочки мечтали о «галапетеровскомъ щеколадѣ», трамваи звенѣли до глубокой ночи, уговаривая пить Уродональ — «продажа повсемѣстно». Синѣли Чичкинъ и Бландовъ, у Шустовскаго коньяка были свои особые счета съ живописью, городовые степенно оглядывали вынщенные сапоги, уговаривали не выражаться матерными словами...

И тикъ и такъ, и тикъ и такъ... „Неметенныя комнаты, заспаные лица“... (В. Роза лозъ).

... Потомъ пришли милиціонеры, потомъ нагрянули красногвардейцы. И уже нигдѣ не продавали Уродонала, вмѣсто Шустовскаго коньяка пили ханжу, политуру, кишмишовку. «адеколонтъ», самогонку, керосинъ... Замолчали трамваи и затыкали пулеметы. Не грызли подсолнуховъ и воплотилась мечта о «щеколадѣ»... Но по прежнему, грозная, не прощающая, помнящая день воскресный, безъ пропусковъ, безъ трудовыхъ книжекъ, безъ отношенія къ отбыванію воинской повинности — заявлялась мигрень. По прежнему были «неметенныя комнаты, заспаные лица»...

Въ январьскія добровольческія воскресенья, когда замерзала вода въ умывальникѣ и замерзали чины облавъ, хотѣлось мечтать. О всемъ, ни о чемъ. Поѣхать? Бѣжать? Спасать душу? Плюнуть — и на край свѣта безъ оглядки. Потому что въ этотъ же часъ, въ этотъ же ледяной воскресный вѣтеръ, по Норвежскимъ фіордамъ скользили льняныя голубоглазыя фрекень, а на островѣ Мальтѣ нѣжились потерявшіе національность лаццарони. Мальту ласкалъ иной, африканскій вѣтеръ. Не плохо и въ Африку. О Бизертѣ еще не знали..

... Вы тотъ посыльный въ новый годъ,
Что орхидеи намъ несетъ,
Дыша въ башлыкъ обледенѣлый...

Орхидеи не орхидеи, но визу на Италию
очень бы не плохо.

II.

«Путешествіе — школа скептицизма». Да ужъ къ чему-чему, а къ этому зелью привыкли. Четыре года, девять эвакуацій, всѣ страны Востока, вся жизнь побѣдоноснаго Запада, вся надрывная пляска побѣжденной «Mitropa» — и отъ визъ, гудковъ пароходныхъ, свистковъ поѣздныхъ, вѣжливыхъ полицейскихъ, грубыхъ жандармовъ, вылощенныхъ вестибюлей, рыхлыхъ примадоннъ осталось воспоминаніе... О томъ, что въ воскресный мигреневый день въ Портъ-Саидъ за пять египетскихъ піастровъ оспой изрытый арабъ показывалъ зловонный ишачій публичный домъ. Круглоглазые ишаки лѣниво отмахивались отъ оводовъ, новые и новые посѣтители за пять піастровъ, сохраняя супружескую вѣрность, получали все возможное удовольствіе и гидъ, приторно-сладкій, нагло-вѣдливый арабскій гидъ чрезвычайно рекомендовалъ застѣнчивымъ европейцамъ отвѣдать туземныхъ странностей любви...

L'homme, tyranne goulu, dur et cupide
l'esclave de l'esclave . . .

... А въ Константинополѣ каждымъ воскреснымъ утромъ приходили гости — калмыки. Люди изумительной женственной улыбки, наѣздники съ умопомрачительными кривыми ногами. Приходили и приносили гостинцы: гдѣ-то въ Скутари, въ армянской лавчонкѣ откопали свой родной несравненный плиточный чай. Побольше кипятку, подбрось двѣ-три плитки, соли не нужно, сахаръ — профанація, вооружайся деревянной ложкой, что турки специально для плова соорудили и... хлебай. Жирно, тошно, убійственно... Но калмыки блаженствуютъ. Того и гляди обидишь. Надо хлебать. Калмыкъ, что помоложе — съ университетскимъ значкомъ, съ благоговѣйной памятью о министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій — каждое воскресенье рассказывалъ свою несложную исторію. Женился на русской измѣнила, надо бы убить, да жалко. Хотѣлъ ее съ собой за-границу взять. Самъ поѣхалъ впередъ, ей ковры и брильянты оставилъ, условились встрѣтиться въ Стамбулѣ. Три мѣсяца прошло, ни слуха, ни духа. Ко всѣмъ пароходамъ подъѣзжаетъ, спрашиваетъ, не пріѣхала ли «мадамъ рюсъ санъ мари»... Отвѣчаютъ, что много де у

насъ «мадамъ рюсъ», и всѣ почти «санъ мари», но вашей случайно нѣтъ...

«Какъ думаете, подѣдетъ еще?»

Давлюсь чаемъ, ложкой сгоняю ненавистный жиръ и твердо отвѣчаю: «Не сомнѣвайтесь, Талджи, обязательно пріѣдетъ... Помните вчера рекламу о новыхъ Арисовскихъ духахъ видѣли — un jour viendra. Такъ и все въ жизни. День придетъ. Жена пріѣдетъ, вернетесь вмѣстѣ съ ней къ себѣ, въ Астраханскія степи. Чиновничье дѣло бросьте. Лучше кобыль разводите. Прикачу къ Вамъ въ гости, поставите кумысу. Смотришь, и загуляли»...

Талджи оживляется, долго роется въ карманѣ, находитъ двухъ съ половиной лировку и предлагаетъ ѣхать на футбольный матчъ въ Кадикей. На улицахъ Галаты не то что живой души, ни одного мѣнялы. Изнемогаетъ греческая природа, набирается силъ, чтобы завтра перекричать всю понедѣльную биржу... «Драхма, драхма, драхма... Франки, франки, франки».

На пароходѣ жарыща. Въ прежніе годы спасались подъ тентомъ, но за войну выдоравливающіе раненые посдирали тенты, не-то на штаны, не то просто на базаръ снесли. У капитанскаго мостика подъ парусиновыми зонтиками млѣютъ четырехъ угольные подбородки. Но туда не подой-

дешь. Тамъ надпись: Only for the allies officers. Талджи пробуеъ обидѣться и заявить, что и онъ въ войну въ дикой дивизіи офицеромъ служилъ и даже собственноручно Николаю Николаевичу поднесъ милліонъ золотыхъ рублей, собранныхъ въ ихнемъ улусѣ. Неужто-жъ за милліонъ нельзя подъ парусиновый зонтикъ спрятаться. Отъ правды и добродѣтельности Талджи, а еще больше отъ національнаго угощенія у меня изжога. И вотъ — вотъ начнется. Если греческій гарсонъ въ бѣломъ передникѣ еще разъ сунетъ въ проходъ свою рыжую щетину, просвѣченную солнцемъ Босфора— наступитъ конецъ. Молотомъ звякнетъ по головѣ, молоточками застучитъ въ вискахъ. Талджи уже успѣлъ познакомиться съ высоченнымъ дѣтиной въ батистовой пижамѣ. Оказывается, бывшій офицеръ, кирасиръ и все пр., находился на американскомъ иждивеніи на островѣ Проти, получилъ шесть одѣялъ тяжелыхъ и шесть легкихъ, три пиджамы фланелевыхъ и три батистовыхъ, но заскучалъ отъ тамошняго стола. Мясо — консервы, сливки — консервы, хлѣбъ тоже дьявольскій вродѣ консервовъ. Драпнулъ въ Стамбуль, продалъ всѣ двѣнадцать одѣялъ, изъ пижамъ оставилъ одну и пошелъ въ грузчики. Работа тяжелая, но къ вечеру лира двад-

цать піастровъ на бочкѣ, а въ саду пти шанъ рулетка вертится. Угадалъ цвѣтъ — значитъ на конѣ... И тикъ-такъ, тикъ и такъ. Скулы у Талджи расплываются, бѣлый его пиджакъ почернѣлъ отъ копоти, онъ снова пробуеъ завязать разговоръ о женѣ и освѣдомиться о мнѣніи американскаго пенсіонера... Но капитанъ свирѣпо ореть въ рупоръ, гречанки зажимаютъ уши и пароходъ стучается о Кадикейскій моль...

... Въ Nogent sur Marne, гдѣ въ году 1721 умеръ Ватто и гдѣ въ году 1921 все черно отъ заводскихъ трубъ, на дачу, покосившуюся, невытую, неметеную — пришло письмо съ Константинопольскимъ штемпелемъ. Шикарнымъ размашистымъ почеркомъ, какой только въ министерствахъ постигали въ совершенствѣ, писалъ Талджи о своей великой радости. Не даромъ онъ ѣздилъ на футбольные матчи. Въ прошлое воскресенье, въ Кадикейскомъ ресторанѣ встрѣтилъ Талджи свою жену. Она, оказывается, никакъ не могла его отыскать и тосковала страшно. Ковры и брилліанты прожила и если-бы не великодушный господинъ Хризофіадисъ, умерла бы съ голода. Талджи цѣловалъ ее, жаль руку Хризофіадису, а теперь проситъ меня выхлопотать для найденной жены визу въ Парижъ. Послѣдній сохранившійся у Талджи солитеръ

можно продать по настоящей цѣнѣ только на Rue de la paix (господинъ Хризофіадисъ обѣщаль даже записку дать). Самъ Талджи въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаетъ, а посему хочетъ отправить жену въ Парижъ. Продастъ солитеръ, вернется и заживутъ они въ Скутари. Уже и домикъ съ кактусомъ облюбовали. Жена страшно любитъ кирпичный чай и прекрасно его приготовляетъ... То-то радость будетъ!...

III.

...Женщина, о которой хочется вспомнить только изъ-за ея запаха. Герленовскій „*Quand vient l'été*“... Сладкій запахъ нераскаившихся грѣшницъ, Магдалинъ, съ презрѣніемъ отвернувшихся отъ Христа...

Съ ней мы продѣлали Англию. На пароходѣ межъ Діеппомъ и Ньюхавеномъ одинъ молодой врунь посоветоваль: «Поѣзжайте посмотрѣть Уайтчепль. Страшно интересно. Китайцы, какъ въ боксерскомъ Пекинѣ. Евреи, какъ въ библейскомъ Іерусалимѣ. Только, когда поѣдете, берите въ каждый карманъ по револьверу, пальцы на гашеткахъ... Дайте полисмену на чай десять шиллинговъ и берите его съ собой въ такси. Иначе не завидую»...

Она долго взбивала маисовые волосы, бѣшено подводила глаза, отрывала пуговицы у

tailleur'a... Это у 'нея называлось: «Имѣть видъ апашки»... Потомъ не найдя револьверовъ и держа пальцы на бумажникѣ, изысканно, на нашемъ блестящемъ волапюкѣ я объяснялъ полисмену смыслъ нашей просьбы и возможность заработать десять шиллинговъ... Полисмень внимательно слушалъ, потомъ снялъ каску, вытеръ испарину, ухмыльнулся, махнулъ рукой и ушелъ въ переулокъ. «Полисмены съ ними въ стачкѣ», — сказала «апашка». «Тогда можетъ вернемся, а»? «Нѣтъ, ни за что. Я не трусиха. Мой отецъ — георгиевскій кавалеръ и я сама.» Тра-та-та и тра-та-та...

Болѣе идиотскаго воскресенья не было во всей исторіи христіанскаго календаря. Китайцы зазывали въ харчевни, евреи продавали открытки. Изъ переулковъ выбѣгали нищіе и протягивали руки. Содержимое бумажника таяло. Никакихъ боксеровъ, никакой Библии. Поѣхали домой пришивать пуговицы къ ея tailleur'у и пополнять содержимое моего бумажника.

...Потомъ наступила очередь Оксфорда. Здѣсь мудрость вѣковъ перешла къ деревьямъ, здѣсь тупость деревцевъ перекочевала въ студентовъ. Я сидѣлъ, положивъ ноги на рѣшетку камина, радовался молчаливости десятка джентльменовъ, грѣвшихся

справа и слѣва. Думалъ о томъ, какъ ужасна была жизнь Вальтера Патера. Съ музыкой Италіи въ душѣ, съ мечтой о Пикѣ Мирандолійскомъ, герцогѣ Розенмольдскомъ, Себастьянѣ Ванъ-Сторкѣ — пятьдесятъ пять лѣтъ прожить здѣсь, среди джентльменовъ, играющихъ въ футболъ и мчащихся на гичкахъ — какое высокое назиданіе въ его концѣ. Сердце не выдержало и разорвалось. Въ узенькомъ бокалѣ по прежнему сохнутъ лепестки священныхъ розъ, напоминавшихъ ему инья, цвѣтуція заросли...

... Она ворвалась, переполошила грѣвшихся джентльменовъ, наполнила холль Герлэновскимъ запахомъ и, блѣдная, злая, сжавъ накрашенныя губы, объявила, что твердо рѣшила застрѣлиться и уже нашла браунингъ...

„Какъ-же вы рѣшили, здѣсь въ Оксфордѣ или до Лондона отложите?“ «Нѣтъ, здѣсь, здѣсь, на зло всѣмъ этимъ идиотскимъ ростбифамъ»... «Гмъ, а вы знаете, что браунингъ часто даетъ осѣчку»... «Тогда я утоплюсь!» «Ничего не выйдетъ. Студенты вытащатъ. Имъ реклама, вамъ позоръ». «Тогда я ѣду сегодня въ Парижъ и по дорогѣ брошусь въ Ламаншь»... «Счастливаго пути»...

Она не застрѣлилась, не повѣсилась, не бросилась въ воду. Одинъ несчастный человѣкъ, встрѣтившій ее на пароходѣ, третій мѣсяць уже сидитъ съ ней рядомъ въ Монте-Карло и слушаетъ, какъ слуги князя Монакскаго констатируютъ уменьшеніе его состоянія. Этотъ человѣкъ, конечно, не спасется отъ браунинга. Передъ тѣмъ, какъ надавить гашетку, онъ вспомнитъ «Quand vient l'été» и, кто знаетъ, быть можетъ не пожалѣетъ. Орель или орѣшка?

IV.

И еще одно воскресенье. Въ Парижѣ — на Père-Lachaise. Тянетъ какъ то все на кладбище: негру — дансингъ, русскому — могилки. Надписи считаешь, звучности гальской рѣчи порадуешься, величавой простотѣ гражданскихъ похоронъ удивишься. Ни поповъ, ни свѣчей, ни «грамофона» — поповскаго пѣнія. Подѣхали къ могилѣ, быстро-быстро на канатахъ опустили гробъ на дно, швырнули по цвѣтку, нахлобучили шапки и — здравствуй жизнь! Лучше быть живой собакой, чѣмъ мертвымъ львомъ...

У августа есть хмурья улыбки. Вечоръ еще багровые шофферы, выпячивая кроличьи глаза, глотали ведра льда, а сегодня заплетничалъ, зашмыгалъ пронизывающій вѣтерокъ и старушкамъ монахинямъ раз-

строилъ на диво накрахмаленныя наколки. Придерживая котелки, вприпрыжку несемся по аллеямъ и посмѣиваемся надъ прочитаннымъ объявленіемъ. Не дешевая это штука — на *Rege Lachaise* отдыхать; администрація кладбища извѣщаетъ, что существуютъ слѣдующіе типы контрактовъ: на пять лѣтъ, на десять, на двадцать и на тридцать. Кто побѣднѣй, тотъ арендуетъ мѣсто лишь на пять лѣтъ, за это время старается успѣть сгнить и, когда пятый годъ кончается, всякую шелуху, что остается, вырываютъ, сжигаютъ и мѣсто приготавливаютъ для новаго кліента. Кто побогаче — тому лестно подольше держаться и подольше мучить родственниковъ въ смыслѣ принесенія цвѣтовъ, подновленія памятника, поминальныхъ вѣнковъ и т. п. Тридцатилѣтній контрактъ — самый длинный контрактъ; дальше уже большущія деньги, ибо на вѣчность *Rege-Lachaise* принимаетъ лишь кліентовъ, обладающихъ собственными фамильными склепами. Купить мѣсто для склепа и выстроить самый склепъ... Такая уйма денегъ, что на нихъ на океанѣ хорошую дачку можно сторговать.

«Ну, хорошо — спрашиваетъ мой любознательный пріятель выцвѣтшаго величаваго сторожа — а если совсѣмъ бѣдный человѣкъ умираетъ, какъ же съ нимъ по-

ступаютъ»... «Бѣднымъ не мѣсто на Pègre-Lachaise — съ достоинствомъ отвѣчаетъ старикъ — имъ и на Batignolles не плохо, это разъ, а потомъ бѣднаго хоронятъ за общественный счетъ, на полъ года, на годъ, это два»... «И поспѣваетъ онъ за полгода»? «Еще какъ»...

Добрались наконецъ и до самага интереснаго мѣста, подошли къ крематорію. Прекрасное строгое зданіе, величественная простота главнаго зала, Бетховенскій похоронный маршъ, два сторожа съ деревянной точностью маріонетокъ, по командѣ: „un, deux, trois“, загоняющіе гробъ въ печь, жадныя до зрѣлищъ, тонконогія мидинетки, выпрашивающія «совсѣмъ маленькую косточку на память», — и мой пріятель, подъ шумокъ просовывающій пятифранковикъ сторожу за то, чтобы насъ пустили въ заднюю комнату, гдѣ работаетъ адская печь и гдѣ сквозь оконцо изъ слюды видно, какъ распадаются покровы, какъ сквозь горячіе лохмотья человѣческаго мяса сѣрбуютъ и накаляются кости. Сторожъ кромѣ того клянется, что если у monsieur хорошее зрѣніе, онъ можетъ замѣтить моментъ, когда у того другого, бывшаго monsieur, отъ жара лопаются глаза... За жуткость своей фантазіи сторожъ получаетъ еще два франка и мы выбираемся

изъ печной комнаты въ длинную галерею, въ стѣнахъ которой замурованы урны съ пепломъ. Надъ каждой урной дощечка съ фамиліей сожженнаго. И вотъ тутъ-то французы поскользнулись. Идея крематорія, гордая, исполненная силы и презрѣнія, требуетъ исключительной простоты, однообразія, отсутствія цвѣтовъ, красокъ, завитушекъ. На Репè-Lachaise этого не поняли — и въ галереѣ парижскаго крематорія оскорбительно мѣщанство искусственныхъ цвѣтовъ, базарныхъ лентъ, театральныхъ вѣнковъ. Выдержаннѣе всѣхъ урна нашего русскаго — Старосельскаго, бывшаго кутаискаго губернатора и бывшаго эмигранта. Дощечка, имя, фамилія... Ужаснѣе всѣхъ урны какого-то голландца и молодой артистки изъ обозрѣнія на Boulevard des Capucines. Голландецъ привѣсилъ къ урнѣ свою торговую вывѣску: экспортъ, импортъ манильскихъ сигаръ и т. д. А на дощечкѣ артистки, умершей 27 лѣтъ, красуется ея портретъ: насмѣшливая элегантная женщина — съ хищнымъ носомъ, съ обнаженными плечами и грудью — играетъ вѣромъ изъ страусовыхъ перьевъ... Впрочемъ, на мидинетокъ урна артистки производитъ наибольшее впечатлѣніе; щебечущая компанія останавливается и единодушно восхищенно вздыхаетъ: «Mais elle

était charmante»... Моментъ для знакомства слишкомъ благопріятенъ — и изъ крематорія мы выходимъ веселой компаніей съ большой рѣшимостью и великими планами... И тики-такъ, и тики-такъ...

V.

У Розанова: «Василій Васильевичъ, отчего в ы не любите Христа»? „Потому что я люблю простыхъ и добрыхъ, а Христось не простой и не добрый!“...

У Эпикура: «Или Богъ хочетъ помѣшать злу и спасти людей, но не можетъ этого сдѣлать; или онъ можетъ, но не хочетъ; или, наконецъ, онъ и можетъ и хочетъ. Если онъ хочетъ, но не можетъ — онъ безсиленъ;... если онъ можетъ, но не хочетъ — онъ пороченъ; если онъ не можетъ и не хочетъ — онъ и безсиленъ и пороченъ; а если онъ и можетъ и хочетъ и все же ничего не дѣлаетъ — чего-же онъ ждетъ»?!

...И тикъ и такъ, и тикъ и такъ...

К Э Т Ъ.

*Она давно прошла... и нѣтъ уже твоихъ
глазъ*

*И нѣтъ улыбки той, что, молча, пере-
дали*

*Страданье—твѣнь любви и мысли — твѣнь
печали,*

Но красота ея Боровиковскій спасъ!..

Полонскій.

I.

Когда профессору Федору Ивановичу Буслаеву исполнилось пятьдесятъ шесть лѣтъ, ему снова довелось—въ году 1874—посѣтить городъ Римъ. Здѣсь тридцать три года назадъ, молодымъ гувернеромъ семейства Строганова онъ блуждалъ по притаившимся площадямъ и мечталъ о Россіи, о русскомъ искусствѣ, о молодой растущей Москвѣ... На всю жизнь запомнилъ старикъ Строгановъ молодого мечтательнаго юношу, склоненнаго надъ книгой Винкельмана въ феерическихъ лучахъ апрѣльскаго итальянскаго солнца...

Я въ Римѣ родился и онъ ко мнѣ вернулся. . .

Черезъ три года вернулся Римъ къ Буслаеву, Буслаевъ въ Римъ. И по тѣмъ же площадямъ, опираясь на палочку, проходилъ — разочарованный, скорбный; ни всероссійская слава, ни всемосковскій почетъ не осуществили мечтаній гувернера Строгановыхъ.

Въ періодъ этого послѣдняго паломничества къ истокамъ міровой души Буслаевъ много пишетъ въ Москву и по большей части вспоминаетъ. Ему кажется, что жизнь его прошла «полоской сѣрой бумаги», ему хочется все начать сызнова. И предъ нимъ чаще и чаще, въ тишинѣ музеевъ и въ грохотѣ карнавала встаетъ образъ женщины. Онъ такъ и не посмѣлъ, даже теперь признаться въ своей любви. Юношеская застѣнчивость, старческая стыдливость. Но... «ни у кого въ Москвѣ не было такой тонкой талии, такого легкаго дыханія, такой изумительной ножки»....

Кто-жъ она? Свѣтъ ее зналъ, какъ баронессу Катерину Васильевну Боду.... Для Буслаева и теперь — въ году 1874 — она по прежнему «Кетти Боду». Москва тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ знала достаточно красавицъ: „и блескъ Алябьевой и прелесть Гончаровой“. Но ни одна изъ нихъ въ обращенныхъ къ прошлому глазахъ пятидесятишестилѣтняго профессора не выдерживаетъ сравненія съ *Ней*. Кетти Боду!..

Мы увидѣли жизнь въ иныя времена. Намъ не посчастливилось узрѣть Кетти Боду, прикоснуться къ баснословному быту. Но когда позапрошлой весной, вырвавшись

изъ чада, безумія, бреда, я воскресъ въ Солнечномъ Римѣ — я вспомнилъ Буслаева, его мечту — Кетти Бодѣ, и другую «Кетти», нашу, мою современницу. 80 лѣтъ прошли не даромъ: время просѣиваетъ. Но, если «страданье — тѣнь любви» имѣетъ свою преемственность, по своему связываетъ и сближаетъ поколѣнья — рассказъ о моей, о нашей Кетти сумѣетъ найти тропинку къ снисхожденію.

* * *

...Кетти было двадцать два. Легкость въ походкѣ, въ дыханіи, въ жестахъ. Лицо матовой смуглости, невѣрные вспыхивающіе глаза, горячая удлиненная рука, а въ смѣхѣ горловомъ и фальшивомъ, шуткахъ непрерывныхъ, надломанныхъ, высококомъ подъемѣ сухихъ породистыхъ ногъ—все та-же мысль о пряномъ неудовлетворяющемъ танцѣ. Словно невѣдомую дочь Иродіады одѣли въ *tailleur*, перекинули черезъ плечо кашнэ, дали въ руки широкую трость и пустили по улицамъ, гдѣ вереницей ѣхали гроба, гдѣ не смолкалъ похоронный маршъ, — бросили въ грязные, заплеванные рестораны, гдѣ рокъ уже прозвучалъ въ трагическомъ весельи разбитыхъ трюмо. Ея мужъ, присяжный повѣренный, сынъ миллионера, былъ однимъ изъ немногихъ

интеллигентовъ на Югѣ Россіи, пошедшимъ не въ «оборонцы», не въ земсоюзъ, а въ настоящій, не выдуманный полкъ, въ бой, въ мытарства. Заѣденный вшами, голодный, обезумѣвшій, онъ бралъ Харьковъ, Курскъ, Орель, получилъ двѣ контузіи, солдатскій крестъ и непобѣдимое отвращеніе къ прежней сладостной мечтѣ о забвеніи въ подвигѣ.

За девять мѣсяцевъ брака, за годъ боевой разлуки семейное счастье ихъ не расцвѣло.

Было жалко мужа, было страшно за его жизнь; но нигдѣ, никогда, ни за что нельзя было забыть ту мерзкую ночь, когда два года назадъ, въ паникѣ бомбардируемаго города, въ бдѣніи общаго смятеннаго ужаса, онъ взялъ ее, трепещущую, взялъ силой, ошеломленіемъ на площадкѣ черной лѣстницы, гдѣ оба несли «дежурство». Попрежнему, какъ и тогда, завывала, била, вихремъ подхватывала неумолимая судьба. Уносились обычная жизнь, рушились поддерживающія ее пружины, становились понятны, близки, оправданы — разстрѣлы, разгромы, распоротые животы, выколотые глаза. Но того, но того простить нельзя. Пришедшая любовь къ мужу не побѣждала ненависти къ насильнику.

И среди теперешняго озноба души она кончила нерадостнымъ подспорьемъ. Каза-

лось, одно вино могло заполнить свистящую пустоту жизни. Облака табачного дыма душили трупный проклятый смрадъ, который изъ сотенъ прогнившихъ лазаретовъ, наполненныхъ зловонными обрубками, ползъ по всему оцѣпенѣвшему городу. Въ кавалерійскихъ остротахъ случайныхъ собутыльниковъ не было надрыва. Они приходили, одинъ за другимъ, въ разстегнутыхъ фрэнчахъ, багровые, со свѣжимъ убійствомъ въ бѣгающихъ глазахъ; сегодняшній приносилъ вѣсть о смерти вчерашняго. Красные, большеглазые Румыны играли все тотъ-же неизбывный гимнъ эвакуаціи — Сильву. И хлопали пробки. *Très sec, très sec, très sec.* И въ цыганской мазуркѣ уса-тые люди въ папахахъ разряжали обоймы «Парабелей». Становилось по - пьяному ясно, головокружительно цѣльно. А отъ одной понюшки бѣлаго порошка міръ перекрашивался, свѣтлѣлъ, благоухалъ, будто въ пропитанной потомъ ресторанный сквернѣ зажгли солнце тихой мудрости. Хотѣлось молиться крѣпкому властителю звѣздъ: избави насъ отъ сѣраго дня, спаси насъ отъ рыжаго полудня, военныхъ сводокъ, новыхъ страховъ, новыхъ гробовъ... И забыть молитву, которой училъ рыхлый, породистый земгусаръ Валуевъ: Боже, избави меня отъ мобилизаціи, рек-

визиціи, ареста, доноса, евакуаціи... Можно и такъ. Лишь бы молчала трагедія трезвости.

Сильва, ты меня не любишь...

* * *

Дотрескивалъ нелѣпый вонючій фейерверкъ. Сырыя ракеты безсильно щипѣли въ клумбахъ, вяло попрыгивали шутихи, бенгальскій огонь обрывался пыхтя, словно кто-то поплевалъ въ его синеватое пламя.

Праздникъ Корниловскаго полка, длившійся въ этомъ пыльномъ выжженномъ саду съ вчерашняго полудня, уже заканчивался.

Дроздовцы съ черными орлами на золотыхъ погонахъ, бѣло - черные Марковцы, красно-черные Корниловцы, волчьи папахи Кубанцевъ, чеченскія шапочки терцевъ — всѣхъ одолѣлъ хмѣль. И подъ рѣдкими чахлыми деревьями, межъ пустыхъ бутылокъ и огрызковъ хлѣба, вповалку лежали они въ самыхъ разнообразныхъ позахъ.

На аллеяхъ была пустота, въ кіоскахъ потухли лампіоны и только на верандѣ за грудой разбитой посуды, надъ лужей пролитаго кахетинскаго, компанія Кетти досиживала положенное время...

Языкъ редактора — вѣчно пьянаго верзилы — уже не вязалъ похабныхъ анек-

дотовъ, голубоглазый чистенькій поручикъ заснулъ на полу-словѣ, такъ и не окончивъ разсказъ о какомъ то повѣшеніи. Предъутренній вѣтерокъ трепаль занавѣски и шуршаль бумажными салфетками. Захотѣлось снова зажечь, согрѣться, защититься отъ пасмурнаго утра. Простоволосая, изсине-блѣдная, опершись о плечо всхрапнувшего сосѣда, Кетти встала, пошатываясь направилась къ серединѣ веранды и остановилась у ступенекъ въ садъ. Сто-рожа уже выметали окурки, серпантинъ, клочки секретокъ съ любовными строками.

— Лезгинку! — крикнулъ кто-то сиплый изъ сосѣдняго зала. Подслѣповатый старичокъ, мирно дремавшій, разомъ встрепенулся, подоткнулъ грифъ скрипки и фальшиво запиликалъ Кавказскій мотивъ. Все еще чувствуя неувѣренность, Кетти топнула затекшей ногой и пошла въ широкомъ танцѣ, стараясь не попадать въ лужи вина.

Поощрительно кричали въ залѣ: «Таши, Таши!..» На веранду выбѣжали пожилые грузные Армяне, таща за собой мертвецки пьянаго Кубанца, и одинъ изъ армянъ -- мордатый, весь изрытый оспой — такъ поддалъ такта ногой, что на столѣ задрезжали тарелки, а Кубанецъ дико загоготалъ, сѣлъ на полъ и сталъ стаскивать сапоги.

— Таши, Таши!.. -- помогаль своей скрипченкѣ самъ музыкантъ. Армянинъ закрутился, завертѣлся и съ разгона плюхнулся на колѣни шершавымъ носомъ въ руку Кетти — Таши, Таши! . .

Дребезжали звонкіе звонки перваго трамвая.

* * *

Ни весны, ни лѣта, ни осени. Шестъ часовъ, остающихся отъ тяжкаго пробужденія до вечера, она прячетъ за сквозными, вѣчно спущенными жалюзи. Гдѣ то за городомъ еще такъ недавно бѣлѣли яблони, а вотъ уже въ октябрьскихъ сумеркахъ мелькають пушинки и мобилизованные семнадцатилѣтніе мальчишки вразбродъ валяютъ съ вокзала къ «воинскому».

Изъ Курска отъ мужа пришла телеграмма: „Ранень, если можешь, пріѣзжай“.

На вокзалѣ уже не продавали билетовъ на Курскъ. Армія стремительно катилась назадъ, и взъерошенный, осипшій дежурный по станціи обиженно визжалъ:

— Оставьте глупые вопросы, развѣ я знаю почему? Не продають, и баста!

Кетти доѣхала до Харькова. На Екатеринославской уже развѣзжали пикеты конныхъ Дроздовцевъ, наверху, на Холодной горѣ, по ночамъ стрекотали винтовки.

И началось для нея безмысленное, безнадежное хождение по гудящимъ корридорамъ испуганныхъ, ничего не знающихъ штабовъ. Какія-то бурки безъ погонъ шептались въ нишахъ, что все уже конечно. Что Деникинъ телеграфировалъ Ленину, а Ллойдъ-Джорджъ еще кому-то. Какія-то покрашенные, расфуфыренные женщины часами задерживали дежурнаго ротмистра, сыпя имена полковниковъ, корнетовъ, заурядъ-чиновниковъ.

— «Вашъ мужъ въ Новоархангельскомъ — служилъ? О, Господи, отъ полка еще на прошлой недѣлѣ ножки да рожки остались» — хмуро сказалъ знакомый полковникъ. — «А впрочемъ, — попытался онъ утѣшить, — вашъ мужъ вольноперъ, ну такъ нижнихъ же чиновъ они не добиваютъ»...

На четвертый день въ маленькомъ кафе „Миньонъ“ ее окликнули:

— Киттечка! Вотъ гдѣ Вы! — Рыжій мѣшковатый парень въ англійскомъ фрэнчѣ и кепи широко улыбался и протягивалъ пухля, короткія руки: — Не узнаете? Нѣтъ? Вотъ такъ дѣла! Уткина забыла!

— Николай Сергѣевичъ, откуда вы? — Она невольно обрадовалась, такія воспоминанія вызывалъ этотъ «англичанинъ». Последнее предреволюціонное лѣто въ Кисловодскѣ она играла съ нимъ въ тен-

нисъ и каждый вечеръ ѣздила за городъ. Однажды, возвращаясь съ замка, онъ научилъ ее нюхать кокаинъ. Тряскіе повороты швыряли экипажъ, весь кокаинъ сыпался ей на платье. Уткинъ, добродушно хохоча, прильнулъ къ ея колѣнямъ, жадно втягивалъ каждую песчинку и впивался въ легкую кисею своими блѣдными, отвислыми губами.

Узнавъ о мужѣ, онъ сокрушенно вздохнулъ:

— Ахъ, Игорь, Игорь, хорошій поке-ристъ и выпить не дуракъ. Ну, вы особенно не вѣрьте, я тоже пріятеля совсѣмъ было похоронилъ, а вчера онъ заявляется и беретъ займы три тысячи...

Вечеромъ они сидѣли въ «Версалѣ», слушали «Сильву», топотали въ паузахъ особаго для стука фоксъ-трота, безпрестанно чокались и оба рассказывали, каждый о себѣ, перебивая другъ друга. Очень скоро подсѣлъ какой-то офицеръ, показавшій новинку — «махновскій» пистолеть.

«Дѣло очень простое, — тянулъ онъ пьянымъ, вялымъ голосомъ, — у винтовки срѣзано дуло. Представляете, что получается, какое вращеніе. Выходное отверстіе, что твоя суповая тарелка»... Уткинъ отплевывался и убѣждалъ его въ преимуществахъ русскаго шампанскаго. Офицеръ не

слушалъ и безпрестанно стучалъ по столу махновскимъ пистолетомъ.

„Еще одинъ, безъ закуски“!.. И скоро на столъ некуда было локтей положить отъ пузатыхъ, тѣснившихся графинчиковъ.

Прощаясь, Уткинъ задержалъ ея руку въ своихъ мягкихъ, рыхлыхъ лапахъ: «Хорошій вы парнюга, Кетти, жаль мнѣ васъ. Что тутъ торчатъ — мужа вы не найдете, только харьковскихъ тифозныхъ вшей нахватаете и придется вамъ въ итогѣ свои волосы отрѣзать. Сейчасъ вы прямо съ пиксафонновой наклейки, тогда въ чепчикъ залѣзете. Нехорошо, а? Знаете что? пока еще ѣхать можно, двинемся на прощанье въ Кисловодскъ. Тряхнемъ недѣльку старинной, знаете такъ, а ля фуршетъ, безъ особыхъ смысловъ! . . . Ей Богу, подумайте, дѣло говорю».

Кэтъ вспомнила о мужѣ, потомъ ей представились грязный, стонущій отъ бѣженцевъ Ростовъ и веселый чистенькій Кисловодскъ, гдѣ было столько легкихъ, цѣльныхъ минутъ. . . Странно, ѣхать съ этимъ, въ сущности, малознакомымъ человекомъ. Но возвращаться опять. . . Плевать!

И на завтра они уже протискивались вокзаломъ, прокарболеннымъ, загаженбнымъ, гудящимъ.

Черезъ часъ замелькали знакомыя станціи. Ихъ курьерскій шелъ полнымъ ходомъ, стараясь до ночи проѣхать районъ, неблагополучный по нападеніямъ Махно.

* * *

Ѣдемъ короткими минутами, собственно не Ѣдемъ, а полземъ, съ силой отрываясь примерзшими къ рельсамъ колесами. Стоимъ-же на каждомъ полустанкѣ, стоимъ длинными, выматывающими часами.

Тщетно посинѣвшіе, продрогшіе люди вбѣгаютъ въ разрушенные, полусожженные вокзалы. Кипятка нѣтъ и не будетъ, дуетъ изо всѣхъ щелей. И въ зіяющія обугленные рамы видна степь. Степь кругомъ. Покрытая глубокимъ, желто-грязнымъ снѣгомъ. И сколько охватываетъ глазъ, повсюду одна и та-же осточертѣвшая панорама. Горизонтъ въ дымкахъ разрывовъ, а отъ него по сотнямъ направлений дали чернѣютъ караванами обозовъ, вереницами пѣшихъ и конныхъ одиночекъ. Ростовъ оставленъ, за Донъ, въ Кубанскія степи бѣжитъ вся армія, а за ней устремляется двухсоттысячное населеніе. Съ орудіями, сундуками, возами, танками, просто съ котомками они стремятся къ желѣзнодорожной линіи. И мы стоимъ оттого, что

на каждой верстѣ выдерживаемъ яростныя атаки толпъ, штурмующихъ нашъ поѣздъ.

«Долой дезертировъ! Паникеры и спекулянты могутъ пѣшкомъ идти» — бурлитъ многоголосое море. Обезумѣвшіе отъ страха и стыда за свой страхъ — офицеры, врываются въ вагоны и выкидываютъ всѣхъ штатскихъ.

«Я секретарь члена особаго совѣщанія». «Къ чорту, довольно насовѣщались», — и господинъ въ дымчатомъ пенснэ вылетаетъ наружу.

Пять дней я держусь, на шестой больше не спасаетъ гора моихъ охранныхъ грамотъ.

«Документъ не годится», — мрачно заявляетъ папаха и энергично помогаетъ выйти изъ вагона. Мой саквояжъ вылетаетъ еще раньше.

Проклятая «Кущевка»! Мы попали въ скрещеніе двухъ отступающихъ армій. Авангардъ Казачьяго коннаго корпуса на рысяхъ подоспѣлъ раньше Добровольцевъ и начисто вымелъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ въ поѣздѣ штатскихъ.

На перронѣ, на станціонномъ дворѣ, на запасныхъ путяхъ груды бросаемыхъ пулеметовъ, двуколокъ, походныхъ кухонь. Освобождаясь отъ всего тяжелаго, казаки наполняютъ вагоны сундуками,

переметными сумами, какими-то ящиками. Рѣчь идетъ о спасеніи добычи двухъ мучительныхъ лѣтъ. Маленькій злобный черкесть кому-то грозитъ кинжаломъ и требуетъ принять въ вагонъ его мотоциклетку и зеркальный шкафъ.

На перронѣ я встрѣчаю дежурнаго по станціи. Онъ идетъ подъ конвоемъ нѣсколькихъ кубанцевъ съ винтовками наизготовѣ и тщетно показываетъ пукъ телеграммъ, приказывающихъ не выпускать ни одного поѣзда внѣ составленной схемы.

Въ залахъ всѣхъ классовъ, въ пакгаузѣ, на телеграфѣ стѣна изгнанныхъ штатскихъ. Кое-кто сумѣлъ уже договориться съ подводами, и двигается дальше по грунтамъ, остальные мечутся въ поискахъ ѣды и угла для ночлега. Съѣдено все, что можно найти въ пятиверстномъ радиусѣ. Посланные для закупокъ въ дальнія деревни возвратились съ пустыми руками: «за деньги уже не продаютъ»... Толкаются, мечутся, задаютъ все тотъ-же вопросъ: «Какъ дальше отправимся»? Подымаются чудовищные слухи. Господинъ, стоявшій у окошка телеграфа, неожиданно заявляетъ, что Буденный уже въ десяти верстахъ... «Да вы откуда знаете?» Начинается перебранка. Закутавшись въ пледъ,

я безуспѣшно брожу, стараясь не слышать, не видѣть, не обонять...

Спать на столахъ, холмами раскинувшись на мокромъ и грязномъ полу. Стойку буфетчика откупила за 50.000 компанія Таганрогскихъ грековъ. На самой стойкѣ спать дѣти, подъ ней примостились старшіе.

У входа въ дамскую толпа оживленно жестикулирующихъ военныхъ. Среди нихъ знакомый врачъ. Трогаю его за плечо и говорю шопотомъ: «Алексѣй Кирилычъ! Помогите уѣхать въ вашемъ составѣ». Онъ поворачиваетъ искаженное злобой и бессонницей лицо и кричитъ истощнымъ голосомъ: «Чего вы всѣ отъ меня хотите? И всѣхъ васъ вывози и вашу покойницу съ собой бери»...

— Какую мою покойницу?

— Кетти, Кетти, пресловутую! И мертвая головы крутить.

— Что вы рассказываете? Какая мертвая?

— А вотъ такая! Изъ Кисловодска ѣхала, по дорогѣ свалилась. Вчера ее съ Кисловодскаго поѣзда въ сыпнякѣ сняли. Сутки погорѣла и померла. Кажется, точка. Нѣтъ, господа офицеры вдругъ чувствительность проявляютъ, обязательно хо-

тятъ въ Новороссійскѣ хоронить. Въ Кушевкѣ черноземъ не нравится...

И вырвавъ свою руку, онъ снова вмѣшался въ яростно спорящую толпу.

Черезъ полчаса цѣлой толпой мы двинулись пѣшкомъ въ направленіи слѣдующей станціи. По увѣренію секретаря члена особаго совѣщанія тамъ онъ сможетъ осуществить свои права и всѣмъ намъ помочь.

... Ни въ Новороссійскѣ, ни въ Константинополѣ мнѣ не удалось узнать, гдѣ похоронена Кетти. Полагаю, что Алексѣй Кирилловичъ настоялъ на своемъ и она покоится на Кушевскомъ кладбищѣ, въ рыхломъ кубанскомъ черноземѣ, обдуваемая всѣми степными вѣтрами, нордостомъ январьскимъ — ледянымъ и снѣжнымъ, нордостомъ іюльскимъ — спертымъ и сухимъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Іерихонскіе трубачи	5
Распорядители игры	17
Мексика на Днѣпрѣ	57
Порто-франко	89
Кладбище мечты	115
Пузыри земли	155
Степь бредитъ	179
По воскресеньямъ	211
Кэтъ	229

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЪ БЕРЛИНѢ

„РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“

издавшее настоящую книгу
выпустило въ продажу:

1. „Повѣсть о И. С. Стратилатовѣ“.
А. Ремизова.
2. „Ё“.
Тибетскій сказъ А. Ремизова.
3. „Лунная сырость“.
Повѣсти 21-го года, гр. Ал. Ник. Толстого.
4. „Езуитушка“.
Книга разсказовъ А. Дроздова.
5. „Отрывокъ изъ мемуаровъ“.
Романъ Е. Ильиной-Полторацкой.
6. „Сказки обезьяньего царя Асыки“.
А. Ремизова. Рис. В. Масютина.
7. „Какъ мы росли въ старинной усадьбѣ“.
Книжечка для дѣтей Е. Ильиной - Полторацкой.

Кромѣ того печатаются:

8. „Записки мерзавца“.
Романъ А. Ветлугина.
9. „Альманахъ Серапионовыхъ братьевъ“.
10. „Записки Терентія Забытаго“.
Повѣсть А. Аросѣева.
11. „Со Святыми Упокой“.
Романъ Л. Урванцова.
12. „Образы расплавленной Москвы“.
А. Ветлугина.
13. „Заря — заряница“.
Дѣтская книга И. Соколова-Микитова.
14. „Сказки“.
И. Пуни. Рисунки К. Богуславской.

Литературнымъ отдѣломъ издательства
завѣдуетъ гр. А. Н. ТОЛСТОЙ.

**Buchdruckerei u. Verlagsanstalt „PRESSE“ G m.b.H.
Berlin SW 19, Leipziger Strasse 59.**

**Печатано въ Типографіи Общества „ПРЕССЕ“
Берлинь, Лейпцигеръ Штрассе 59.**
